

Ю. ЯРЕМЕНКО

« БОЛЬШОЙ СКАЧОК »

И НАРОДНЫЕ
КОММУНЫ
В КИТАЕ

Ю. ЯРЕМЕНКО

«БОЛЬШОЙ СКАЧОК» И НАРОДНЫЕ КОММУНЫ В КИТАЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1968

Яременко Юрий Васильевич

Я-72 «Большой скачок» и народные коммуны в Китае. М., Политиздат, 1968.

143 с.

В брошюре обстоятельно раскрываются существо и методы экономической политики, начало которой положили нынешние руководители Китая еще в 1958 г. в форме так называемых «трех знамен»: «генеральной линии», «большого скачка» и народных коммун. Широко используя китайские документы и материалы, автор дает яркую картину того, насколько эта политика отрицательно сказалась на экономике Китая и благосостоянии китайского народа. Анализ экономической политики руководящей группы Мао Цзэ-дуна в конце 50 — начале 60-х годов позволяет глубже понять нынешний этап антинародного, авантюристического курса, проводимого этой группой как внутри страны, так и за ее пределами.

Брошюра Ю. Яременко рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся проблемами современного Китая.

В течение уже длительного времени Китай сотрясает разрушительная кампания, известная всему миру под названием «культурной революции». Мао Цзэ-дун и его группа предпринимают чрезвычайные усилия, чтобы сломать политическую и экономическую систему крупнейшего социалистического государства Азии. Во многих районах Китая прекратили свою работу органы народной власти, распущены партийные организации, ликвидированы профсоюзы. Там, где берут верх сторонники Мао Цзэ-дуна, нарушается нормальная хозяйственная и культурная жизнь.

Если суммировать идеал группы Мао Цзэ-дуна, то им будет военно-бюрократическое государство, в котором население лишено каких-либо политических и экономических прав. Высшими добродетелями в этом государстве должны стать отречение от всяких жизненных благ и слепое повиновение. Плановые решения и стимулы к труду здесь заменяются приказами вождя, а весь идеологический комплекс — одной лишь книжкой с цитатами. В области внешней политики группа Мао Цзэ-дуна идет по пути авантюры и пренебрежения общими интересами мирового коммунистического и рабочего движения. Авантюризм группы Мао Цзэ-дуна во внешней политике и

ее попытки разрушить общественную и экономическую структуру, созданную в ходе социалистического строительства в Китае, тесно связаны с шовинистическими, великодержавными устремлениями этой группы. Осуществление гегемонистских замыслов требует не заботы об интересах трудящихся, а наоборот — превращения их в податливый материал для честолюбивых планов захватившей власть маоцзэдуновской группы.

«Культурная революция» — свидетельство кризиса догматической и шовинистической внутренней и внешней политики нынешнего китайского руководства. Во внешнеполитической области этот кризис выразился в серии неудавшихся авантур, вызвавших осуждение со стороны мирового общественного мнения и международную изоляцию Китая. Во внутренней политике программные положения крайнего левого курса были подвергнуты испытанию в период «большого скачка» и также показали свою полную несостоятельность. Массовому недовольству проводившейся политикой и все возраставшему сопротивлению Мао Цзэ-дун был вынужден противопоставить отряды хунвэйбинов и армию.

В этой работе мы затрагиваем прежде всего вопросы внутренней экономической политики правящей группы Китая. Наша цель: с помощью анализа одного из характерных периодов экономического развития Китая — периода «большого скачка» — показать, какие экономические методы и какая экономическая политика отстаиваются группой Мао Цзэ-дуна в ходе «культурной революции». Именно в «большом скачке» внеэкономический подход к ведению хозяйства, пропагандируемый и осуществляемый Мао Цзэ-дуном, проявился в полной мере.

Экономическая политика «большого скачка» и народных коммун, провозглашенная в 1958 г., была

авантюристической попыткой в кратчайший срок превратить Китай в первую в экономическом отношении державу мира. Эта попытка сопровождалась ниспровержением всех основных принципов социалистического хозяйственного строительства и потерпела полный провал.

Анализ событий «большого скачка» не только позволяет вскрыть сущность экономических методов, отстаиваемых группой Мао Цзэ-дуна, но и показать, что эти методы означают для народных масс. Как известно, «культурная революция» встречает сопротивление широких слоев трудящихся. Против «культурной революции» выступили рабочие крупнейших промышленных центров КНР. В ряде провинций произошли массовые выступления крестьян. «Культурная революция» встречает противодействие со стороны основного ядра партийных кадров. Несмотря на продолжительные усилия сторонников «культурной революции», вне их контроля по-прежнему находится значительная часть населения и территории страны. Огромные масштабы вспыхнувшего конфликта, когда даже специально сформированные многотысячные отряды хунвэйбинов и цзаофаней не смогли подавить сопротивление населения режиму Мао Цзэ-дуна и разгромить партийный аппарат, показывают небывалую глубину и остроту противоречий, накопленных в Китае в течение последнего десятилетия. Народные массы Китая уже давно успели на практике испытать последствия реализации некоторых из идей Мао Цзэ-дуна. Опыт «большого скачка» в первую очередь объясняет ту обстановку всеобщего противодействия, в которой проходит «культурная революция».

Для народных масс «культурная революция» явилась прямым продолжением тех событий, которые произошли в Китае несколько лет назад. Если

во время «большого скачка» под сомнение ставились все прежние методы экономического руководства, то теперь под сомнение поставлены и методы политического, партийного руководства. Если «большой скачок» сопровождался дискредитацией технической и творческой интеллигенции, «консервативно настроенных» партийных работников, то теперь к этому добавились массовые гонения на партийные, профсоюзные и комсомольские кадры.

Преемственность «культурной революции» по отношению к «большому скачку» в некоторых моментах выглядит особенно трагической. В обстановке культа личности вчерашние, иногда вынужденные, а иногда и добровольные, соратники и исполнители сегодня становятся жертвами. В настоящей работе приведены высказывания в пользу «большого скачка» некоторых видных деятелей Коммунистической партии Китая, подвергшихся сейчас репрессиям и гонениям.

В числе первых требований активистов «культурной революции» было требование подготовить новый «большой скачок». Накануне «культурной революции» этому требованию предшествовала пропаганда различных местных экономических экспериментов, проводившихся в духе «большого скачка». Даже в период «упорядочения» хозяйства, наступивший после экономического провала, не прекращались клятвы верности «трем красным знаменам»: «генеральной линии», «большому скачку» и народным коммунам.

Постоянный упор на дискредитировавшие себя в условиях социализма формы ведения хозяйства и боязнь осуществления последовательно экономических методов, отличающие Мао Цзэ-дуна и его окружение, вполне понятны. Демократизация управления экономикой не может идти в отрыве от демократиза-

ции всей общественной жизни. И если обстановка культа личности порождает администрирование и деградацию экономических рычагов, то, наоборот, научное планирование, материальные стимулы выступают эффективными средствами противодействия волюнтаризму и авантюризму в политике и экономике. В свете этого понятна также та ненависть, которую питают китайские догматики к нормам хозяйствования, действующим в настоящее время в Советском Союзе и в ряде других социалистических стран, особенно к последним шагам в укреплении материальных стимулов, предпринятым в ходе экономических реформ. Китайским критикам, расценивающим экономические реформы как начало «реставрации капитализма», не следует забывать опыта «большого скачка» — свидетельства того, на какую наклонную плоскость вступает экономика, когда получает распространение всеобщее администрирование, а нормы хозяйствования, основанные на объективных экономических законах, ликвидируются.

Один из важных результатов анализа политики «большого скачка» состоит в том, что проясняются истинные причины экономических затруднений, переживаемых Китаем в последние годы. Как известно, китайские руководители объявили одной из главных причин экономических трудностей отзыв советских специалистов. В действительности же, как показывает знакомство с экономической политикой, начатой в 1958 г., истинными виновниками бедствий в народном хозяйстве Китая были те, кто организовал «большой скачок» и создавал народные коммуны.

Анализ событий «большого скачка» позволяет показать истинную узкоутилитарную направленность, полную подчиненность шовинистическим и гегемонистским целям так называемых «социальных от-

крытий», которые так высоко превозносились китайской пропагандой.

Хотя от времени провозглашения новой генеральной линии КПК нас отделяет десять лет, возвращение к этому периоду жизни Китая сейчас, когда в этой стране проходит «культурная революция», является закономерным. Оно позволяет увидеть начальные этапы сегодняшнего антинародного и авантюристического курса, проводимого Пекином. В период «большого скачка» гегемонистская политика Мао Цзэ-дуна, а также сопутствующие ей методы были подвергнуты испытанию на практике и показали свою полную несостоятельность.

1. «ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ»

Курс на форсирование темпов

Политика «большого скачка» и народных коммун была начата провозглашением новых принципов в экономическом строительстве Китайской Народной Республики. На второй сессии VIII съезда КПК в 1958 г. была сформулирована новая генеральная линия партии. Эта генеральная линия до сих пор не отменена. Она подтверждается в различных официальных партийных и государственных документах.

До второй сессии VIII съезда Коммунистическая партия Китая имела четко сформулированную генеральную линию, которая определяла основные задачи, стоявшие перед страной в переходный период: осуществление индустриализации и социалистических преобразований. В 1956 г. на первой сессии VIII съезда эти основные задачи, стоявшие перед партией, были еще раз конкретизированы, причем указывалось, что для их выполнения требуется «довольно длительный период времени». Задачи переходного периода выходили далеко за пределы 1958 г., и отнюдь не их разрешением было вызвано провозглашение новой генеральной линии.

Конкретная формула генеральной линии, объявленной в 1958 г., выражена кратко: «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее». Однако по существу новая генеральная линия означала крутой поворот в экономической политике, изменение методов экономического строительства, пересмотр

всех плановых заданий. Резкое ускорение экономического развития страны, немедленное повышение темпов роста промышленности и сельского хозяйства — именно в этом состояла главная идея новой генеральной линии. «Максимально быстро завершить социалистическое строительство», «возможно скорее превратить нашу страну в великую социалистическую державу», «повысить темпы» — вот те основные тезисы, с помощью которых раскрывается суть генеральной линии на второй сессии VIII съезда КПК.

Были ли неудовлетворительными, слишком низкими темпы экономического роста Китая? Были ли они ниже того уровня, который соответствовал производственному потенциалу страны? Если бы в годы, предшествовавшие «большому скачку», народное хозяйство не использовало всех возможностей и развивалось медленнее, чем это позволяли сделать имевшиеся ресурсы, то выдвижение на повестку дня проблемы ускорения темпов было бы вполне правомерным. Однако в действительности не было никаких оснований считать темпы роста народного хозяйства в первые годы после образования КНР и в годы первой пятилетки низкими.

В период первой пятилетки (1953—1957 гг.) промышленное производство КНР увеличивалось ежегодно в среднем на 18%, сельское хозяйство — на 4,5 и национальный доход — на 8,9% в год. Промышленное производство в 1953—1957 гг. развивалось в КНР даже несколько быстрее, чем в аналогичные начальные периоды ведения планового хозяйства в ряде других социалистических стран. И это объясняется не только тем, что Китайская Народная Республика начала свое развитие с более низкого экономического уровня и индустриализация поэтому проходила более бурно, но также и тем, что социалистическое строительство в КНР осуществлялось с помощью других стран социализма, к внутренним ресурсам страны добавлялась помощь братских государств, и в первую очередь Советского Союза. Рост сельского хозяйства КНР значительно опережал рост населения, однако темпы развития сельского хозяйства не могли быть более высокими, так как общий уровень

индустриализации страны не позволял поставлять в эту отрасль в достаточных количествах технику и удобрения.

Развитие экономики Китая характеризовалось достаточно рациональным использованием ресурсов. Увеличение промышленной продукции происходило значительно быстрее роста численности рабочих и служащих в промышленности. При увеличении за пятилетку численности рабочих и служащих в 1,5 раза промышленная продукция увеличилась в 2,3 раза. Высокие темпы роста национального дохода поддерживались при относительно умеренном повышении доли накопления в национальном доходе, что является нормальным явлением для начального периода индустриализации. Накануне первой пятилетки норма накопления была на уровне 20 %, и в последующие пять лет она в среднем составляла 23 %.

Успехи, достигнутые в развитии промышленности и сельского хозяйства, обеспечили повышение жизненного уровня трудящихся КНР и создали известные предпосылки для социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарных промыслах, промышленности и торговле.

Продолжение и развитие тех направлений хозяйственной политики, начало которым было положено в период первой пятилетки, должно было стать естественной основой всех дальнейших народнохозяйственных планов. Именно так и предполагалось всего лишь за год до того, как официальным курсом было объявлено форсирование темпов. Об этом свидетельствуют показатели второго пятилетнего плана, разработанного в 1956 г.

Основные положения пятилетнего плана на 1958—1962 гг. были одобрены на первой сессии VIII съезда КПК осенью 1956 г. Второй пятилетний план был составлен с учетом хода выполнения первого пятилетнего плана и полностью опирался на тот опыт планового ведения хозяйства, который к этому времени был накоплен в КНР. По-прежнему высокими темпами намечалось развивать промышленное производство: среднегодовой темп определялся в 15 %. Предусматривалось ускоренное развитие

сельского хозяйства. Если в период первой пятилетки продукция сельского хозяйства увеличивалась на 4,5% в год, то на вторую пятилетку было запланировано увеличение на 6,2%. К концу первой пятилетки выплавка стали несколько превышала 5 млн. т, в 1962 г. объем выплавленной стали должен был составить 10,5—12 млн. т.

Во втором пятилетнем плане получили дальнейшее развитие все основные тенденции, характерные для первой пятилетки. Результаты и методы экономической политики первой пятилетки получили полное одобрение. Если составителей второй пятилетки и можно было в чем-то упрекнуть, то как раз в том, что задания были несколько завышены, особенно в области сельского хозяйства. На второй сессии VIII съезда КПК (1958 г.) группа Мао Цзэ-дуна отбросила утвержденный первой сессией (1956 г.) план второй пятилетки.

Программа форсирования темпов, навязанная Мао Цзэ-дуном и его группой Коммунистической партии Китая и экономике КНР в 1958 г., была совершенно необычной. Она выглядела так, как будто люди, ее составлявшие, не имели никакого представления об экономической истории человечества, о том, что развитие экономики имеет свои законы, свою внутреннюю логику. Конечно, в условиях социализма темпы могут быть намного выше, чем в условиях капитализма. Но и в этом отношении уже был накоплен достаточный опыт, которого в 1958 г. для руководителей китайской экономики словно не существовало.

Согласно новому курсу темпы роста промышленного производства в 1958—1962 гг. должны были составить в среднем за год 45%. Общий объем промышленного производства должен был увеличиться в 6,5 раза вместо 2 раз по второму пятилетнему плану. Объем сельскохозяйственной продукции было намечено увеличить в 2,5 раза. Среднегодовой темп роста сельского хозяйства должен был составить 20%. Некоторые отрасли промышленности, прежде всего те, которые, по мнению китайских руководителей, символизируют мощь нации, предполагалось развивать особенно быстро. Ниже приводятся дан-

ные по некоторым видам промышленной продукции за 1957 г. и проектировки на 1962 г.¹:

	1957 г.	1962 г.
Сталь (млн. т)	5,3	100
Уголь (млн. т)	129	700
Электроэнергия (млрд. квт-ч)	19	240
Цемент (млн. т)	10	100

Особенно высокими темпами намечалось развивать черную металлургию. Выплавка стали должна была возрасти более чем в 18 раз, тогда как по показателям второго пятилетнего плана она увеличивалась немногим больше чем в 2 раза.

Совершенно очевидно, что резкое увеличение темпов экономического роста невозможно без значительного расширения капитальных вложений и привлечения дополнительных ресурсов рабочей силы. В Китае в 1958 г. не было ни финансовых, ни материальных условий для таких экономических сдвигов. Увеличение капиталовложений с финансовой стороны требует либо предварительных накоплений, либо перераспределения национального дохода в пользу накопления. Предварительных накоплений, хотя бы сколько-нибудь соответствующих новым циклопическим заданиям, в Китае не было. Перераспределение национального дохода в пользу накопления при том низком жизненном уровне, который существовал в Китае, также могло дать очень немного. В первой пятилетке, чтобы получить прирост промышленной продукции в размере 1 млн. юаней², требовалось 560 тыс. юаней капитальных вложений. В соответствии с этой нормой для обеспечения программ новой генеральной линии к концу второй

---

¹ Приводимые цифры имели в 1958 г. широкую известность. Они содержались в различного рода документах, не публиковавшихся в открытой печати, упоминались на собраниях и митингах. В отдельных случаях они проникали на страницы открытых изданий. Примером такого издания может служить «Курс экономической географии Китая», выпущенный в 1958 г. издательством Китайского Народного университета.

² 1 юань = 45 коп.

пятилетки объем годовых капиталовложений должен был бы вырасти до 290 млрд. юаней. Однако вся сумма потребления в предыдущую пятилетку была меньше этой величины. Еще труднее было обеспечить капитальные вложения машинами, металлом, строительными материалами. Только финансовых средств здесь уже недостаточно. Требуются новые заводы. А чтобы их построить, необходимо время. Речь могла еще идти о единовременной мобилизации всех финансовых и материальных ресурсов, которая сумела бы обеспечить кратковременный взлет капитальных вложений, нарушая при этом общую сбалансированность экономики (что впоследствии и произошло). Однако никаких предпосылок для длительных капиталовложений такого масштаба не существовало.

Для резкого перераспределения трудовых ресурсов также не было объективных условий. В соответствии с высокими темпами развития промышленности в эту отрасль из сельского хозяйства должно было быть переброшено значительное количество рабочей силы. Однако к быстрой механизации сельского хозяйства Китай не был готов. Наконец, невозможно было внезапно из огромной крестьянской массы подготовить значительное число квалифицированных рабочих, мгновенно увеличить количество техников, инженеров и т. д.

Каким образом могло так случиться, что всего лишь за год с небольшим, прошедший между первой и второй сессиями VIII съезда КПК, в Коммунистической партии Китая произошли такие разительные перемены во взглядах на развитие экономики, на перспективы народного хозяйства КНР, в оценке собственного опыта прошлых лет и опыта других стран?

Первую сессию VIII съезда КПК от второй сессии отделяет так называемое движение за упорядочение стиля. Это движение — одна из традиций КПК, ведущая свое начало еще со времени гражданской войны. Оно заключается во всеобщей и повсеместной критической проверке методов и политики партии в целом и ее отдельных организаций. По своему первоначальному замыслу каждая такая кампания призвана

улучшить работу партийных организаций, освободить партию от всякого рода наносных и вредных явлений.

На этот раз движение за упорядочение стиля протекало в то время, когда во всех социалистических странах происходили исторические изменения, связанные с итогами XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

В ходе движения за упорядочение стиля неизбежно должен был быть получен ответ на вопрос, в какую сторону будут изменяться нормы государственной, политической и экономической жизни КНР, произойдут ли во всех этих областях те сдвиги, которые происходят в связи с ликвидацией последствий культа личности в других социалистических странах. На повестке дня стояла необходимость дальнейшей демократизации общественной жизни, широкое использование всех возможностей социалистической экономики и прежде всего таких рычагов хозяйственного строительства, как материальное стимулирование, стоимостные отношения, экономическое планирование.

Наиболее догматически и националистически настроенная группа в руководстве КПК, возглавляемая Мао Цзэ-дуном, навязала всей партии курс — не принимать изменений, происходящих в других социалистических странах. В результате в Китае было перечеркнуто многое из того положительного, что уже установилось в его политической и экономической жизни. Реакцией на сдвиги, происходившие в Советском Союзе и в других странах социализма, в Китае были произвол, грубое администрирование. Субъективные решения отдельных личностей полностью подчинили себе всю общественную жизнь. Была объявлена война трезвому хозяйственному расчету, научному планированию.

Антидемократические тенденции в Китае были подстегнуты ростом международных амбиций китайского руководства. Общее стремление социалистических стран к ликвидации нездоровых наслоений во взаимных отношениях, возникших на почве культа личности, было расценено китайским руководством как проявление слабости Советского Союза. Пекин

уже видел себя в роли признанного лидера, дирижирующего социалистическими и развивающимися странами. Эту роль он даже пытался зафиксировать в серии пространных назидательных статей. Именно в целях срочного подкрепления своих новых международных амбиций китайскому руководству и потребовалось немедленное форсирование темпов развития экономики.

Таким образом, «большой скачок» возник на пересечении мировых гегемонистских устремлений руководителей КНР и их догматической, антидемократической линии во внутренней общественной и хозяйственной жизни.

Рассматривая причины возникновения политики «большого скачка», необходимо отметить, что экономическая отсталость страны всегда питала мелкобуржуазный китайский национализм. После 1949 г. и даже после выполнения первой пятилетки Китай все еще оставался преимущественно аграрной страной с относительно немногочисленным рабочим классом, с лидерами, в большинстве своем вышедшими из мелкобуржуазной среды. Контроль над политически незрелой, недавно еще совершенно бесправной крестьянской массой, недостаточное влияние на жизнь страны со стороны рабочего класса создали у части руководителей КПК иллюзию неограниченных возможностей. Попытки подстегнуть, ускорить события, заменить объективный анализ событий административными, произвольными решениями наблюдались в руководстве экономическим строительством КНР задолго до «большого скачка». Вдохновителем этих попыток был Мао Цзэ-дун и группировавшаяся вокруг него националистически настроенная часть китайского руководства.

Еще в 1949 г., в первом году образования республики, в официальных документах КПК высказывались чрезвычайно оптимистические предположения о том, что, возможно, путь к расцвету будет очень коротким, что Китай добьется успехов в «считанные дни».

Попытка форсировать события была предпринята в 1953 г., когда «строили везде и всюду, брались за все, не считаясь с возможностями, и смело забежали

вперед». Эти отклонения от нормального хода развития экономики были устранены. Как впоследствии заявил Чжоу Энь-лай, они «отразились на строительстве главных объектов, создали финансовые трудности и привели к разбазариванию людских и материальных ресурсов».

В конце 1955 г. Мао Цзэ-дун снова призвал ускорить темпы. «У нас существует недооценка возможностей сложившейся обстановки,— писал он...— Сейчас вопрос упирается в то, что во многих областях нам пока мешают правоуклонистские, консервативные взгляды, из-за которых работа в этих областях не поспевает за изменением объективной обстановки. Сейчас вопрос упирается в то, что многие считают неосуществимыми вещи, которые можно сделать при соответствующих усилиях». Именно тогда и был уже сформулирован принцип «больше, быстрее...», который выдвигался в противовес нормальной экономической практике.

Реализация идей Мао Цзэ-дуна привела к значительным диспропорциям в народном хозяйстве. Во многих чертах развитие экономики уже в 1956 г. было прообразом будущего «большого скачка». Объем капиталовложений этого года не соответствовал материальным и трудовым ресурсам. Чрезмерный рост численности рабочих вызвал трудности со снабжением продовольствием.

Вскоре была дана правильная оценка этим явлениям. Они были квалифицированы как «левый уклон», который, как сказал Чжоу Энь-лай, «привел к чрезмерному расходу государственных резервов и создал довольно напряженную обстановку во всех областях народного хозяйства». В своем докладе на первой сессии VIII съезда КПК Чжоу Энь-лай заявил, что сделанные ошибки «неотделимы от субъективизма и бюрократизма руководителей» и что это «в свою очередь способствует распространению голого администрирования в низших инстанциях».

Однако в итоге «движения за упорядочение стиля» тенденции к подталкиванию событий, которые раньше постоянно сдерживались, теперь получили полную свободу.

Выдвигая грандиозные планы, китайские руководители меньше всего думали об интересах китайского народа, улучшении условий его жизни и повышении благосостояния. Все проекты 1958 г. носили отпечаток явно националистических стремлений к первенству в Азии, первенству в социалистическом лагере и мировой гегемонии. Рядовым китайцам стала ежедневно внушаться мысль, что Китай не может довольствоваться теми темпами, которыми происходит наращивание его экономического потенциала. При этом всячески спекулировали на чувстве национальной гордости китайцев. «Бельгия,— писала газета «Женьминь жибао»,— занимает территорию около 30 тыс. кв. км и имеет население всего лишь 8,9 млн. человек, однако она в настоящее время производит более 6 млн. т стали в год. А наша страна только в этом году догонит Бельгию по производству стали».

Дэн Сяо-пин заявил в сентябре 1958 г.: «То, чего нет у других,— у нас может быть, то, что не сделают другие,— мы можем сделать, то, что для других невыполнимо,— для нас выполнимо, мы можем преодолеть все, что является критерием для других людей».

В подобных заявлениях не проводилось различия между социалистическими и капиталистическими странами. Тогда же Мао Цзэ-дуном был выдвинут знаменитый лозунг: «Ветер с Востока довлеет над ветром с Запада».

Сомнения в возможности реального осуществления вновь выдвинутых задач в развитии экономики были объявлены «отражением самоунижения, возникшего после угнетения, которому длительное время подвергалась нация».

Сегодня руководители КПК отрицают какое-либо значение экономического соревнования между социализмом и капитализмом. Однако в 1958 г., когда основные надежды на достижение мировой гегемонии возлагались на скачок в экономике, китайская пропаганда придерживалась иного курса. Она не только не отрицала значения соревнования в области экономики, но всячески акцентировала на нем внимание общественности, самым откровен-

ным образом разжигала националистические чувства.

С планами второй пятилетки и оценками на этой основе перспектив дальнейшего развития экономики КНР был связан лозунг: «Догоним за 15 лет Англию». Этот лозунг опирался на реальные расчеты и соответствовал действительным возможностям догнать Англию по производству важнейших видов промышленной продукции в пятнадцатилетний период. Очень скоро от этого лозунга отказались. Незадолго до «большого скачка» Мао Цзэ-дун сделал свое очередное предсказание: «Для того чтобы наша страна в области промышленного и сельскохозяйственного производства догнала крупные капиталистические страны, возможно, и не потребуется такой длительный срок, какой мы раньше себе представляли».

В свете новых планов Англия уже не попадала в число достойных соперников. «Главная задача сейчас уже не в том, чтобы перегнать Англию,— писали китайские экономисты,— а в том, чтобы напрямь все силы и перегнать Америку». Действительно, в соответствии с разработанными планами по выпуску важнейших видов промышленной продукции (чугуна, стали) в течение ближайших четырех-пяти лет Китай должен был догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки.

Осуществление намеченных планов решало, по мнению китайского руководства, дальнейшие судьбы человечества: «Выполнение великой исторической задачи — перегнать с помощью высоких темпов Англию, перегнать Америку... приведет историю человечества к новому великому поворотному этапу».

Неудивительно, что впоследствии на протяжении «большого скачка» все достигнутые рекорды неизменно рассматривались сквозь призму оценки приближения к мировому первенству. Уже в самые первые месяцы «большого скачка» журнал «Хунци» писал: «Факты большого скачка в промышленном и сельскохозяйственном производстве нашей страны говорят о том, что срок, в течение которого наша страна догонит и перегонит крупные капиталистические страны, будет значительно сокращен».

«Мы из «больного» Восточной Азии стали «мощным драконом»», — заявил Лу Дин-и, один из руководителей КПК.

Во время «большого скачка» не было высшей похвалы в адрес предприятий и научных коллективов, высшей оценки по отношению к тому или иному изданию или научному исследованию, чем сообщение о том, что в данном случае превзойден уровень США, или Англии, или Японии, или Швеции и т. д. Сопоставления в пользу китайцев делались в каждом удобном и неудобном случае, были мелочными и пристрастными. Например, изо дня в день, будто о великой победе, повторялось, что китайские чернила марки «Страус» превосходили по качеству известную американскую марку «Паркер».

Не ограничиваясь стандартными показателями экономической мощи: выплавкой стали, добычей угля, — китайские руководители объявили, что Китай в ближайшие два года перегонит Англию по производству велосипедов и при этом будет выпускать более качественные велосипеды, чем «известные английские велосипеды марки «Рэлей», одни из лучших в мире». На Всекитайском совещании по производству велосипедов было объявлено, что уже сейчас «качество некоторых деталей китайских велосипедов лучше качества таких же деталей английского велосипеда «Рэлей» и что выработано 104 технических и организационных мероприятий, осуществление которых позволит окончательно превзойти Англию.

Многозначительно сообщалось о том, что китайскими специалистами аккордеон марки «Чанцзян» («Река Янцзы») по качеству признан выше итальянского аккордеона, «самого лучшего в мире».

Чувствуя слабость своих позиций, противоречие их объективным условиям, зная о сомнениях многих членов партии в их правильности, руководители КПК развернули широкую кампанию «социалистического воспитания». В основе этой кампании лежал тезис, что раньше в практике экономического строительства КНР недостаточно учитывался субъективный фактор, «субъективная инициатива» и слишком много внимания уделялось различного рода «условиям» и «предпосылкам».

На практике под «субъективной инициативой» чаще всего подразумевались самые нереальные планы и задания. Местные партийные работники, руководители предприятий и кооперативов всемерно поощрялись в принятии чрезмерно высоких обязательств. Членов партии призывали видеть исключительно политическую сторону экономических решений. Выдвинутый тогда лозунг «Политика — командная сила» означал, что во всех вопросах, даже сугубо профессиональных, необходимо исходить только из их политического значения. Одностороннее подчеркивание роли политики, необоснованное противопоставление политических решений их экономическому обоснованию, пренебрежение к фактам объективной экономической действительности изгоняли всякий конкретный деловой подход, насаждали произвол и администрирование.

И все же задачи, выдвигавшиеся на всех участках: в экономике, культуре, научных исследованиях, — были настолько грандиозны, методы их решения настолько необычны, самые сложные проблемы решались с такой легкостью, что это вызывало естественное недоверие в массах.

В феврале 1958 г. газета «Женьминь жибао» писала: «Перед лицом наступившего крутого подъема промышленности и сельского хозяйства, перед лицом задач и показателей, смело выдвинутых многими провинциями, некоторые люди, с одной стороны, испытывают радость, но с другой, сомневаются в возможности достижения многими провинциями, городами и ведомствами показателей, ими выдвинутых, и опасаются, что в результате этого нарушится равновесие народного хозяйства, появится неравновесие во многих областях и создастся хаос. На их взгляд, только неспешность и равномерное развитие есть явление нормальное, а стремительное движение вперед, неравновесие — ненормальность, исключительность».

Руководители КПК отнюдь не стремились к выяснению различных позиций в отношении темпов роста экономики КНР и обоснованности этих позиций объективными экономическими условиями страны. На свои критические доводы противники

крайних мер получали ответ, что методы их мышления ошибочны, а поэтому ошибочна вся их позиция. «Если ошибочный метод мышления занимает главное место, то это приводит к тому, что социалистическое строительство ведется по принципу «меньше, медленнее, хуже и расточительнее»», — писал Лу Дин-и.

Авторы нового курса делали все, чтобы убедить себя и убедить других в том, что имеющееся недоверие — это лишь результат «старых методов мышления», «устаревших представлений». На многочисловых изнурительных собраниях, которыми заполнялись все свободные от работы и сна промежутки времени, трудящимся изо дня в день внушали, что их представления о методах и темпах развития экономики страны в целом, о возможностях роста производства на предприятии, где они работают, о возможностях научных исследований в учебных заведениях, где они учатся, — результат старых методов мышления. На стенах домов, на заборах — повсюду появились призывы «раскрепостить сознание», «отбросить старые предрассудки», «покончить со слепой верой».

Руководители КПК делали все, чтобы кадровые работники, партийные и хозяйственные руководители, культурная и техническая интеллигенция прониклись новыми идеями. По отношению к ним было выдвинуто требование быть не просто специалистами, но «красными специалистами». Требование быть «красными» еще можно было как-то объяснить в отношении интеллигенции, хотя и здесь, на восьмом году народной власти, после того как подавляющая часть китайской интеллигенции активно включилась в строительство социализма, оно выглядело несколько неожиданно. Более удивительно то, что требование быть «красными» распространилось и на партийные кадры, прошедшие революцию и возглавившие социалистические преобразования и хозяйственное строительство. На этом делалось особое ударение. В специальной брошюре, где давались комментарии к различным сторонам новой генеральной линии, особо рассматривался вопрос: «Почему быть и «красным», и «специалистом» — это дорога

вперед не только для интеллигенции и технических работников, но и дорога вперед для наших партийных кадров всех ступеней?» Требование быть «красным» отнюдь не связывалось с тем, придерживается ли человек социалистического мировоззрения, работает ли он для построения социализма. Быть «красным специалистом» означало безоговорочно принимать новые лозунги и методы, подавлять всякие сомнения.

Новая генеральная линия не подвергалась действительно демократическому обсуждению. Обычное возражение, с точки зрения реального положения вещей, квалифицировалось как «проявление классовой борьбы». Здравый смысл в это время прочно попал в разряд «правых взглядов», «консервативных взглядов».

На местах в числе консерваторов оказались все те, кто возражал против чрезмерно высоких обязательств и нереальных планов. Однако в центральной печати «консерваторы» осуждались в несколько общей форме: «Все должны избрать один из двух путей: быть сторонником регресса и препятствовать мощному движению социалистического дракона или быть сторонником прогресса и содействовать развитию производительных сил общества», — писала в марте 1958 г. газета «Гуанмин жибао». За этими формулировками были скрыты совершенно четкие оценки: темпы развития, продемонстрированные СССР, и темпы роста экономики Китая в восстановительный период и в первое пятилетие — это «медленно», а темпы в 40% в год — это «быстро». Плановые, научно обоснованные методы ведения хозяйства — это «плохо», а штурмовые методы массовых движений — это «хорошо». Соблюдение технических и технологических требований и стандартов — это «расточительно», а «смелое отбрасывание» проверенных правил и нормативов — это «экономно».

Опыт Советского Союза китайские руководители считали одним из главных источников «консервативного мышления». Недостаточно высокие, по их мнению, темпы развития КНР в первой пятилетке объяснялись в первую очередь ориентацией на опыт

Советского Союза. В китайском учебнике по планированию народного хозяйства, изданном в 1958 г., содержится следующее утверждение: «В прошлом некоторые товарищи попали в сети теории снижающихся темпов... они догматически воспринимали опыт Советского Союза в области темпов развития промышленности». Между тем признано во всем мире, что СССР продемонстрировал весьма высокие и устойчивые темпы. Известно также, что никаких пессимистических экономических теорий советские экономисты не придерживаются.

Трудящимся КНР прививали пренебрежительное отношение к успехам Советского Союза в экономическом строительстве. Итоги развития экономики СССР за несколько десятилетий сравнивались с тем, чего должен добиться Китай в ближайшие несколько лет, и тем самым показывалось, насколько медленно движется Советский Союз, как неэффективны применяемые им методы. Особенно отрицательное отношение было к семилетнему плану развития народного хозяйства СССР (1959—1965 гг.). Пропагандисты «большого скачка» считали этот план воплощением консерватизма в экономике. Критика советского экономического опыта на протяжении всех последних лет была и остается непременной составной частью нападок китайских идеологов на Советский Союз.

Стремясь придать новой генеральной линии видимость теоретической обоснованности, ее авторы обратились в первую очередь к трудам Мао Цзэ-дуна. Они заявляли, что провозглашение генеральной линии стало возможным только после того, как Мао Цзэ-дун разработал свое учение о правильном разрешении противоречий внутри народа. Возникновение курса на форсирование темпов они представляли как результат правильного разрешения противоречий между передовыми и отсталыми элементами внутри народа, между правильной, прогрессивной точкой зрения и ошибочной, консервативной.

Все прежние попытки «необоснованного забега вперёд» в 1953 и 1956 гг. выдавались за проявление этого противоречия, которое тогда не удалось

разрешить, но которое зато разрешено теперь, после выхода в свет новых трудов Мао Цзэ-дуна. В связи с такой трактовкой прошлых событий оценка развития экономики в 1956 г. была полностью пересмотрена. Последовали призывы извлечь уроки из «седлообразного» движения народного хозяйства: подъем в 1956 г.—медленное развитие в 1957 г.—новый подъем после преодоления консерватизма в 1958 г. 1953 год был первым годом новой генеральной линии. Его намечали сделать годом небывалого роста производства, годом «большого скачка».

600-миллионное население

На какие же объективные факторы опирались китайские руководители в своих планах в течение нескольких лет превзойти все, что когда-либо видела история человечества? Главным условием, обеспечивающим выполнение самых грандиозных проектов, они считали 600-миллионное население Китая.

Действительно, население Китая огромно. В Китае проживает почти пятая часть человечества. Строительство социализма в такой большой стране, его методы и его результаты имеют немалое значение для всего мирового развития. На руководителях страны с таким большим населением лежит особая ответственность. Однако в условиях националистического курса наличие многомиллионного населения еще больше разжигало честолюбивые устремления группы Мао Цзэ-дуна. Китайские руководители решение ряда международных и внутренних проблем стали искать во всевозможных арифметических комбинациях, в которых десятки и сотни миллионов людей переставлялись подобно фигурам на шахматной доске.

В реализации «генеральной линии», в политике «большого скачка» и народных коммун огромному народонаселению также отводилась решающая роль. «Не считая руководства партии, 600-миллионное население — решающий фактор», — заявил в 1958 г. Мао Цзэ-дун. Эта оценка роли народонаселения

не обосновывалась каким-либо теоретическим или историческим анализом. Между тем экономическая теория и практика отводят значительное место исследованию демографических процессов, их влиянию на экономическое развитие и обратному воздействию экономических факторов на движение народонаселения. Демографические процессы имеют большое влияние на экономическое развитие. Они могут идти в унисон с экономическим прогрессом, а могут создавать для него определенные трудности. Однако в любом случае, как бы ни было велико влияние народонаселения на экономическую жизнь страны, главным фактором, определяющим ее развитие, являются социальные сдвиги, вызываемые ростом и совершенствованием производительных сил, научно-техническим прогрессом. Точно так же, как это подтверждается прежде всего опытом СССР и ряда других социалистических стран, проблемы занятости, дефицита рабочей силы, роста жизненного уровня населения и другие в первую очередь могут быть решены в рамках собственно экономических методов и во вторую очередь — путем регулирования демографических процессов.

Проблема народонаселения не новая для Китая, и не впервые ей придается исключительное значение. Китайские мальтузианцы в свое время «научно» доказывали, что огромное население — это «непосильное бремя» для Китая. Времена изменились, но проблема народонаселения с ее исключительной, в глазах китайского руководства, ролью для судьбы страны осталась, с той лишь разницей, что раньше огромное население объявлялось причиной всех бед, а теперь, напротив, источником сказочно быстрого расцвета.

«Превратим плохое дело в хорошее» — одна из самых распространенных заповедей учения Мао Цзэ-дуна. Она означает, что те, кто овладел «диалектическим» методом Мао Цзэ-дуна, приобретают способность выворачивать наизнанку любые явления и события. Хронические изъязвы и тяжелые поражения особым образом превращаются в достоинства и победы. Мао Цзэ-дун в своем подходе к про-

блеме народонаселения отталкивался от той оценки ее роли и размеров ее влияния на экономическую жизнь, которую давали китайские мальтузианцы. В соответствии с принципами своего учения он лишь сменил отрицательный знак, который ставили перед этой проблемой мальтузианцы, на положительный.

До выдвижения новой генеральной линии в КНР преобладали научные взгляды на роль народонаселения в развитии производства и существовала трезвая оценка особенностей китайского населения и его влияния на народнохозяйственные процессы. Тогда были подвергнуты самой суровой критике мальтузианские теории, возводившие численность населения в основной, определяющий фактор политического и экономического развития Китая. Считалось необходимым эффективно использовать обширные трудовые ресурсы Китая, в то же время указывалось, что средства для окончательной ликвидации безработицы в городах и аграрного перенаселения в деревне заключаются в индустриализации страны, механизации сельского хозяйства, повышении производительности общественного труда.

Вместе с тем в период первой пятилетки китайскими экономистами было выдвинуто положение, что некоторое сокращение прироста населения при существовавшем низком уровне развития производительных сил сыграло бы положительную роль в качестве временной меры, направленной на повышение жизненного уровня. Это положение было одобрено экономистами-марксистами многих стран мира.

Некоторое ограничение рождаемости могло только благотворно сказаться на жизненных условиях трудящихся КНР. При имевшихся темпах увеличения населения лишь 70% ежегодного прироста фонда потребления могло идти на улучшение жизненных условий, а 30% шло на то, чтобы обеспечить продуктами потребления прирост населения.

Кампания по ограничению рождаемости, проводившаяся в Китае в 1957 г. и сопровождавшаяся медицинскими просветительными мероприятиями,

пропагандой противозачаточных средств, имела, несомненно, положительное значение. Однако сразу же после провозглашения новой генеральной линии эта кампания была прекращена. Возобновилась она уже после «большого скачка» и, в отличие от 1957 г., не в условиях постепенного повышения жизненного уровня, а в обстановке его резкого снижения, нехватки продовольствия. Теперь она носила вынужденный характер.

После прекращения в 1958 г. кампании по ограничению рождаемости призывы ограничить число детей в семье, не вступать в слишком ранние браки сменились лозунгом: «Много людей — это хорошо». В хозяйственной практике ему соответствовал другой лозунг: «Исходить из 600-миллионного населения». Не было такого участка хозяйственного строительства, где наличие огромного населения не рассматривалось бы как гарантия будущего успеха. «В стране с таким огромным населением нет непреодолимых трудностей, нет невыполнимых задач», — писал журнал «Цзинцзи яньцзю». «600 миллионов человек могут победить любые стихийные бедствия». «Чем больше население, тем больше зерна производится в стране», — можно было прочесть на страницах «Женьминь жибао».

Плановым органам КНР был брошен упрек в том, что до сих пор они занимали пассивную позицию по отношению к неисчислимым трудовым ресурсам Китая, что необходимо занять передовую, активную позицию, с помощью которой только и можно ускорить развитие экономики. Ориентация в прошлом при составлении планов распределения и использования рабочей силы на финансовые средства и на ограниченность необходимых материальных ресурсов называли теперь «методами, когда видят неодушевленные предметы и не видят людей».

Превознося положительные стороны огромного населения, последователи Мао Цзэ-дуна в экономической теории замалчивали роль техники и повышения производительности труда. Физический труд, где главным качеством является мускульная сила, был поставлен на самую высокую ступень; труд квалифицированного рабочего, труд ученого рассматрива-

лись как работа второго сорта. Мао Цзэ-дун сам выступил со своеобразной апологией бедности и отсталости. В своей статье «Об одном кооперативе» он заявил: «Помимо других особенностей отличительной особенностью 600-миллионного населения Китая является, во-первых, бедность, во-вторых, чистота белого листа бумаги». Преимущество таких особенностей он увидел в том, что на «белом листе бумаги», которому уподоблялся весь Китай, «хорошо рисовать самые новые, самые красивые иероглифы». Смысл этого изречения состоял в том, что созидать на пустом месте, голыми руками даже лучше и свободнее. Это высокомерное и нигилистическое отношение к народным массам, к материальным ценностям едва ли разделялось простыми тружениками Китая.

Китайские руководители, делая ставку на большое население, утверждали, что их метод состоит в том, чтобы видеть «людей», а не только «вещи». На самом деле люди, большое население были для Мао Цзэ-дуна и его приверженцев не более чем материалом, с помощью которого они пытались удовлетворить свое честолюбие. Соотношение «людей» и «вещей» в период «большого скачка» лучше всего видно из следующего признания китайских экономистов. «Некоторые предприятия,— писали они о порядках «большого скачка» в курсе планирования, изданном Китайским народным университетом,— совершенно открыто сделали рабочую силу товаром, запрашивали в обмен на нее оборудование и другие материальные ресурсы». Курс на всемерное использование большого населения основывался именно на таком отношении к человеку.

Для приведения в движение большого населения были предложены всякого рода массовые мероприятия. 600-миллионное население считалось подходящим объектом для развертывания массовых кампаний. «Чем больше людей, тем больше возможностей строить социализм по принципу «больше, быстрее, лучше, экономнее»»,— писал журнал «Хунци». Метод массовых движений рассматривался как основной, всеобщий метод новой генеральной линии и именовался «линией масс».

Отвергая опыт Советского Союза и других социалистических стран и игнорируя свои прошлые достижения, китайские руководители заявляли, что раньше экономическое строительство опиралось на специалистов, «на малое число людей», теперь же оно будет опираться на широкие народные массы. «Все задачи революции и строительства необходимо претворять в жизнь путем развертывания массового движения», — объявил журнал «Хунци».

Массовые кампании на различных участках народного хозяйства с штурмовыми методами действий должны были, по мнению авторов генеральной линии, мобилизовать все население и значительно ускорить темпы развития экономики. Расчет был чрезвычайно прост. «Недавно соответствующие центральные ведомства, — сообщало агентство Синьхуа, — пришли к выводу, что в каждом уезде с необходимыми природными ресурсами (главным образом углем и железом) вполне возможно за несколько лет построить по одной небольшой шахте, небольшому заводу химических удобрений, небольшому заводу по производству керосина, небольшому железодельательному заводу, небольшому цементному заводу, небольшой электростанции и небольшой ремонтно-технической мастерской. В Китае насчитывается более двух тысяч уездов». Для грандиозных проблем существовал простой арифметический метод решения: если в каждом уезде будет построено одно, даже небольшое предприятие, то в целом по стране это огромная отрасль, а так как небольшое предприятие можно построить быстро, то и новая промышленность может появиться в считанные дни.

Строительство промышленных предприятий на уровне уезда было лишь первым шагом обширной программы создания мелкой промышленности. Она включала в себя строительство еще более мелких предприятий силами волостей, кооперативов и т. д. Техническая неосведомленность населения, нехватка ресурсов, конкретные источники рабочей силы — все это не интересовало организаторов мелких предприятий. Создание каждой отрасли предполагалось как

«всеобщий штурм», «всенародное наступление», в котором, действуя «решительно» и «по-боевому», можно найти выход из самых сложных положений.

Народные движения объявлялись методами, при которых руководители «опираются на массы», «верят в массы». «Вся партия, весь народ создают промышленность». «Вся партия, весь народ развивают сельское хозяйство». «Вся партия, весь народ занимаются наукой», — писали газеты. Все, что не укладывалось в рамки одновременных действий на территории всей страны, охватывающих все население, именовалось как «сложная и мелочная система правил», «сухие и безжизненные меры». «Массовые движения, — писал один из руководителей китайской экономики Бо И-бо, — ликвидировали тихую скучную атмосферу развития промышленности небольшой группкой людей, привели к возникновению новой, небывалой обстановки развития промышленности всем народом».

Если ориентироваться только на те лозунги, которыми оснащался переход к новым методам руководства экономикой Китая, то «линия масс» представляла невиданным демократическим начинанием. Однако на самом деле метод «массовых движений» не только не означал, как это утверждалось, демократизации управления экономикой, но порождал администрирование, представлял полную свободу субъективным, волевым решениям руководителей. Научная система планирования, экономическое обоснование, координация отдельных участков, материальное стимулирование — все это становилось излишним. «Линия масс» оказывалась, по существу, линией крайнего администрирования.

Методы «линии масс» были основаны на противопоставлении масс и государства, противопоставлении строительства, ведущегося массами, и строительства, ведущегося государством. Лу Дин-и по этому поводу говорил: «Есть два пути: один из них заключается в том, чтобы все возлагать на государство и осуществлять сверху вниз, другой путь состоит в том, чтобы все осуществлять силами масс. Факты свидетельствуют о том, что, идя по второму пути, люди работают и больше, и быстрее, и лучше, и экономнее».

Согласно этой концепции государство — это не массы, а массы — это не государство. Смысл ее состоял в том, что при отсутствии у государства каких-либо добавочных ресурсов только за счет дополнительного напряжения усилий населения можно увеличить темпы производства, причем увеличить в огромных размерах. Эта политика именовалась «ориентацией на массы». Но на самом деле она проводилась в ущерб трудящимся, ухудшала их материальное положение и жизненные условия.

Огромное расширение промышленного производства руководители КПК намечали в первую очередь осуществить за счет крестьянства. Однако заявления о величии, мощи, даже «необычности» китайского крестьянства явно не возмещали отсутствия конкретного анализа возможностей сельского хозяйства, наличия в нем материальных и людских ресурсов для развития промышленности. Не вдаваясь также в анализ прежней экономической политики, авторы «большого скачка» объявляли основным ее недостатком то, что она слабо опиралась на силы крестьянства в развитии промышленности.

Одним из основных доказательств возможностей китайского крестьянства были ссылки на историю революции и гражданской войны, где крестьянство сыграло решающую роль. Утверждалось, что роль крестьянства в китайской революции вообще исключительна; исключительной она должна быть и в промышленном строительстве.

Стремясь придать массовым кампаниям видимость демократических движений, Центральный Комитет КПК дал указание направлять некоторых руководящих работников непосредственно на производство, чтобы в такой форме символизировать единство руководителей и масс, поднимать энтузиазм населения.

Командировкам кадровых работников на места китайская пропаганда придавала очень большое значение, указывая, что это — подлинная революция «во взаимоотношениях руководителей и подчиненных». Однако эта сторона «линии масс» также обладала лишь внешней революционностью и свидетель-

ствовала о вещах, скорее, противоположных тому, о чем говорила официальная пропаганда.

Специальные указания об участии отдельных руководящих работников в производстве во многом объясняются некоторыми особыми условиями китайской революции и возникновения КНР. К 1957—1958 гг. не прошло еще и десяти лет с момента ликвидации в Китае полуколониального, полуфеодального строя. Традиции почитания и послушания по отношению к вышестоящим, создававшиеся веками, были еще далеко не изжиты. Взаимоотношения внутри партии, в государственном аппарате, в системе управления промышленностью и сельским хозяйством еще сильно отличаются от тех отношений, которые существуют в СССР и других социалистических странах. Ни в одной социалистической стране не было такого противопоставления «руководителей» и «масс», «вышестоящих» и «нижестоящих», как это имеет место в КНР. В нормах общественной жизни здесь всегда играли незначительную роль такие принципы партийной и государственной дисциплины, как подчинение меньшинства большинству, выполнение решений выборных органов партии. Наличие резкой грани между руководителями и руководимыми, между кадровыми работниками и массами усугубляется всей атмосферой культа личности, существующей в Китае.

Система кратковременных командировок руководящих кадровых работников на производство возникла прежде всего как символический институт, призванный чисто внешне смягчить постоянные, остро ощущавшиеся сословно-феодальные различия между начальниками и подчиненными, «вышестоящими» и «нижестоящими». Активизацией этой системы с провозглашением генеральной линии предполагалось показать демократический характер нового курса.

Как и многие другие начинания того периода, командировки начальства в низы дали «мгновенный» эффект. Так, на Тяньцзинской полиграфической фабрике, которая выступила с почином в данной кампании, где обычно руководители «и словом не перекинутся с рабочими», после непродолжительного пре-

бывания в цехе нескольких административных работников последние «начали советоваться» с рабочими и инженерами и были даже «разрешены некоторые коренные вопросы производства». Такие же быстрые «успехи» были достигнуты на предприятиях Шанхая и других городов, которые продолжили начинание.

Примеры «участия в производстве» были поданы Мао Цзэ-дуну и другими видными деятелями КНР, которые в течение нескольких часов работали на строительстве водохранилища Шисаньлин.

Временный и показной характер происходившего был очевиден. Очевидна и связь его с некоторыми старинными патриархальными китайскими обычаями. Меньше всего командировки руководящих кадровых работников на производство напоминали «зарождение коммунистических отношений», как это утверждала китайская пресса. Как только увеличилось напряжение «большого скачка», вся кампания была прекращена.

Сторонники «массовых движений» в экономике принижали роль специальных научно-технических знаний. Каждую производственную кампанию предполагалось вести с помощью самых простых методов. Считалось также, что если в ходе движения потребуются какие-либо знания, то они могут быть быстро, штурмом освоены каждым. Проекты огромного расширения производства, чрезвычайно высокие производственные задания противоречили элементарным научно-техническим представлениям. Нормальные технологические требования по отношению к качеству и надежности продукции были объявлены «устаревшими».

Возникло и начало культивироваться пренебрежительное, невежественно-высокомерное отношение к науке и технике, инженерам и ученым. В мае 1958 г. «Женьминь жибао» опубликовала передовую статью «Наука не сверхъестественна». В этой статье утверждалось легковесное, несерьезное отношение к науке и научным исследованиям, принижалась роль научно-технической интеллигенции. По мнению газеты, для того чтобы каждый мог заниматься наукой,

требовалось только «освободить мышление от устаревших норм и правил», «разоблачить фетишистские взгляды на науку, в которой нет ничего сверхъестественного, таинственного и непознаваемого». Под «устаревшими нормами и правилами», «старыми предрассудками» явно подразумевался научно обоснованный подход к технологии, планированию, строительству.

Незнание «устаревших норм и правил» не считалось недостатком, безграмотность стала даже преимуществом. Люди, обладавшие знаниями, были всего лишь «отсталыми элементами в области науки и культуры». «Пусть глупцы посмеиваются,— писала «Женьминь жибао»,— а народ нашей страны сейчас выметает вон все отсталые явления в области науки и культуры, и потребует незначительное время, чтобы наш народ поднялся на вершины мировой науки и культуры».

Противопоставление интеллигенции рабочим и крестьянам принимало самые крайние формы. Слово «интеллигент» звучало только презрительно. К интеллигентам относились как к неполноценным членам общества. Вот, например, одно из характерных заявлений китайской печати: «После того как студенты начали принимать участие в физическом труде, они больше не считают себя интеллигентами. Они работают, как рабочие и крестьяне, и учатся у них. Они начали уважать труд и получать удовлетворение плодами своей работы. Они начали относить себя к рабочим и крестьянам и считают за великую честь быть частью нового поколения трудящихся».

Гонения на интеллигенцию, начавшиеся вместе с попытками осуществить новую генеральную линию, были вызваны также тем, что грамотные кадровые работники, инженеры, ученые были в числе первых, кто выступал против необоснованных планов и административного рвения. Однако критика встречалась нетерпимо. Все, кто не соглашался с методами «генеральной линии» и «большого скачка» или же выражал самые незначительные сомнения в их правильности, наказывались. Тысячи представителей научно-технической интеллигенции были отправлены в деревню — на «трудовую закалку».

«Трудовой закалке», как и другим составным частям «линии масс», также стремились придать видимость демократического начинания. Отправлявшихся в деревню призывали «закалять себя», «слиться с массами». Однако в первую очередь и на самые продолжительные сроки отправляли тех, кто высказывал критические замечания или просто, по мнению местного руководства, недостаточно активно поддерживал новый курс.

«Линия масс» требовала охвата производственными движениями всего населения, в том числе и окраинных районов, населенных национальными меньшинствами. Однако в этих районах в реализации новой программы возникали особенно большие трудности. Если новые лозунги с большим нажимом проводились в жизнь в основных районах Китая, где проживает население ханьской национальности (преобладающее население в Китае) и где налажено функционировал проверенный административный аппарат, то в районах нацменьшинств сопротивление было значительно большим. Первым результатом нового курса в этих районах было проведение без всякой подготовки ускоренных социальных преобразований. В более развитых в культурном и экономическом отношении приморских провинциях Китая социалистические преобразования в сельском хозяйстве проходили в течение нескольких лет последовательными этапами — от бригад взаимопомощи к кооперативам низшего типа, от кооперативов низшего типа — к кооперативам высшего типа. В центральных и западных районах люди, жившие иногда в условиях самых примитивных форм общественной организации, в течение нескольких дней объединялись в кооперативы, а потом в коммуны.

Всякая полемика с курсом форсированного преобразования национальных районов осуждалась, как проявление национализма. Уже в феврале 1958 г. председатель Комитета по делам национальностей Ван Фын заявил, что «благодаря проводившемуся за последние несколько месяцев движению за упорядочение стиля работы и социалистическое воспитание, в результате осуждения местного национализма

повысилась классовая сознательность широких слоев кадровых работников национальных меньшинств и народа, а также развилась дружба между всеми национальностями... Проведение среди национальных меньшинств движения за упорядочение стиля работы и социалистическое воспитание, направленное против национализма, является полностью необходимым и совершенно правильным. Оно не только глубоко изменяет облик людей в политическом и идеологическом отношении, но и значительно изменяет облик всех областей производства».

Подготавливая «большой скачок», китайские идеологи настойчиво внушали народу мысль о том, что в борьбе за построение коммунизма, за счастье будущих поколений нет места заботам о личном благополучии и благосостоянии. Под видом поддержки проявлений энтузиазма руководители народного хозяйства постепенно увеличивали интенсификацию труда, удлиняли рабочий день, ухудшали условия производства.

Много говоря об энтузиазме масс, китайские руководители совсем не связывали его с улучшением жизненных условий трудящихся. Для них не существовало взаимосвязи между изменениями экономической и культурной жизни и трудовой активностью народа. Рост активности трудящихся они ставили главным образом в зависимость от самоперевоспитания. Очень четко эта философия была сформулирована в докладе секретаря ЦК КСМ Китая Ху Яобана, сделанном в апреле 1958 г.: «Каждый молодой человек должен заниматься самоперевоспитанием. Только когда он сможет изменить свой субъективный мир, он сможет более эффективно изменять объективный мир».

На проведение кампаний по нравственному самосовершенствованию тратились огромные усилия. Такие кампании завершали движение за упорядочение стиля в деревнях, на заводах, в учреждениях. Некоторые моменты этих кампаний имели мало общего с социалистическими методами воспитания. Взять, например, массовые публичные покаяния, которые развернулись накануне «большого скачка».

Весной 1958 г. в учреждениях и на предприятиях

дукцию. Каждая провинция, каждый город, каждый завод хотели внести свой особый вклад в «большой скачок». Ничего не могло быть почетнее, чем налаживание выпуска продукции, которой раньше в данном районе, а еще лучше во всем Китае не производили. Все машиностроительные заводы, предприятия легкой и пищевой промышленности начали выпускать такую продукцию. Выбор новых изделий происходил без всякого учета имеющихся условий: мощностей, материалов, квалифицированной рабочей силы. Последствия прекращения производства уже освоенных видов продукции и экономическая целесообразность освоения «новых» не принимались во внимание. Часто «новая продукция» делалась в уникальных экземплярах и с множеством дефектов.

Налаживая изготовление новейших изделий, предприятия разрывали сложившиеся связи, устанавливали у себя полный производственный цикл и таким образом переставали зависеть от кооперированных поставок других предприятий. Они сами начинали изготавливать такие детали, которые раньше получали со стороны, и сами осуществляли сборку. С другой стороны, они уже не участвовали в кооперированных поставках смежным предприятиям.

Количество новых видов изделий, к изготовлению которых в 1958 г. приступили заводы и фабрики КНР, достигло огромной цифры. Только в одном Шанхае в 1958 г. начали выпускать 10 тыс. видов новой продукции. Промышленность Пекина за несколько месяцев «освоила» производство паровозов, автомобилей, универсальных тракторов, ультрамелких электронных ламп, полупроводниковых приборов, высокочастотных печей, телевизоров и др.

На проектирование новых машин затрачивалось по несколько недель или даже дней. Пренебрегая многими «мелочами», их быстро запускали в производство.

Результаты деятельности предприятий на новых направлениях, несмотря на огромные усилия китайских рабочих и инженеров, зачастую лишь условно можно было назвать продукцией. Тем не менее созданные в необычайной спешке, с множеством недоделок, малопригодные в эксплуатации изделия учи-

Пекина, Шанхая и других городов на видных местах были вывешены листочки («сяоцзыбао»), в которых тысячи людей подвергали анализу свои поступки и мысли. Это называлось «отдать сердце». В листочках содержались сведения не только о политических сомнениях автора, но и осуждались его собственные, по его мнению неправильные, поступки в отношении женщин, в отношении товарищей. Некоторые признавались в своем тщеславии, раскрывали свои личные планы, другие признавались в том, что любят деньги и т. д. Организаторы этих покаяний требовали искренности, и многие сообщали в сяоцзыбао самые интимные стороны своей жизни.

Такие коллективные исповеди не только не повышали сознательность, но, наоборот, ухудшали отношения в коллективе, порождали обиды, отчужденность, подозрительность, недоверие.

«Линия масс», по заявлениям руководителей КПК, означала, что новая генеральная линия не только будет осуществляться руками всего населения, но и что широкие массы населения принимают участие в выработке этой генеральной линии: «Смело думают, смело высказываются, смело действуют».

Как пример смелого выражения мнений обычно приводили массовое вывешивание «дацзыбао». Дацзыбао назывались большие листы, где крупными иероглифами были написаны чьи-либо личные замечания в отношении производства, бытовых условий и т. д. Зимой и летом 1958 г. ими были увешаны стены и заборы, так что не оставалось свободного места. Это поражало, создавалось впечатление необычайной активности, массовой заинтересованности в общественных делах. Однако если вспомнить, что дацзыбао вывешивались уже в конце движения за упорядочение стиля, после первого тура «смелых критических высказываний», в результате которых все высказывавшиеся были распределены на пять групп: «левые», «левые-промежуточные», «промежуточные», «правые-промежуточные», «правые» — с соответствующими административными выводами по отношению к каждой из групп, кроме «левых», то станет понятно, почему в дацзыбао не поднималось ни одного мало-мальски серьезного вопроса, а «кри-

тические замечания» делались лишь по самым незначительным поводам. После того как было выражено пожелание, чтобы высказывали как можно больше «критических замечаний», «промежуточные», «промежуточные-правые» оказались в рядах самых активных, сидели сутками, вспоминая, где не прибита дверная ручка, замусорена территория и т. д., и писали по несколько десятков и даже сотен дацзыбао. Стоит ли удивляться, что после этого на территории некоторых учреждений были заклеены даже асфальтовые дороги, посреди которых оставались лишь узкие тропинки. Тысячи многоцветных дацзыбао, символизировавших успешное завершение движения за упорядочение стиля, были не более чем энтузиазмом по команде.

Методы «линии масс» далеко не везде были встречены с энтузиазмом. Судя по данным китайской печати, наибольший отпор боевые массовые кампании встретили на крупных современных предприятиях. Очевидно, потребовалось значительное внешнее давление, прежде чем администрация крупных предприятий уступила активистам нового курса. Любые призывы развивать экономику с помощью «линии масс» сопровождались указаниями, что крупные предприятия не являются исключением и что они также должны стать объектом массовых кампаний.

«Линия масс», методы реализации грандиозных планов, как и сами планы, были проверены на практике, в процессе осуществления «большого скачка».

2. «БОЛЬШОЙ СКАЧОК»

Методы «большого скачка»

Осуществление намеченных планов при помощи «линии масс», за счет максимального привлечения местных ресурсов — финансовых и материальных средств местных органов власти, кооперативов и населения — и участия всех трудоспособных в производстве шло по двум направлениям. Во-первых, всемерно расширялась сеть различных мелких производственных единиц, не требовавших специальной техники и опиравшихся в основном на неквалифицированную рабочую силу. Во-вторых, был дан толчок самой широкой децентрализации всей системы управления производственным аппаратом, с тем чтобы обязательства, принятые на местах, осуществлялись не за счет дополнительных государственных ассигнований, а за счет местных накоплений. Передача предприятий, находившихся прежде под централизованным государственным управлением, непосредственно в ведение местных органов была также направлена на то, чтобы расширить помощь этих предприятий мелкой местной промышленности.

Курс на мелкое производство был взят во всех областях экономики. В сельском хозяйстве это были мелкие ирригационные сооружения, в промышленности — мелкие предприятия, рудники, шахты; даже в транспорте упор делался на местные средства — тягловый скот и рабочую силу, которая мобилизовывалась в специальные транспортные колонны.

Начало осуществления лозунга «Вся партия, весь народ развивают экономику» было положено в сельском хозяйстве. Зимой 1957 г. и весной 1958 г. была

проведена массовая кампания по расширению площади орошаемых земель. Небольшие водоемы, дамбы, каналы сооружались силами волостей и кооперативов. Вслед за сельским хозяйством мелкие предприятия начали насаждаться в большинстве отраслей промышленности и в других областях.

Вот как описывала газета «Наньфан жибао» организацию строительства дамбы на реке Дабу в уезде Линшань провинции Гуанси методом массового движения:

«После того как был решен вопрос: можно ли строить, следует ли строить, остался другой вопрос: за чей счет строить. Было немало людей, и среди них даже некоторые руководители, которые недооценивали силы масс. По их мнению, чтобы оросить 18 тыс. му земли, обязательно нужны государственные капиталовложения. Однако после того как собранию представителей были представлены факты, приведены аргументы, все поняли, что финансовые возможности государства ограничены, орошение — это дело самих масс. В каждом кооперативе есть горные леса, проблема лесоматериалов может быть полностью решена. Есть камень, каждому кооперативу нужно только выделить людей на разработки — также не нужно денег. Во многих кооперативах есть ямы для извести — можно самим изготовить известь. За деньги нужно достать только небольшое количество цемента, а часть его можно заменить глиной. Если только каждый кооператив выделит рабочую силу и затем будет строить с помощью простых методов, местных методов, то денег потребуется не более 2 тыс. юаней (накануне специалисты заявляли, что требуется 500 тыс. юаней. — Ю. Я.). Это количество денег кооперативы вполне могут дать.

После того как десять кооперативов приступили к работе, часть крестьян, видя, что на других, крупных стройках участники строительства получают от государства дополнительное продовольствие, стали надеяться, что и им государство поможет хлебом. Некоторые кадровые работники кооперативов также стали поддерживать позицию этой части крестьян. Однако после применения методов всеобщего обсуждения, проникнувшись духом сэкономить для

государства продовольствие и этим помочь делу социалистического строительства, наметив использовать большое количество грубого зерна, еще имевшегося в кооперативах, все вместе решили, что не требуется ни одного зернышка государственной помощи, что можно выдать крестьянам частично из запасов, частично грубое зерно».

Вся история строительства дамбы на реке Дабу прежде всего свидетельствует об огромной самоотверженности китайских крестьян. Однако она также показывает, каким образом с помощью самых незначительных средств, без машин, металла и цемента в сельском хозяйстве пытались решить самые сложные проблемы. Мобилизация местных ресурсов приводила к тому, что в кооперативах не оставалось средств на текущие расходы, нарушался нормальный ход сельскохозяйственных работ. Скудные личные сбережения населения оказывались одним из основных источников финансирования «массовых строек». Прежде чем, например, приступить к строительству дамбы на реке Дабу, его инициаторы обращались к инженерам, которые ответили, что с имеющимися средствами дамбу построить невозможно, если же она будет сооружена теми методами, какими предлагают это сделать, то она впоследствии будет представлять большую опасность. Однако, набрав у крестьян 2 тыс. юаней вместо требовавшихся по обычному проекту 500 тыс. юаней, проведя несколько продолжительных «разъяснительных собраний» и таким образом «мобилизовав» массы, местные руководители возглавили строительство.

Методы расширения производства, применявшиеся во время ирригационной кампании, в начале 1958 г. были распространены и на промышленность. После полученных указаний во всех районах страны приступили к организации «большого скачка» в промышленности.

Вот как это происходило в городе Инкоу провинции Ляонин. «Большой скачок» начался с постановлений. Партийный комитет города, «исходя из итогов движения за упорядочение стиля», а также из того, что «ветер с Востока довлеет над ветром с Запада», постановил: «Необходимо не просто развивать мест-

ную промышленность, но следует совершить большой скачок». Часть «консервативно настроенных» кадровых работников, считавших, что нужно развиваться нормальным путем, выступила против этого решения. Однако после непрерывных двухмесячных собраний «консерваторы» были сломлены, был принят годовой план развития промышленного производства, предусматривавший увеличение валовой продукции в 1958 г. по сравнению с 1957 г. в 3 раза.

Пропаганда новых задач и подготовительные кампании по «воспитанию масс» были развернуты на всех предприятиях города. Центральным моментом этих кампаний были специальные доклады ответственных работников. В этих докладах, как сообщала «Ляонин жибао», разъяснялось «великое значение того, что ветер с Востока дует над ветром с Запада». В результате даже на тех предприятиях, как, например, на городском механическом заводе, где администрация и технический персонал жаловались на многочисленные трудности, устаревшее оборудование и считали, что больше чем на 10% увеличить выпуск продукции нельзя, были приняты обязательства расширить производство в несколько раз.

Руководители предприятий осознали свою «упадочническую» и «пассивную» позицию. На механическом заводе было принято обязательство увеличить выпуск продукции в 3 раза. На текстильной фабрике, где только недавно администрация говорила: «Руководство несправедливо по отношению к нам, у нас действительно нет возможности совершить большой скачок»,— было также решено увеличить производство в 3 раза.

Одновременно в городе начали создавать мелкую промышленность. 150 вновь созданных предприятий самого разного профиля с численностью от 4—5 до 200—300 человек примыкали к системе старых действовавших предприятий. Это называлось «курица несет яйца». Другой производственной базой для мелких предприятий были ремесленные кооперативы. Всего в городе было создано около 80 мелких предприятий в качестве филиалов этих кооперативов.

Население создавало совсем мелкие предприятия согласно положению: «Создают массы, государство

только поддерживает; не бояться распыленности, не бояться малых размеров; в зависимости от снабжения, что дают, то и делать». Из этих очень разбросанных многочисленных предприятий создавались объединения. Кроме них были созданы еще более мелкие, для работы в которых набирались домохозяйки. Наконец, были организованы работы на дому по изготовлению веревочных подошв для обуви, сетей и т. д. Промышленность, созданная в городе Инкоу в 1958 г., рассматривалась только как первый шаг. Согласно разработанным планам к 1962 г. промышленное производство в городе должно было увеличиться в 12 раз.

Подобными же методами местная промышленность создавалась в уездах, округах, волостях при участии сельского населения. Так, в уезде Жунфэн провинции Юньнань, где к 1958 г. доля промышленного производства была очень незначительной, было взято обязательство за один год сравнять объем промышленной продукции с объемом сельскохозяйственного производства. Для того чтобы за один год создать промышленность, по объему продукции равную всему сельскохозяйственному производству, прокармливавшему 500-тысячное население, было организовано массовое движение, которое включало в себя «четыре наполовину», «четыре одновременно» и «четыре быстро». «Четыре наполовину» означало: «наполовину рабочий, наполовину крестьянин; наполовину рабочий, наполовину работник торговли; наполовину рабочий, наполовину учащийся; наполовину в промышленности, наполовину в домашнем хозяйстве». «Четыре одновременно» означало: «одновременно строить и начинать выпуск продукции; одновременно искать полезные ископаемые и добывать их; одновременно добывать руду и выплавлять металл; одновременно работать и овладевать специальностью». «Четыре быстро» означало: «быстро начать дело; быстро закончить стройку; быстро получить продукцию; быстро отправить ее».

Основной опорой в создании местной промышленности были кооперативы. С помощью рабочей силы кооперативов в уезде Жунфэн за короткий срок были созданы сотни мелких шахт, железных и медных

рудников, небольших коксовых печей, заводов по производству искусственной нефти, механических заводов и т. д.

Мобилизовав крестьян, работников торговли, учащихся, домохозяек, руководители уезда рассчитывали за один год увеличить промышленную продукцию с 4,5 млн. юаней до 40 млн. юаней — в 9 раз, что превышало объем запланированной на 1958 г. сельскохозяйственной продукции.

В уезде Дин провинции Хэбэй к 1958 г. было 30 мелких и средних предприятий: механических заводов, маслозаводов, мукомолен. Кроме того, в уезде было 45 различных ремесленных кооперативов. Промышленная продукция составляла 30% от продукции сельского хозяйства. В 1958 г. за два месяца уезд построил еще 300 предприятий собственными силами и силами волостей и 700 предприятий силами кооперативов.

Основным методом финансирования строительства в уезде Дин были организованные местной администрацией займы у населения. «Прежде чем прийти к решению, что нужно опираться на средства, полученные займы у масс,— писала газета «Хэбэй жибао»,— мы в прошлом проделали извилистый путь. Сначала некоторые товарищи полагали: в уезде из года в год природные бедствия, уже много лет нам не хватает продовольствия, людям очень трудно, и особенно после того, как развернулось движение за орошение сельскохозяйственных земель и за счет масс сделаны большие вложения, скрытые резервы совсем невелики, и поэтому главные надежды на то, чтобы получить деньги сверху. Однако протянутая к начальству рука ничего не получила. Уездный комитет подверг критике взгляды, согласно которым нужно опираться только на капиталовложения государства и которые недооценивают силы народных масс. Только тогда стали придерживаться принципа — занимать у самих себя. При этом указывалось: в уезде Дин много населения, если каждый выделит в год 6 юаней, то можно построить фабрику химических удобрений с годовым производством 8 тыс. т; в уезде большое поголовье свиней, выращивается много капусты, хорошие виды на весенний батат —

все это говорит о том, что создание промышленности можно осуществить в основном за счет внутренних займов».

Так как у населения уезда Дин не было наличных денег, то была организована кампания за сбережение средств. После того как в этой кампании наступил «подъем», городские жители и крестьяне внесли свои деньги на развитие промышленности.

Для того чтобы строить предприятия без проектов и без технических специалистов, в уезде Дин применялся метод командировок на образцовые стройки. После непродолжительного знакомства посланцы возвращались и принимались за работу. Очень часто они успевали узнать лишь о каком-нибудь начальном этапе строительства. Тогда делалось то, что уже известно, а что будет дальше, никто не знал; ждали людей, посланных для изучения следующего этапа строительства. Именно так в уезде строились небольшие электростанции: «Центральная стройка была в деревне Гуфан округа Цинфындянь. Для того чтобы начать строительство 34 гидроэлектростанций, применили метод — строить и учиться. От всех кооперативов, на которых лежала обязанность строить электростанции, были посланы люди в Гуфан на учебу, от каждого кооператива — по четыре человека (один плотник, один гончар, один человек с начальным образованием и один кадровый работник). После того как первая группа из двух человек знакомилась с первой очередью работ, она уезжала к себе на стройку. Вторая группа обучалась второй очереди работ. После того как она также отправлялась домой, первая группа возвращалась учиться третьей очереди — и так попеременно, пока стройка не была завершена и не пущена в действие».

Поощряя и поддерживая местных руководителей, бравших на себя рекордные обязательства, центральное правительство вместе с тем не представляло, каким образом эти обязательства будут выполнены. Единственная универсальная установка состояла в том, что с помощью массовых движений можно преодолеть любые трудности. Какими путями — предоставлялось решать местным властям на свой страх и риск.

В первой половине 1958 г. был проведен ряд мероприятий по децентрализации управления народным хозяйством КНР, в частности управления промышленностью. Около 80 % общего числа предприятий, управлявшихся до этого центральными промышленными министерствами, были переданы в ведение местных органов. Эти мероприятия были сознательным шагом, направленным на ослабление централизованного планового начала в управлении экономикой, на расширение «большого скачка».

Одним из нововведений, окончательно развязавшим руки местным властям, была передача им прав на выпуск местных займов. Размеры займов и их сроки стали компетенцией местных органов и назначались ими по своему усмотрению. Подверглись реорганизации в том же направлении системы составления и утверждения планов, финансирования капитальных вложений, набора рабочей силы, сбора налогов.

Особенно изменился характер планирования. Обязательства совершить «большой скачок», многократно увеличить выпуск продукции утверждались в качестве официальных планов. Эти планы не были увязаны ни в масштабах всей страны, ни на местах. Принимавшие обязательства увеличить производство вдвое и втрое не знали, откуда они получают материалы и оборудование. Отсутствие взаимосвязи в планах было возведено в принцип как «активное равновесие». Принцип «активного равновесия» означал, что хозяйственные задачи решаются по мере их возникновения и не следует бояться того, что первое звено не увязано с последующими звеньями. Практика предварительной взаимной увязки планов развития отдельных отраслей, отдельных участков производства третировалась как установление «пассивного равновесия». Вот, например, как толковал в своем отчете этот принцип плановый комитет уезда Луня провинции Хэбэй:

«Развитию всех явлений присущи противоречия. После их разрешения могут возникнуть новые противоречия. Новые противоречия также требуют своего разрешения. Переход от неравновесия к равновесию способствует огромному продвижению вперед.

Например, когда весь народ поднялся на строительство ирригационных сооружений и предприятий местной промышленности, возникла нехватка цемента. Чтобы разрешить эту проблему, мы послали людей научиться местным методам изготовления низкокачественного цемента. В каждой волости и в каждом кооперативе создали цементные предприятия. Когда уже был готов полуфабрикат, из которого делается цемент, обнаружили, что нет измельчающих машин. А не измельчив полуфабрикат и не просеяв, не получить окончательного продукта. В этот решающий момент мы поднимали массы, использовали все, какие можно было использовать, катки для помолки зерна и веялки, заменили ими дорогие измельчающие машины и просеиватели. Цемент был получен, потребности в нем всех отраслей были удовлетворены... С помощью такого активного равновесия, подвижного равновесия производство получило дальнейшее развитие. Очевидно, что здесь имеет место коренное отличие от методов пассивного равновесия». Подобного рода методами пытались решать самые разнообразные хозяйственные проблемы.

Роль плановых и статистических органов во время «большого скачка» сводилась преимущественно к фиксированию принятых обязательств и проверке их выполнения. «Мы взяли в свои руки сравнительную оценку степени выполнения планов в промышленности и сельском хозяйстве,— сообщалось в том же отчете планового комитета уезда Луняю.— Использовали для этого графики или же такие оценки степени выполнения плана, как «самолет», «автомобиль» и «старая телега». Это поддерживало передовых и подгоняло отстающих. Сопоставление заставляло лучше заботиться о выполнении плана. Так, за развитие промышленности волость Цзючэн получила «старую телегу». Секретарь волостного партийного комитета Мэн Хань-чэн заявил, что в следующий раз будет по-другому. В итоге за три дня в волости было создано 147 промышленных предприятий».

Дезорганизация хозяйства, вызванная изменениями в структуре управления промышленностью, усиливалась нововведениями в области капиталъ-

ного строительства. Государственный совет КНР летом 1958 г. предоставил строительным организациям право полного распоряжения выделенными финансовыми средствами, включая полномочия по пересмотру установленных государственных норм в строительстве и изменению первоначальных проектов в соответствии с местными условиями.

Развязывание такого рода «инициативы» открыло дорогу массовым нарушениям государственных стандартов, привело к резкому ухудшению качества строительства. В результате осуществления этого постановления строительство стало таким же благодатным полем для безответственных экспериментов, как и другие сферы народного хозяйства.

Поощрение «инициативы мест», высокие обязательства способствовали созданию обстановки, в которой обычные методы производства в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве оказались неподходящими. От рабочих, крестьян, хозяйственников требовались рекорды. Эти рекорды давались ценой огромного напряжения, сверхурочной работы, снижения качества. О том, как это происходило на практике, рассказывает один из участников обычного тогда производственного штурма: «Мы начали работу вечером, чертежи были составлены к ночи, к рассвету была закончена модель, а днем уже была получена готовая продукция».

Освоение новой продукции в течение нескольких дней перестало кого-либо удивлять. Новое производство начинало действовать через считанные часы после того, как приступали к его освоению.

Установление рекордов в сроках строительства для руководителей строительных организаций стало основной целью, которая оттеснила на второй план все остальные вопросы. В Шанхае за 5 часов был построен литейный цех площадью 680 кв. м. В Юньнани за 22 часа был построен литейный цех площадью более чем 1000 кв. м. Вокруг строительных рекордов разгорался ажиотаж. И если одна строительная организация Пекина построила складское помещение площадью 600 кв. м за 17 часов, то другая взялась построить помещение для завода бесшовных труб площадью 1400 кв. м за 18 часов.

Каждый район, каждое предприятие по-своему демонстрировали, насколько они сумели «отрешиться от старых догм» и «проявить революционную смелость». Деятельность хозяйственников была направлена не столько на достижение реальных экономических результатов, сколько на сенсацию. Подобно тому как руководители страны в объявленных ими планах выходили за пределы всех реальных представлений, точно так же на местах стремились к одному — удивить, поразить воображение.

С разных концов страны поступали сообщения одно удивительнее другого.

Сообщалось, что найден способ получения жиров из рисовой соломы. Новой отрасли предсказывалось большое будущее в деле «более полного обеспечения потребности народа в жирах».

Из стеблей подсолнуха «с помощью очень простого оборудования, доступного любой народной коммуне», было начато производство искусственного протеина, искусственной шерсти и искусственного волокна.

Шанхайская хлопчатобумажная промышленность приступила к выпуску «ароматных» и «светящихся» тканей. «Ароматные ткани,— сообщало агентство Синьхуа,— пропитаны ароматом розы, фиалки и другими ароматическими веществами и сохраняют запах в течение двух месяцев».

В подходе ко всем научным и техническим проблемам появилась необыкновенная легкость. Вот несколько сообщений о научных работах в Пекинском университете, типичных для того времени.

«За 2 недели в Пекинском университете было разрешено 680 научных проблем. Из них более 100 относятся к важным областям науки и техники. Результаты исследований более чем по 50 темам достигают международного уровня».

«За 4 дня профессору химического факультета Пекинского университета Хуан Цзы-цину с помощью двух аспирантов и трех студентов удалось закончить исследования и изготовить специальную электрическую батарею, работающую с помощью метана или другого горючего газа. Обычно на разработку такой темы требуется 2 года».

«Трем студентам физического факультета, взявшимся изучить проблему изготовления полупроводниковых электронных ламп нового типа, за первые 3 дня работы не удалось в соответствующей научной литературе найти решение этой проблемы. Тогда они решили разработать свой собственный метод и еще за 3 дня сумели изготовить 14 различных типов электронных ламп».

Один из техникумов города Шэньяна «после 65 дней упорной работы» спроектировал и построил самолет. В свете подобных «рекордных» сроков успеха Пекинского университета никого не могли удивить.

Состоялись специальные церемонии, на которых под звуки барабанов и цимбал научные работники вручали руководству результаты «большого скачка» в научной работе: транзистор, «который намного превосходит самые мощные транзисторы, выпущенные в США», портрет председателя Мао Цзэ-дуна, выполненный из люминесцентных материалов, оборудование для получения жидкого гелия, «впервые изготовленное не только в Китае, но и во всей Азии», и другие.

Одновременно с «большим скачком» в производстве и науке был объявлен «большой скачок» в культуре и просвещении. Ликвидации неграмотности раньше отводился срок, превышающий десятилетие. При отсутствии фонетической системы письма это действительно трудная задача. Даже среди рабочих к 1958 г. около 40% было неграмотных, а крестьяне в преобладающей части не умели читать и писать. Однако теперь уничтожение неграмотности оказалось делом, требующим всего лишь одного года. В октябре 1958 г. было объявлено, что в 17 провинциях Китая неграмотность уже «почти полностью» ликвидирована.

Деятели литературы и искусства брали повышенные обязательства. В них точно указывалось, сколько повестей, романов, картин создаст тот или иной художник. Цифры обычно были значительными: 10 пьес, 100 различных картин и т. п. Даже рядовые студенты, не имевшие раньше особых литературных наклонностей, «преодолевая слепую веру в то, что

только писатели могут создавать художественные произведения», принимали обязательства написать рассказ, поэму или даже роман.

Китайская пропаганда пыталась представить «большой скачок» как счастливейший период для китайского народа, когда жизнь и искусство слились воедино. Однако некоторые формы увлечения искусством, о которых писали газеты, настораживали даже самых неосведомленных людей. «Во многих местах на собраниях выступления облакаются в песню; песнями отвечают на песни, в разгаре обсуждения вопросов все поют хором. В горных районах провинции Цзянси пение вошло в жизнь и стало ее неотъемлемой частью. Однажды на собрании по вопросу ирригационного строительства в волости Хэлэ уезда Ганьсянь было пропето 200 песен».

Однако в действительности обстановка «большого скачка» меньше всего располагала к веселью. Рабочий день на предприятиях не нормировался. Окончание работы зависело от планов и «энтузиазма» начальства. На многих предприятиях рабочие переселились в цеха. Там ели и спали. Всячески поощрялось проявление «трудового героизма», когда люди не отходили от станков сутки или даже двое суток, получив тяжелую травму, не покидали своего рабочего места и т. д.

Ночная «ударная» работа крестьян стала обычным явлением. Ночью приходилось работать только потому, что устанавливались непомерно высокие задания. Резко возросло количество производственных травм, особенно после начала кампании за выплавку стали.

Колоссальное напряжение всего народа ради сомнительных рекордов, бессонные ночи и полувоенные порядки официальная пропаганда прикрывала именем «великого вождя», называла «ответом на заботу великого вождя» и этим еще больше распаляла административное рвение местных властей.

«Большой скачок» в сельском хозяйстве

Первые результаты «большого скачка» в реализации новой генеральной линии и новых принципов экономической политики были получены в сельском

хозяйстве. Во второй половине 1958 г. было объявлено, что урожай зерновых культур составил 375 млн. т, т. е. в 2 раза превысил урожай 1957 г. Тогда еще никто не знал, что меньше чем через год китайское правительство будет вынуждено публично опровергнуть эти цифры. Однако в 1958 г. цифра 375 млн. т означала подлинный триумф авторов «большого скачка». Удвоение урожая в течение одного года — феноменальное явление в истории экономики. После этого уже не оставалось никаких сомнений, что все остальные показатели — по выплавке стали, добыче угля — будут легко выполнены и перевыполнены. На 1959 г. было намечено собрать, в порядке продолжения «большого скачка», 525 млн. т зерна.

Позднее действительные размеры урожая 1958 г. были оценены официальными китайскими статистическими органами в 250 млн. т. Однако многие зарубежные эксперты высказывали сомнения в правильности и этой цифры, называли величины в 195—200 млн. т, меньше чем на 10% превышающие показатель 1957 г. Трудное положение с продовольствием, создавшееся в 1959 г., подтверждает эти предположения.

Как могли возникнуть цифры, даже приблизительно не соответствовавшие действительному положению дел, вконец дезориентировавшие как хозяйственных руководителей, так и все население?

Обстановка нездорового ажиотажа, постоянных сенсаций, конкуренции рекордов, прямого давления высшего руководства на низы с целью увеличения плановых показателей, постоянного очковитательства снизу доверху — такая обстановка вполне закономерно могла породить любые статистические гиперболы.

Все началось с обязательств, которые принимала каждая провинция, уезд, волость. Утвержденные в первый раз максимальные задания потом многократно пересматривались в сторону увеличения. Обычно обязательства принимались на специальных совещаниях руководителей мест, оторванных от трудящихся масс и специалистов. На этих совещаниях создавалась обстановка, вынуждавшая одобрять

самые нереальные планы. Вот, например, ход типичного совещания такого рода, состоявшегося в начале 1957 г. в провинции Ляонин.

Совещание началось с доклада секретаря провинциального комитета КПК, в котором сразу же предлагалось в течение ближайших трех лет достигнуть показателей, намеченных на 1967 г. В докладе также были подвергнуты критике «консервативные взгляды отдельных работников». Эти планы были поддержаны в прениях несколькими представителями мест, выступившими со встречным предложением: выполнить показатели, намеченные на 1967 г., не в течение ближайших трех лет, а уже в 1958 г. «Их планы вдохновили участников.—сообщалось далее в информации о совещании.—Руководители более 20 уездов позвонили ночью в партийные комитеты своих уездов, сообщили туда о ходе совещания и предложили немедленно вновь взвесить свои возможности и пересмотреть планы. Таким образом появились новые повышенные планы».

Если проекты развития промышленного производства китайские руководители старались до поры до времени не обнародовать в печати, то в отношении планов развития сельского хозяйства было сделано исключение. В беседе с группой работников сельского хозяйства Мао Цзэ-дун лично раскрыл перспективы сельскохозяйственного производства Китая на ближайшие годы.

В ходе этой беседы один председатель кооператива сообщил Мао Цзэ-дуну, что в его хозяйстве в 1958 г. урожайность будет увеличена в 7—8 раз. Мао Цзэ-дун не только одобрил это фантастическое заявление, но и обрадовал всех присутствовавших, сообщив, что «недалеко то время», когда в Китае на одного человека будет производиться 1000 и даже 1500 цзиней зерна (0,5 и 0,75 т), что соответствовало годовому урожаю в 390 и 480 млн. т. Сообщения статистических органов КНР в 1958 г. в точности соответствовали этим «предвидениям» Мао Цзэ-дуна.

После принятия обязательств вторым этапом на пути к рекордной цифре валового урожая были предварительные оценки. Первые предварительные оценки были сделаны весной 1958 г. в отношении ожидав-

шегося летнего урожая пшеницы, ячменя и других культур. В $\frac{1}{4}$ провинций, согласно этим оценкам, сбор пшеницы должен был увеличиться вдвое или почти вдвое, а в $\frac{1}{3}$ провинций он должен был быть больше прошлогоднего на 30—50%. Между тем весной 1958 г. в провинциях Хэбэй, Шаньдун, Шаньси и Шэньси была засуха, что не могло не отразиться на урожае.

Когда дело дошло до выполнения принятых обязательств и оценок, то руководителям даже самых отстающих районов ничего не оставалось делать, как вступить на путь очковтирательства и добавить к тысячам рапортов о небывалом урожае сообщение о своих «успехах».

В конце июня 1958 г. газеты возвестили о том, что Китай перегнал США по производству пшеницы. По сообщениям, сбор пшеницы составил 39 млн. т и превысил уровень США на 2 млн. т. В целом, как сообщало министерство сельского хозяйства КНР, летний урожай 1958 г. превысил летний урожай предыдущего года на 69%, сбор зерна составил 50,5 млн. т против 30,0 млн. т в 1957 г. За один год урожайность выросла с 8,2 ц до 14 ц с 1 га, т. е. на 70%.

«Поразительным» оказался урожай в отдельных районах. Так, например, в провинции Хэнань был объявлен урожай озимой пшеницы 9,58 млн. т. Он на 5,7 млн. т превысил урожай 1957 г. Если в 1957 г. в провинции Хэнань с 1 га собирали 8,5 ц озимой пшеницы, то в 1958 г. этот показатель сразу вырос до 21,2 ц.

«Это удивительные цифры,—такими были комментарии газеты «Женьминь жибао».—О чем они говорят? Они говорят о том, что сельское хозяйство нашей страны вступило в новый этап, перейдя от постепенного развития к скачкообразному развитию». «Нынешний высокий урожай пшеницы говорит... что у нас в Китае сейчас достигнуто то, чего не было в истории, чего не достигнуто за границей». «Мы больше уже не будем рабами истории своей страны и действительности иностранных государств».

Необыкновенные цифры летнего урожая предопределили отношение к осеннему урожаю: «Если мы

смогли совершить такой большой скачок в производстве пшеницы... то почему мы не сможем добиться резкого увеличения производства таких высокоурожайных культур, как поливной рис, кукуруза и батат?» Ничего другого, кроме новых рекордов, не ожидалось.

Сбор раннего риса, последовавший вслед за сбором озимой пшеницы, дал еще более «удивительные» результаты. Сообщалось, что урожайность раннего риса возросла на 80%, а валовой сбор вырос еще больше, так как посевы риса в 1958 г. были расширены. Была названа цифра 43,5 млн. т раннего риса, что в 2,3 раза превысило соответствующий показатель 1957 г.

Одновременно сообщалось об окончании сбора яровой пшеницы, производство которой также значительно увеличилось — на 63% — и составило 5 млн. т.

Рекордные показатели урожайности риса «достигали» 80 ц с му, или более 1200 ц с 1 га, яровой пшеницы — 40 ц с му, или около 600 ц с 1 га.

Еще не собрали осенний урожай, когда было объявлено, что общее увеличение сбора зерновых в 1958 г. в 2 раза превысит результаты 1957 г. Из этих цифр уже исходило в своих решениях заседание Политбюро ЦК КПК в августе 1958 г. в Бэйдайхэ.

Громадное преувеличение успехов сельского хозяйства нанесло вред экономике страны. Оно создавало искаженную картину продовольственного положения и насаждало ошибочное мнение, что сельское хозяйство не только само может развиваться высокими темпами, но и может продолжать быть источником развития промышленности сверхвысокими темпами.

Подведение первых итогов сельскохозяйственного производства на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в августе 1958 г. в Бэйдайхэ и головокружительные цифры — 300—350 млн. т зерна, рост на 60—90% по сравнению с 1957 г., — создавали иллюзию, что, несмотря на провозглашенный в промышленности «большой скачок», она все же в меньшей степени ускорила свои темпы, чем сельское хозяйство.

За первое полугодие 1958 г., по официальным дан-

ным, промышленное производство КНР выросло на 34 %. Но эти успехи промышленности казались руководителям КНР скромными по сравнению с достижениями сельскохозяйственного производства.

Решения Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ свелись к тому, что необходимо еще больше ускорить развитие промышленности, сконцентрировать на промышленности основные усилия руководства. В решениях указывалось, что необходимо «перенести центр внимания партийных комитетов провинций на промышленность», «уделять главное внимание развитию промышленности».

Ложные, преувеличенные сведения о росте сельскохозяйственного производства послужили толчком для новой кампании за еще большее ускорение темпов, усугубили все отрицательные моменты «большого скачка».

Сбор урожая размером более чем 300 млн. т зерновых был первым «фактом» действительно крупного масштаба, подтверждавшим правильность грандиозных прогнозов и возможность их реализации. Не случайно именно в Бэйдайхэ был официально принят план удвоения выплавки стали в 1958 г.

Преувеличенные сообщения о сборе зерновых культур особенно с большим энтузиазмом были восприняты теоретиками неиндустриальных методов развития сельского хозяйства Китая. В рекордной цифре урожая организаторы «большого скачка» увидели подтверждение своих теорий о том, что без техники, лишь с помощью затрат большого количества труда можно обеспечить быстрое развитие сельского хозяйства. С самого начала было выбрано два направления, где, как предполагалось, можно обойтись без государственных средств, без машин и где достаточно вложить большое количество ручного труда, чтобы значительно увеличить сельскохозяйственное производство. Такими двумя направлениями были ирригационные работы и интенсивная ручная обработка земли — глубокое рыхление.

В течение гидромелиоративного сезона с октября 1957 г. по октябрь 1958 г., по сообщению агентства Синьхуа, площадь орошаемых земель в КНР увеличилась почти вдвое — на 32 млн. га. В результате

орошаемые земли расширились до 67 млн. га и составили почти 60% всей обрабатываемой площади в стране. В 1959 г. ирригационные работы продолжались, что, по китайским сведениям, увеличило орошаемые земли еще более чем на 30 млн. га. Было объявлено, что сеть ирригационных систем охватывает 90% всех обрабатываемых земель в КНР.

Приведенные цифры, с одной стороны, говорят об огромных масштабах работ по орошению в сельском хозяйстве КНР, с другой — вызывают сомнение: каким образом вручную, всего лишь за 2 года удалось утроить орошаемую площадь. Эти сомнения тем более правомерны, если вспомнить природу всех других цифр «большого скачка».

Трудно определить, какая часть орошаемой площади на самом деле была таковой. Когда на огромных площадях зимой и весной 1958 г. рыли каналы, водоотводные канавы, они далеко не везде тут же заполнялись водой. Значительная их часть строилась в расчете на летние воды. И далеко не везде при той поспешности, с которой эти работы выполнялись, надежды на летние воды были оправданы. Даже по официальным оценкам, после завершения ирригационной кампании 1957—1958 гг. функционировало лишь около 60% всех сооружений.

Ирригационное строительство велось хаотично, бесплано, без учета всех последствий, не было специальных проектов. Секретарь провинциального комитета провинции Аньхой Цзэн Си-шэн писал в «Женьминь жибао»: «В прошлом проектирование гидромелиоративных сооружений обычно выполнялось для крестьян государственными учреждениями водного хозяйства. Сейчас многие уезды, волости и даже сельскохозяйственные кооперативы целиком самостоятельно выполняют проектирование и строительство, давая полную свободу способностям крестьян».

Наконец, строившиеся объекты большей частью были чрезвычайно мелкими, быстро разрушались и требовали постоянного восстановления. Из 30 млн. га, освоенных в 1958 г., лишь $\frac{1}{3}$ орошалась с помощью крупных и средних гидросооружений, а $\frac{2}{3}$ — с помощью небольших прудов и канав.

Хотя первоначально руководители экономики КНР призывали сделать упор на строительство мелких сооружений, очень скоро они были вынуждены признать их полную неэффективность, и уже в 1958 г. был выдвинут курс строительства «средних» сооружений.

Однако даже средние и крупные водохозяйственные комплексы в обстановке «большого скачка» зачастую недостаточно хорошо проектировались и не всегда были ясны перспективы их применения.

Поучительна в этом отношении история широко рекламировавшегося китайской пропагандой водохранилища Шисаньлин. Шисаньлинское водохранилище строилось в окрестностях Пекина. Строительство велось днем и ночью, в три смены. В нем участвовало 400 тыс. крестьян и жителей города. В работе поддерживался самый напряженный ритм. Под удары барабанов многотысячные цепочки людей наперегонки подносили землю в корзинах на коромыслах к гребню плотины. Строилось водохранилище всего 5 месяцев. За это время было выполнено 2,3 млн. куб. м земляных и каменных работ. Рядом с водохранилищем была начата разбивка парка, который должен был в 30 раз превышать по площади пекинский парк Ихэюань, созданный китайскими императорами. В парке намечалось высадить более 6 млн. сосен и кедров, огромное количество фруктовых деревьев, 100 га отводилось под розы, намечалось строительство специальных прудов для разведения лотоса.

Огромный размах работ, особое внимание центральных органов не спасли Шисаньлинское водохранилище от тех дефектов, которые были характерны для всего ирригационного строительства в период «большого скачка». Водохранилище было неудовлетворительно спроектировано и лишь в небольшой части наполнилось водой.

Строительство даже самых больших водохозяйственных объектов велось не только с помощью рабочей силы кооперативов, но и с помощью финансовых средств населения. На некоторых крупных стройках больше половины всех требовавшихся средств предоставляли крестьяне. Так, для строи-

тельства 132-километрового канала в провинции Гуандун на полуострове Лэйчжоу, одного из крупнейших ирригационных объектов «большого скачка», потребовалось 150 млн. юаней. 90% требовавшихся средств было получено за счет населения и лишь 10% предоставило государство.

Ирригационное строительство, особенно в условиях Китая, является одним из важнейших факторов увеличения сельскохозяйственного производства. Однако в 1958—1960 гг. масштабы ирригационного строительства не соответствовали возможностям сельского хозяйства КНР, его финансовым, техническим и трудовым ресурсам; строительство не было подготовлено, не было проектов, без всякого плана создавались тысячи малозффективных мелких сооружений. Все это полностью дало о себе знать во время стихийных бедствий в 1960—1961 гг.

Расширение площади орошаемых земель было связано с планом увеличения удельного веса высокоурожайных культур (риса, кукурузы, батата — сладкого картофеля), что рассматривалось как одна из важнейших мер по достижению рекордного урожая. Однако расширение посевов этих культур в ряде мест проводилось за счет сокращения посевов пшеницы, что вело к ухудшению структуры питания населения.

В конце первой пятилетки в Китае было достигнуто стабильное положение со снабжением населения продовольствием. Наряду с увеличением объема производимого продовольствия улучшение его структуры стало одной из насущных проблем. Требовалось относительно увеличить производство пшеницы и риса, жиров и мяса. Основная часть китайского населения еще совершенно не была знакома с такими продуктами, как молоко и сливочное масло.

В первой пятилетке тенденции улучшения структуры питания получили ошутимое развитие. Увеличилась доля пшеницы и риса, сократилась доля так называемых грубых зерновых культур — кукурузы, гаоляна и других. В период большого скачка стремление к рекордному урожаю вновь привело к увеличению удельного веса этих культур. Между тем китайскому потребителю далеко не все равно, что есть: пшеничные маньтоу или кукурузные вовотоу.

Чрезвычайно увеличилась доля самого низкокачественного элемента питания китайских крестьян — батата. Расширение посевов батата осуществлялось вполне сознательно, так как за его счет было легче всего увеличивать цифру общего объема производства продовольственных культур. Хотя батат входит в итоговые цифры урожая и складывается с зерновыми по коэффициенту 4:1, тем не менее даже в соответствии с этим коэффициентом с единицы площади батата снимается в 2,5 раза больше, чем пшеницы.

В 1958 г. производство батата выросло более чем в 2 раза. Если даже признать правильными отчетные данные ЦСУ КНР о том, что общее производство продовольственных культур в 1958 г. увеличилось на 35% и составило 250 млн. т, то и в этом случае $\frac{1}{3}$ прироста приходится на долю батата. Исключив из этих данных величину производства батата, получим рост зерновых уже не на 35%, а гораздо меньше. Если учесть, что батат плохо хранится и почти не поддается транспортировке, то следует сделать вывод, что товарные ресурсы продовольствия в 1958 г. в лучшем случае могли увеличиться на 23%. Однако и эта цифра вызывает большие сомнения.

Наряду с повсеместной ирригацией вторым по значению мероприятием, на которое делалась ставка в сельском хозяйстве, было глубокое рыхление почвы. Глубокое рыхление, по мнению авторов «большого скачка», было тем новшеством в китайском сельском хозяйстве, которое, не требуя машин и механизмов, за счет лишь одних многочисленных трудовых ресурсов, позволяло быстро увеличить урожайность. При этом полностью игнорировался тот факт, что сельское хозяйство Китая не подготовлено к массовому распространению глубокого рыхления.

Проблема состояла не только в том, что не было никаких традиций глубокой вспашки, но главным образом в том, что даже при огромных трудовых ресурсах китайской деревни без тракторов и плугов перекапывать все земли под зерновые лопатами было непосильной задачей. Глубокое рыхление, наконец, требовало значительно большего количества удобрений, чем их применялось на полях Китая.

Идея глубокого рыхления с самого начала была бюрократической выдумкой и не имела ничего общего с условиями китайского сельского хозяйства. Тем не менее «новое агротехническое мероприятие» в административном порядке насаждалось по всему Китаю. ЦК КПК распространил специальные указания, в которых было рекомендовано «вести глубокое рыхление на всех полях, где это возможно». Минимальная глубина рыхления определялась в 32 см, высокоурожайные поля рекомендовалось перекапывать на глубину в 64 см. Осенью 1958 г. глубокое рыхление было проведено на площади 53 млн. га.

Сама процедура глубокого рыхления, особенно на глубину 0,6—0,7 м, выглядела в высшей степени странно и бессмысленно: шеренга людей выкапывала траншею, затем рядом выкапывалась следующая траншея, а землю сбрасывали в первую и т. д. Обучать крестьян невиданному способу обработки земли приезжали представители местных властей, зачастую имевшие очень приблизительное представление о сельском хозяйстве. Глубокое рыхление не вызвало никакого энтузиазма у китайского крестьянства.

Для того чтобы продемонстрировать возможности глубокого рыхления, в каждом районе создавались специальные «опытные участки». Такие участки были очень небольших размеров—1—2 му, они взрыхлялись на большую глубину, специально обрабатывались, поливались, в них вкладывалось большое количество удобрений, но главное—применялась пересадка растений. Речь идет не о рисовой рассаде, а о пересадке уже взрослых растений. Рис пересаживался с площадей, в 20—25 раз превышавших опытный участок. Пересадка применялась не только на рисовых полях, но и при выращивании пшеницы. Вскоре после пересадки совершалась торжественная уборка урожая. Едва ли вся эта процедура имела какую-либо экономическую или агротехническую ценность. Однако каждый новый рекорд на «опытных участках» получал самую широкую рекламу. Все это вполне соответствовало обстановке, когда рекордные цифры, пусть даже мнимые, ставились выше реальных результатов.

В 1958 г. один рекорд следовал за другим. Урожай пшеницы с 1 му сначала составил 20 ц, затем — 30 ц, 35 ц. В переводе на 1 га это равняется 300, 450 и 525 ц. Объявленные рекордные урожаи риса с 1 му равнялись 150, 200, 300 ц, кукурузы — 175 ц, проса — 135 ц.

Большую известность по всей стране получило, например, экспериментальное поле в коммуне «Синьлицунь» в окрестностях Тяньцзиня, где на участок 1,4 му был пересажен рис с площади 40 му. С участка было собрано более 60 т зерна. Сюда привозили экскурсантов, иностранных журналистов. В уезде Сыпин провинции Хэнань с опытного участка 2 му было собрано по 37 ц пшеницы с му (550 ц с 1 га). В уезде Цзесю провинции Шаньси с 1 му собрали 28,5 ц ячменя (427 ц с 1 га) и т. д.

Вся мера оторванности китайских руководителей от действительных нужд сельского хозяйства КНР стала видна после того, как на основе рекордных достижений «опытных участков» и предварительных сообщений о размерах урожая 1958 г. начали разрабатываться планы сокращения посевных площадей. Эти планы получили официальное подтверждение на VI пленуме ЦК КПК, состоявшемся в ноябре — декабре 1958 г. в Учане. В постановлении пленума говорилось: «Необходимо добиваться того, чтобы в течение ряда лет в соответствии с местными условиями занятая сейчас под сельскохозяйственными культурами пахотная площадь постепенно была сокращена, скажем, примерно до $\frac{1}{3}$, с тем чтобы часть высвободившейся земли использовать под пары, а также для посева трав, применяемых в качестве корма, и трав, обогащающих почву, а на другой ее части производить лесопосадки, строить водоемы на равнинах, на горах и в водоемах широко сажать декоративные растения, образующие яркую цветовую гамму, чтобы превратить обширные пространства нашей страны в цветущий сад». Сокращение посевных площадей предполагалось проводить начиная с 1959 г.

Трудно было представить другое решение, которое бы в большей степени шло вразрез с основными нуждами экономики Китая, чем решение о сокращении посевных площадей. В стране существовала жесткая карточная система, еще отсутствовали условия для

интенсификации земледелия на основе современной техники; в этих условиях значительное сокращение площадей под продовольственными культурами было более чем утопическим.

Вскоре последовали практические действия. В порядке реализации новой сельскохозяйственной политики в провинции Шаньси посевные площади на 1959 г. были сокращены на 30 %, во Внутренней Монголии, Цинхае, Северо-Западном Китае — на 20 %, в провинции Хэйлунцзян — на 65 %. Одновременно во всех провинциях под высокоурожайные культуры было намечено выделить от 10 до 30 % посевных площадей. Предполагалось, что доля особенно интенсивно обрабатываемых полей будет постепенно расширяться.

В провинции Сычуань обрабатываемая площадь была сокращена на 10 %, при этом всего лишь с $\frac{1}{6}$ всех посевов было запланировано собрать в 1959 г. столько же, сколько было собрано по всей провинции в 1958 г.

Неудивительно, что подобные нововведения были с глубоким недоверием восприняты крестьянами. В различных официальных документах того времени указывалось на необходимость давать разъяснение крестьянам, «высказывающим сомнения» и проявляющим «консервативные взгляды».

«Большой скачок» в промышленности

Стремясь максимально увеличить темпы промышленного производства, руководители китайской экономики расширяли сеть мелких предприятий, наращивая мощности, многократно увеличили фронт капитальных работ, направили огромное количество рабочей силы из деревни в промышленность.

За один год в промышленности было создано несколько сотен тысяч мелких и средних предприятий. В 1959 г. мелкие предприятия уже давали половину всего чугуна, половину добываемой в стране руды, на долю мелких и средних шахт приходилось 40 % всего добытого в стране угля.

Выдвижение курса на развитие мелких предприятий сопровождалось перечислением их многочислен-

ных преимуществ: возможность привлекать распыленные капитальные средства, быстрая отдача, использование различных местных ресурсов и т. д. В известной мере нельзя не согласиться со справедливостью этих доводов. Мелкие предприятия существуют во всех странах, даже в странах с очень высоким уровнем экономического развития. Тем более они правомерны в Китае, где экономическая жизнь еще в значительной степени децентрализована.

Однако роль, отводившаяся в КНР мелкой промышленности, не соответствовала ее действительным возможностям. Везде, где существует развитая система мелких предприятий, они лишь дополняют крупную промышленность, играют вспомогательную роль. Но в 1958 г. в Китае считали возможным сделать увеличение числа мелких предприятий основным направлением в развитии.

Кроме того, организаторы «большого скачка» не учитывали, что и мелкой промышленности, чтобы она была экономически эффективной, требуется определенный технический уровень. Если техника ниже этого уровня, то мелкое производство уже расточительно, неоправданно. Однако на значительной части китайских мелких предприятий, хотя они и не требовали больших капитальных вложений, наблюдался перерасход сырья, материалов и особенно человеческого труда. Достаточно сказать, что на мелких шахтах суточная добыча угля на одного шахтера составляла 500 кг. Чрезвычайно примитивными были предприятия черной металлургии (о них речь пойдет ниже), всевозможные карьеры и рудники, мелкие цементные заводы и др.

Еще одно слабое место политики всемерного расширения мелкой промышленности состояло в том, что мелкие предприятия старались внедрить абсолютно во все отрасли промышленности. Между тем они действенны лишь в определенных отраслях: в переработке продукции сельского хозяйства, в добывающей промышленности, в ремонтных отраслях и т. д. Такого рода промышленность издавна существовала в Китае, еще задолго до «большого скачка». В общем промышленном производстве она занимала немалую долю. Так, в 1957 г. продукция местной

промышленности составляла 30 % продукции всей промышленности.

В то же время существуют отрасли, особенности продукции которых, сама технология производства требуют предприятий относительно крупных масштабов. Однако в период «большого скачка» именно такого рода отрасли стали объектом внедрения мелкого и мельчайшего производства. Сталь и блюминги, автомобили и паровозы — все пытались выпускать на самых мелких предприятиях.

Особенно большую сенсацию произвело вторжение мелкого производства в тяжелое машиностроение. Производство крупного оборудования для электростанций, прокатных станов было узким местом «большого скачка». Расширить производство такого оборудования за счет мелких предприятий, естественно, было невозможно.

Однако «выход» был найден. Для ликвидации узкого места был изобретен способ «муравьи грызут кость». «В процессе работы много небольших станков окружают каждую крупную деталь, очень напоминая собой муравьев, грызущих кость» — так объяснялась сущность и происхождение названия этого метода.

После того как на Шэньянском машиностроительном заводе «в результате трехмесячной напряженной борьбы» методом «муравьи грызут кость» был создан крупный компрессор высокого давления, этот метод с энтузиазмом был взят на вооружение руководителями экономики. «Надо заставить муравьев грызть кость и использовать мелкие станки для производства крупных машин», — писала газета «Женьминь жибао». Способ «муравьи грызут кость» был провозглашен «ключом к развитию машиностроения», «самым эффективным в настоящее время».

Однако попытка производить тяжелое оборудование с помощью мелких станков и тем самым сразу перешагнуть через несколько производственных звеньев машиностроения была заранес обречена на неудачу. Технологические трудности были непреодолимы. Там же, где в конце концов что-то получалось, качество было крайне низким. Метод «муравьи грызут кость» отвлек много сил, привел к большой трате ресурсов, но не оправдал возлагавшихся

надежд, не дал каких-либо значительных результатов.

Наконец, увеличение количества мелких предприятий вызвало существенные диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Промышленность должна иметь свою прочную сельскохозяйственную базу, обеспечивающую ее продовольствием и сырьем. И расширение мелкой промышленности могло происходить лишь до тех пор, пока оно не ослабляло сельскохозяйственного производства. Однако увеличение количества мелких предприятий, происходившее в 1958 и 1959 гг., не могло не нанести ущерб сельскому хозяйству. Оно отвлекало из сельского хозяйства большое количество рабочей силы, материальных и финансовых ресурсов. Создав мелкую промышленность, китайские руководители обрекли ее на крайне неустойчивое положение — она могла существовать только до первых серьезных продовольственных трудностей. Всякое сокращение производимого продовольствия в первую очередь должно было привести к ограничению снабжения мелкой промышленности и вслед за этим к обратному переливу рабочей силы из промышленности в сельское хозяйство. При небольшом удельном весе в спросе на оборудование и другие виды дефицитных производственных ресурсов мелкая промышленность претендует на непропорционально большую (по сравнению с ее вкладом в производство) долю в централизованных продовольственных фондах. Сами методы создания мелкой промышленности за счет ничем не компенсируемого оттока рабочей силы из сельского хозяйства несли в себе семена будущих серьезных затруднений. Появление продовольственных трудностей было неизбежным, и, как только они возникли, значительная часть мелкой промышленности прекратила свое существование.

«Большой скачок» охватил не только мелкую промышленность, но и вторгся в сферу крупных предприятий. Одних только мелких предприятий было явно недостаточно, чтобы быстро расширить производственные мощности в той мере, в какой этого требовали огромные задания по выпуску важнейших видов промышленной продукции. В 1958 г. велось

лихорадочное строительство многих крупных объектов, закончить которые первоначально предполагалось много позднее. Теперь же делалось все, чтобы их ввести в строй как можно раньше.

За первую пятилетку было введено в действие около 500 крупных (так называемых «сверхлимитных») предприятий. На протяжении одного 1958 г. было закончено около 700 таких же предприятий. Было не окончено, но велось строительство еще 1000 крупных объектов. Если учесть, что кроме них строились еще тысячи крупных предприятий и сотни тысяч мелких, также требовавших некоторых вложений, станет понятно, почему общая сумма промышленных капиталовложений в 1958 г. увеличилась более чем вдвое по сравнению с 1957 г. и составила около $\frac{2}{3}$ всех капиталовложений, сделанных в промышленность за всю первую пятилетку.

Огромный фронт капитального строительства не соответствовал имевшимся материальным ресурсам. Это вызвало большой дефицит сырья и материалов. Дефицит усугублялся тем, что государство, неограниченно финансируя строительные кампании, не имело при этом никакого плана материального обеспечения выделенных финансовых средств.

Ежедневный пуск новых и новых предприятий не ослаблял, а усиливал потребность в сырье и материалах, так как большая часть новых предприятий, начав функционировать, еще больше увеличивала спрос на сырье. Нехватка сырья, с одной стороны, и сжатые сроки, с другой, вызвали многочисленные нарушения стандартов в строительстве, резкое падение качества промышленной продукции. Ввиду нехватки цемента повсеместно начали вводиться новые нормативы расхода цемента. По некоторым видам объектов предусматривалось сократить расход цемента на 1 куб. м бетона более чем вдвое.

Наряду с произвольным изменением нормативов всячески поощрялось применение «местных материалов». Все это китайские экономисты называли снижением стоимости строительства, экономией средств. Однако снижение стоимости было слишком большим, чтобы отражать нормальный процесс экономии. Если в первую пятилетку при строительстве крупных

металлургических комбинатов в расчете на 1 т стали было затрачено 750—1000 юаней, то в 1958 г. эти затраты составляли 300 юаней; капиталовложения на 1 квт мощности теплоэлектростанций в первую пятилетку были равны 1100 юаней, а в 1958 г. — 480 юаней; капиталовложения в крупные угольные шахты в расчете на 1 т угля составили в первую пятилетку 35 юаней, а в 1958 г. — 12,6 юаня. Очевидно, что подобная экономия не могла не идти в ущерб качеству строительства, а в ряде случаев целиком его обесценивала.

В целях экономии материалов начался массовый пересмотр строительных проектов. Обширные проекты пересматривались в рекордно короткие сроки. Так, например, сотрудники проектного института химической промышленности за восемь дней переделали проект завода серной кислоты. Капиталовложения в строительство завода были снижены с 8 млн. юаней до 5 млн. Сообщалось, что проектировщики Пекинского проектного института в течение четырех дней изменили проекты более 100 строительных объектов, что позволило «сэкономить» 9,2 млн. юаней.

В ходе строительства электростанций был выдвинут лозунг: «строить две электростанции на те средства, которые в прошлом шли на строительство лишь одной электростанции, сократить наполовину сроки строительства».

Полностью пересматривались также проекты уже строившихся предприятий. На строительстве Уханьского металлургического комбината было решено, «применяя некоторые дешевые заменители, без ущерба для качества», ограничиться лишь средствами, выделенными для первой очереди комбината, и с помощью одних только этих средств закончить сооружение всего предприятия, при этом годовую мощность комбината было намечено увеличить более чем в 2 раза по сравнению с первоначальным проектом.

На Шицзиншаньском металлургическом комбинате в Пекине также было решено без дополнительных капиталовложений увеличить мощности по производству стали с первоначально проектировавшихся 600 тыс. т до 1,3 млн. т.

С особенной энергией «умение» экономить демонстрировалось на тех проектах, которые могли конку-

рировать с аналогичными уже известными проектами, выполненными с помощью Советского Союза. Так, известно, что в проектировании и строительстве Первого автомобильного завода в г. Чанчунь активное участие принимали советские специалисты. В 1958 г. был сделан проект Пекинского автомобильного завода такой же мощности, что и Чанчуньский автозавод. В то же время сообщалось, что по этому проекту предполагается израсходовать в 20 раз меньше средств, чем было израсходовано на строительство Чанчуньского завода.

В свете подобных «проектов» советскую помощь, оказанную в сооружении первоклассного современного предприятия, первенца китайского автомобилестроения, китайские руководители пытались представить как огромный перерасход средств, как нанесение экономического ущерба Китаю.

Неудивительно поэтому, что проекты расширения крупнейших предприятий, построенных с помощью Советского Союза, без достаточного обоснования в корне переделывались. Так, целиком была пересмотрена программа постепенного расширения того же Чанчуньского автомобильного завода. Первоначальная мощность этого завода составила 30 тыс. автомашин в год. Предусматривалось его постепенное расширение, с тем чтобы к 1967 г. мощность достигла 150 тыс. машин в год. Для этого требовалось выделить 300 млн. юаней капиталовложений, дополнительно построить 300 тыс. кв. м производственной площади и установить 3200 новых станков.

После «массового движения», в ходе которого были выдвинуты различные предложения по «экономии», этот план был отброшен, как «консервативный». Пятикратного увеличения мощности завода было решено достичь уже в 1959 г. Для этого предполагалось затратить лишь 40 млн. юаней капиталовложений, увеличить производственную площадь всего на 90 тыс. кв. м и установить только 800 новых станков.

Было решено также, что завод будет вести строительство своими силами и будет сам выпускать все необходимые для строительства материалы: выплавлять сталь, производить цемент и т. п.

Новый грузовой автомобиль по замыслу должен был стать на полтонны легче, а грузоподъемность его — на одну тонну больше. В целом стоимость каждой машины предполагалось сократить вдвое.

Удешевление продукции путем резкого снижения ее качества происходило во всей промышленности. Так же как и в строительстве, этот процесс был главным образом связан с нехваткой сырья и материалов.

В промышленности не хватало различных видов проката, цветных металлов, красителей, бумаги, топлива. Если бы производство расширялось только в пределах имевшихся ресурсов, то не было бы даже той видимости «большого скачка», которая имела место. По официальным статистическим данным, промышленное производство увеличилось в 1958 г. на 66%. Чтобы поддержать такой темп, меньше всего приходилось заботиться о качестве продукции, требовалось идти на «смелую» замену одних видов материалов другими, на необоснованное снижение нормативов расходов и другие подобные приемы.

Так, Чанчуньский автомобильный завод начал свою деятельность с широкого применения рядовой стали вместо высококачественной, горячекатаной стали вместо холоднокатаной, алюминия вместо меди, марганцевой и углеродистой стали вместо хромистой стали, хромомарганцевой стали вместо хромоникелевой и т. д. Тяньцзинская ткацко-прядильная фабрика сообщила, например, о новом усовершенствованном методе окрашивания шелковых тканей, изобретенном в связи с отсутствием красителей. Вместо красителей применяли поваренную соль, воду и металлические соли. Сообщалось, что получено 15 цветов шелка, стойкость которых отвечает стандартам, а стоимость окрашивания составляет лишь $\frac{1}{100}$ стоимости окрашивания с помощью стандартных красителей.

В исключительно короткий срок во всех провинциях были найдены сотни диких растений, которые считалось возможным использовать в промышленном производстве в качестве различных заменителей сырья. В одной лишь провинции Сычуань, например, было обнаружено 364 вида диких растений, которые «могут быть использованы в качестве заменителя

хлопка, зерна, масличных культур». Сразу же была разработана технология переработки этих растений, и сообщалось даже, что все текстильные фабрики главного города провинции — Чунцина выпускают уже волокно, сделанное из диких трав и «обладающее высоким качеством».

В некоторых случаях ускоренное внедрение суррогатов вместо основного сырья было исключительно «смелым». Так, одним из направлений быстрого развития машиностроения был признан путь «широкого применения цемента». «Широкое применение цемента» в машиностроении состояло в том, что большое количество предприятий начало выпускать строгальные, токарные, сверлильные станки с основными деталями из цемента. Сообщалось, что при изготовлении крупного строгального станка с основными деталями из цемента вместо металла производительность труда выросла более чем в 10 раз. Об эксплуатации этих станков никаких победных реляций не поступало.

Нехватка сырья и материалов привела к нарушению нормальных производственных связей в промышленности, нарушениям в специализации и кооперировании предприятий. Принципы «самоснабжения» и «ориентации на местные ресурсы» занимали все более доминирующее место в хозяйственной деятельности промышленных предприятий.

Раньше, чем в других городах, напряженное положение с сырьем, топливом, электроэнергией создалось в Шанхае. Уже весной 1958 г. на промышленных предприятиях города обнаружилась острая нехватка угля, черных и цветных металлов, бумаги. В связи с этим в шанхайской промышленности произошли первые нарушения в системе специализации и производственных связей, которые впоследствии охватили промышленность всего Китая. Промышленные компании, основанные на строгой специализации, были реорганизованы таким образом, чтобы они сами могли обеспечивать себя значительной частью необходимых материалов и полуфабрикатов.

Серьезной причиной нарушения производственных связей было стремление всех предприятий, отдельных районов, провинций выпускать новую про-

ывались как «продукция», их стоимость входила в валовые показатели, в рекордные цифры «большого скачка».

Выпуск автомобилей был особенно почетным видом нового производства. В 1957 г. в КНР выпускался лишь один тип автомобилей — грузовик марки «Цзефан», а в 1958 г. к изготовлению автомобилей приступили десятки мелких механических заводов и мастерских. Каждое предприятие делало весь автомобиль от начала до конца, без какого бы то ни было кооперирования с другими предприятиями.

Даже простое перечисление некоторых начинаний в области автомобилестроения уже дает представление о том, какую популярность получила во время «большого скачка» эта отрасль.

Грузовые автомобили марки «Яоцзинь» («Большой скачок») начал делать Нанкинский авторемонтный завод. Шэньянский автосборочный завод начал производство универсального грузовика «Гуннун» («Рабочие и крестьяне»). Коллектив Первого пекинского завода автодеталей, «изучив лучшие качества современных марок легковых машин», приступил к производству легкового автомобиля марки «Цзинганшань» (название горного хребта). Фучжоуский авторемонтный завод создал новый грузовик «Дунфанхун» («Восточная заря»).

Всего за несколько месяцев 1958 г. было выпущено более 100 различных типов автомашин: легковые машины, грузовики, автобусы, самосвалы, грузовики повышенной проходимости, трехколесные грузовики, малолитражные автомобили и т. д.

Некоторые предприятия, занявшиеся автомобилестроением, были совершенно крошечных размеров. Так, в механической мастерской в Лояне, начавшей изготавливать полутонный грузовик, насчитывалось 100 человек и было всего 10 станков. Рама автомобиля на таких предприятиях делалась не целиком, а из отдельных частей.

Хотя в 1958 г. промышленность Китая не могла поставить сельскому хозяйству большое число тракторов, тем не менее на различных ремонтных предприятиях в этом году было изготовлено более 120 различных типов тракторов.

Переналадка предприятий, освоение новой продукции в ряде случаев не вызывались необходимостью, носили искусственный характер. В крупных и средних городах имелись достаточные мощности по переработке сельскохозяйственной продукции. На предприятиях этих городов имелось соответствующее оборудование и квалифицированные кадры. Создание многочисленных мелких предприятий, предназначенных для тех же целей, вынуждало идти на дополнительные затраты по переоборудованию более крупных предприятий и переключению их на выпуск новой, «более сложной» продукции.

Ориентация на местные ресурсы, передача основных руководящих функций местным властям, произвольный выбор продукции, разрыв производственных связей породили тенденцию к экономической изоляции отдельных провинций. Каждая провинция создавала свою металлургическую базу, основные виды машиностроения, добывающую промышленность и т. д. — самостоятельный хозяйственный комплекс. Такие тенденции, разрушавшие рациональное, экономически прогрессивное разделение труда, не только не осуждались, но и поощрялись. В августе 1958 г. во время пребывания в Тяньцзине Мао Цзэдун заявил, что от системы разделения труда, когда самостоятельный промышленный комплекс образуют несколько провинций, необходимо переходить к такой системе, когда законченным комплексом станет каждая отдельная провинция.

Центральной кампанией «большого скачка» была «всенародная борьба за сталь». В этой кампании наиболее полно воплотились в жизнь идеи о массовых движениях как важнейшем факторе экономического развития. Достижению максимальной цифры выплавленной стали было подчинено все народное хозяйство.

Теоретики «большого скачка» утверждали, что массовое движение за выплавку стали, сосредоточение на производстве стали основных усилий является самым целесообразным путем развития экономики в целом. В соответствии с этой концепцией быстрые темпы черной металлургии требуют столь же быстрых темпов машиностроения, угольной промыш-

ленности, электроэнергетики, и, таким образом, высокими темпами развивается все народное хозяйство страны.

Однако идея стимулирующего влияния черной металлургии на все народное хозяйство была придумана задним числом. Высокие темпы производства стали были в 1958 г. не столько экономической проблемой, сколько проблемой престижа. Количество выплавленной стали считалось наиболее важным среди других показателей «большого скачка». По тому, какими темпами развивалась черная металлургия, судили, насколько вообще удались планы «генеральной линии» и «большого скачка».

Резкое увеличение производства чугуна и стали предполагалось осуществить за счет пуска большого числа мелких местных предприятий. Эти предприятия были оснащены несложной техникой, на них в широких масштабах применялся ручной труд. Однако по первоначальному замыслу они еще не имели ничего общего с теми чугуноплавильными и сталеплавильными печами, которые наводнили Китай к концу 1958 г. Это были небольшие домны и конвертеры мощностью от нескольких тысяч тонн до нескольких десятков тысяч тонн металла в год.

Проблема обеспечения производства черных металлов сырьем также решалась с помощью развития системы мелких предприятий. В конце июня 1958 г. в городе Ханьдань состоялось совещание, созванное министерством металлургической промышленности КНР. Это совещание призвало власти провинций и уездов повсеместно создавать мелкие рудники и выдвинуло лозунг: «Упорно бороться три года и довести добычу железной руды в 1960 г. до 200 млн. т, т. е. добиться увеличения добычи в 13 раз по сравнению с 1957 г.»

Для обеспечения черной металлургии топливом в стране было создано 100 тыс. мелких шахт. В среднем на одной такой шахте работало 50—60 человек. Ежедневно добывалось по 25—30 т угля. Так как несмотря на все это угля по-прежнему не хватало, то оставался единственный выход — сокращение потребления угля в быту. Жилые помещения зимой 1958—1959 гг. отапливались очень плохо.

Особенно большие трудности в обеспечении углем предприятий черной металлургии возникли в южных районах страны, где отсутствуют крупные промышленные месторождения угля.

Проблема выпуска огнеупоров для производства черных металлов решалась чрезвычайно радикально. «Смело» сломав привычные правила, отвергнув техническую теорию специалистов капиталистических стран о «постоянной кривой температуры обжига» и создав новую теорию и новый метод обжига, завод по производству огнеупоров в Чунцине сократил время обжига шамотных кирпичей с 60—80 часов до 9—10 часов. Всем предприятиям по производству огнеупорных материалов был брошен призыв отвергнуть «теорию запада», перейти на метод чунцинцев и увеличить производство огнеупорных материалов в стране.

Впоследствии технология производства огнеупоров получила дальнейшее развитие. От сокращения сроков обжига перешли к изготовлению огнеупорного кирпича, совсем не применяя обжига. Этот способ был также разработан в Чунцине и, как сообщалось, позволял получать кирпич, «не уступающий по качеству обожженному в печи».

Так же «революционно» разрешалась проблема нехватки кокса. Здесь был взят на вооружение опыт комитета КПК одного из уездов провинции Гуйчжоу, который вынес постановление использовать вместо кокса антрацит. «Вопреки старому правилу,— сообщало агентство Синьхуа,— по которому для выплавки чугуна обязательно должен использоваться кокс, комитет КПК уезда Цзиньша, обобщив первый опыт использования антрацита при выплавке чугуна, пришел к мнению, что вполне можно применять антрацит вместо кокса».

В основе всех этих производственных «нововведений» меньше всего лежало развитие технической мысли. Для какой-либо глубокой разработки новых технических методов при лихорадочном напряжении «большого скачка» на местах не было ни времени, ни условий. Технологические «нововведения» позволяли создать видимость выполнения заданий, которые в результате общей разверстки получали районы,

совершенно не обеспеченные самыми необходимыми материалами.

Задание по выплавке стали в 1958 г. пересматривалось несколько раз. В течение года оно устанавливалось на уровне 6 млн. т, 7 млн. т, 9 млн. т и наконец 10,7 млн. т.

Цифра 10,7 млн. т стали была принята в августе на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ, где были подведены и первые итоги урожая продовольственных культур. Производство такого количества стали означало удвоение ее выплавки за один год.

Решение в Бэйдайхэ не имело под собой никакого экономического обоснования. Оно не только не соответствовало нормальным темпам развития металлургии, но даже уже набранным темпам «большого скачка». Несмотря на все усилия, предпринятые к августу 1958 г., за первые восемь месяцев производство стали выросло по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года на 31%. Из 10,7 млн. т, намеченных на 1958 г., к концу августа было выплавлено немногим более 4 млн. т. И даже эти результаты были получены путем лихорадочного ввода новых мощностей и строительства мелких предприятий.

Не было никаких обоснований того, какими экономическими потребностями страны вызвана необходимость производства именно этого количества стали, каковы возможности машиностроения, имеются ли сырьевые ресурсы, каково должно быть соотношение в различных сортах стали. Руководители страны изо всех сил торопили местные органы. «Нужно сделать так, чтобы все партийные организации не только взялись за производство чугуна и стали,— писала «Женьминь жибао»,— но и взялись очень крепко... время нам дорого».

И все же, несмотря на широкую рекламу, планы развития черной металлургии в 1958 г. оказались под угрозой срыва. Даже самые небольшие сталеплавильные цехи требовали специального оборудования. Размеры выпуска небольших конвертеров не обеспечивали в короткий срок достижения необходимых мощностей.

После совещания в Бэйдайхэ до октября 1958 г. предпринималось много различных попыток ускорить производство стали. Большинству машиностроительных заводов было приказано построить в кратчайший срок сталелитейные цехи мощностью 30—50 тыс. т в год. Ряд предпринимаемых мер носил чрезвычайный характер. К участию в кампании по производству чугуна и стали в широких масштабах были привлечены воинские части. Военно-воздушные силы перевозили грузы для металлургических предприятий, транспортировкой руды и угля было занято много судов военно-морского флота.

Однако все эти меры не давали нужных результатов. До конца года оставалось менее трех месяцев, а годовая норма была выполнена лишь наполовину. В этих условиях для спасения престижа годились все средства. Была дана команда начать выплавку стали кустарными методами. Началась самая шумная и самая бессмысленная кампания из всех кампаний, предпринимавшихся в период «большого скачка». Если при получении чугуна в «традиционных» печах часть чугуна хотя и была плохого качества, но все же могла найти себе применение, то для выплавки стали «традиционные» методы совершенно не годились.

В качестве образца был принят опыт уезда Шачэн провинции Хэнань. Как сообщалось, в этом уезде еще 200 лет назад был открыт способ выплавки стали в тиглевых печах при низких температурах. Сообщалось также, что при этом способе в качестве сырья можно использовать любой чугун, даже со значительным содержанием фосфора и серы, что обеспечивает использование чугуна, выплаваемого «традиционными» способами.

Были даны указания распространить опыт уезда Шачэн на весь Китай. С помощью мелких печей китайские руководители надеялись не только выполнить намеченное задание в 10,7 млн. т стали, но и значительно превзойти его. Расчет руководящих деятелей, как всегда, был арифметически прост. Согласно этому расчету в кратчайший срок во всем Китае должно быть построено 200 тыс. мелких сталеплавильных печей. Каждая из этих печей в среднем

в сутки должна давать 1 т стали. Тогда ежемесячно только за счет «традиционных» способов в Китае может быть выплавлено 6 млн. т. А так как кампания развернулась в октябре и до конца года осталось более двух месяцев, то цифра в конце года будет гораздо более значительной.

Но вся беда заключалась в том, что эти расчеты не были обоснованными. Даже если не сомневаться в том, что древние методы уезда Шачэн позволяли выплавлять сталь, то все равно для воспроизведения их на территории всей страны не было ни экономических, ни организационных предпосылок. В частности, известно, что в уезде Шачэн для выплавки стали применялся древесный уголь. Но для получения больших количеств древесного угля в безлесном Китае не было никаких условий.

Между тем по всей стране строились крохотные печи. Они сооружались в течение нескольких часов. И тут же немедленно начинали давать «продукцию». Бесформенные куски сплавленного кирпича, шлака и чугуна именовали «сталью», тщательно взвешивали и периодически сообщали о «достигнутых результатах». Были организованы дневные и ночные смены. Ночное зарево и движение тысяч людей было глубоко впечатляющим зрелищем. Однако за этой экзотикой стояли миллионы простых тружеников, оторванных от дел и семей, занимавшихся бессмысленным уничтожением результатов своего собственного труда.

Первым рубежом для большинства провинций была намечена цифра суточного производства 10 тыс. т стали. Провинция Хэнань, где в октябре было построено 30 тыс. мелких печей, начала выплавлять ежедневно по 20 тыс. т стали и перегнала Аньшаньский металлургический комбинат. Тайюаньский металлургический завод, крупнейшее предприятие черной металлургии в провинции Шаньси, ежесуточно выплавлял меньше стали, чем мелкие печи одного из уездов этой провинции.

Газета «Женьминь жибао» уверяла, что «применение традиционных методов выплавки стали позволяет выплавлять не только рядовую сталь, но и высококачественную сталь».

«В прошлом считали, что если содержание серы в чугуна превышает 0,05%, то уже нельзя выплавлять сталь, сейчас при содержании 0,1—0,3% выплавляется хорошая сталь... Раньше по технологии в конвертеры обязательно добавляли кремнистый чугун, сейчас, после начала массового движения, если даже и не добавляется или добавляется меньше нормы,— все равно получается хорошая сталь» — таковы были отзывы о новой технологии.

Быстро расширилось применение старых способов при выплавке чугуна. С января по июнь 1958 г. в стране было построено 11 тыс. небольших чугуноплавильных печей, в июне — июле — около 40 тыс., в августе — сразу 190 тыс. К концу августа в стране насчитывалось 240 тыс. мелких чугуноплавильных печей. После совещания в Бэйдайхэ только за 10 первых дней сентября к ним добавилось еще 110 тыс.

Удивительно, что многие из этих печей, по некоторым заявлениям, оказались даже более производительными, чем современные доменные печи. Так, на весь Китай прославилась чугуноплавильная печь, построенная в уезде Чиньцай провинции Аньхой, которая при объеме 0,5 куб. м якобы давала более 2 т чугуна, коэффициент использования объема печи составил 4 т на 1 куб. м. Другая знаменитая печь, уже большего объема — 5,9 куб. м — в рекордной плавке дала 14,6 т чугуна, или 2,5 т с 1 куб. м полезного объема печи.

«Массовое движение за развитие металлургической промышленности силами всего народа окончательно разгромило мистические взгляды в области промышленности. Без инженеров и специалистов можно выплавлять высококачественные сталь и чугун», — заявил заместитель премьера Государственного совета КНР Бо И-бо.

Несмотря на все пренебрежительное отношение к качеству стали, кампания кустарных методов не могла продолжаться слишком долго. Несостоятельность планов — с помощью мельчайших печей достигнуть многозначных цифр в производстве металла — очень скоро стала очевидной.

Печи оказались ненадежными. На них постоянно возникали аварии. На восстановление и ремонт

уходило значительно больше времени, чем на полезное использование. Даже по официальным сообщениям, из всех построенных чугуноплавильных печей работало в среднем меньше трети. Со сталеплавильными печами дело обстояло еще хуже.

Чрезвычайно высокими были затраты. Если на современных предприятиях 1 т чугуна обходилась в 70—80 юаней, то себестоимость тонны чугуна, получавшегося кустарными способами, составляла от 300 до 700 юаней. Себестоимость чугуна и стали, выплавлявшихся традиционными печами, в несколько раз превышала отпускные государственные цены. Хозяйственных руководителей призывали «считать не по малому счету, а по большому счету», однако государство разорялось.

В металлургию из других отраслей и прежде всего из сельского хозяйства было привлечено несколько десятков миллионов человек (до 70 млн.). Сельскому хозяйству наносился большой ущерб. Мобилизованные крестьяне работали в исключительно тяжелых условиях. Особенно трудно пришлось работавшим у традиционных печей с наступлением зимы. Единственное, что они могли противопоставить холоду, — это укрытия из соломенных циновок.

Разорительное начинание было прекращено сразу же, как только стало ясно, что годовое задание уже выполнено. С помощью мелких печей удалось набрать требовавшиеся миллионы тонн. Из 11 млн. т 3 млн. т было получено кустарным способом. Использование мелких печей увеличило месячное производство стали в октябре в 2,5 раза по сравнению с августом, а в ноябре — в 3,5 раза. Однако в декабре уже было выпущено стали ровно столько, сколько требовалось для завершения задания. В августе было выплавлено 0,7 млн. т стали, в сентябре — 1 млн. т, в октябре — 1,9 млн. т, в ноябре — 2,4 млн. т и в декабре — 1,3 млн. т.

О ликвидации мелких печей в печати было осторожно сказано, что они будут «укрупняться» и «объединяться в небольшие металлургические комбинаты». Бо И-бо сообщил, что из кустарной стали «в некоторых местах удалось» получить прокат и удалось сделать машины. Эти заявления звучали

разительным контрастом после совсем недавнего превознесения преимуществ малой металлургии.

Для того чтобы хоть как-то смягчить тяжелое впечатление, которое произвел по всей стране провал разорительного опыта, движению за выплавку стали начали приписывать некую исключительную роль в «закалке масс», создании «боевого духа». Получалось, что китайскому крестьянству было недостаточно ежедневного тяжелого ручного труда, недостаточно также всех начинаний «большого скачка» и потребовалось специально затратить большую долю национального дохода, чтобы еще раз «закалить» крестьянские массы.

Заверения некоторых экономистов в том, что быстрые темпы роста черной металлургии благотворно повлияют на остальные области экономики, особенно на машиностроение, также не оправдались.

Влияние роста черной металлургии на машиностроение было ограниченным прежде всего потому, что увеличение прокатных мощностей сильно отставало от роста выплавки стали. Количество и ассортимент проката не удовлетворяли нужды машиностроения. Была даже объявлена еще одна кампания — по созданию на машиностроительных заводах за счет своих собственных ресурсов, без государственных капиталовложений прокатных станов. Однако в производстве оборудования для современных прокатных станов методы «большого скачка» находили себе применение с большим трудом.

Хотя рост продукции машиностроения был в 1958—1959 гг. очень значительным, тем не менее большая часть этой продукции снова направлялась на выплавку стали и чугуна. В 1958 г. было произведено 10 тыс. комплектов оборудования для доменных печей, 3 тыс. комплектов — для мартеновских, 40 тыс. воздуходувок и т. д. Всего в 1958 г. производство металлургического оборудования увеличилось в 65 раз по сравнению с 1957 г. Образовалась и действовала замкнутая цепь: металлургия — для машиностроения, машиностроение — для металлургии, — не дававшая никакого эффекта в виде расширения других отраслей машиностроения, продукции группы «Б», жилищного строительства.

Замкнутая цепь металлургия — машиностроение — металлургия прослеживалась не только в масштабах всей страны, но и в масштабах провинций, районов и даже отдельных машиностроительных предприятий. Все крупные машиностроительные предприятия, какой бы специализацией они ни обладали, обязательно осваивали производство чугуна и стали, сами выпускали оборудование, нужное для такого производства, и обеспечивали сталелитейным и чугуноплавильным оборудованием (в ущерб своей основной продукции) ближайшие вновь построенные металлургические предприятия.

Марксистская теория воспроизводства не дает никаких теоретических аргументов, подтверждающих необходимость такого рода производства ради производства, а весь практический опыт экономического строительства свидетельствует о неэффективности такого одностороннего пути развития.

Диспропорции большого скачка усугублялись транспортным кризисом. На товарных станциях скоплялись десятки миллионов тонн различной продукции. Ни железные дороги, ни водный транспорт не справлялись с огромным потоком грузов, прежде всего руды и угля. В последние месяцы 1958 г. вывозилась только половина добытого угля и половина выплавленного чугуна.

Даже в самый разгар «большого скачка» правительственные органы были вынуждены публично признать крайне неблагоприятное положение с транспортом. Несмотря на то что были приняты различные меры (в сельских районах организованы транспортные колонны с использованием всех имеющихся местных средств, а главное — с использованием людей в качестве тягловой силы, был мобилизован транспорт учреждений, введена многосменная работа), напряженность в перевозках оставалась.

Транспортному кризису сопутствовала крайняя распыленность усилий в железнодорожном строительстве. Основные магистрали оставались одноколлежными, и к энергичному строительству на них второй колеи приступили с большим опозданием. Зато широко развернулось строительство новых дорог. В 1958 г. строились новые железнодорожные линии

общей протяженностью 6 тыс. км. В то время как наиболее важные народнохозяйственные артерии Пекин — Гуанчжоу (Кантон) и Тяньцзинь — Шанхай оставались однопутными, строилось несколько линий, имевших второстепенное значение.

Основные железнодорожные магистрали КНР были технически несовершенными и не могли поэтому эксплуатироваться на полную мощность. Техническая реконструкция старых линий была бы многократно эффективнее взятого в 1958 г. направления на увеличение протяженности железных дорог.

Курс на максимальное расширение сети железных дорог был тем более необоснованным, если учесть острую нехватку стальных рельсов.

Изменения в оплате труда

Вступив на путь внеэкономического регулирования хозяйства, административных способов решения самых сложных народнохозяйственных проблем, руководители КПК, возглавляемые Мао Цзедун, предприняли ликвидацию системы материального стимулирования трудящихся. В сельском хозяйстве отмена материального стимулирования произошла с введением коммун, а в промышленности она началась с нападков на сдельную заработную плату.

Материальное стимулирование мешало разворачиванию «большого скачка». В условиях, когда производство увеличивалось за счет перемещения миллионов людей из одних отраслей в другие, удлинения рабочего дня, интенсификации труда, материальные стимулы становились излишними. Кроме того, сохранение сдельной оплаты означало бы увеличение заработка рабочих вслед за ростом производства, а на это руководители КНР также не хотели идти.

Отмена сдельной заработной платы прежде всего преследовала чисто практические цели. Сдельная оплата противоречила основному принципу «большого скачка» — мобилизации всех имеющихся средств для ускорения темпов роста экономики. Повышение жизненного уровня трудящихся, опираю-

щееся на развитие производства, совершенно не входило в планы авторов генеральной линии.

Отмена сдельной оплаты рисовалась как величайшее благодеяние для рабочих, пользующееся их полной поддержкой. Вот как газета «Женьминь жибао» характеризовала отношение рабочих к сдельной оплате: «Очень многие рабочие, получающие сдельную заработную плату, находятся в затруднительном положении: при большой выработке получают даже слишком большую зарплату, некоторые до определенного уровня перевыполняют норму и прекращают работу, боятся, как бы не сказали, что они гонятся за деньгами».

В отношении тех, кто отстаивал целесообразность сдельной оплаты, прибегали к чрезвычайно сильным аргументам: «Есть товарищи, которые недооценивают разум и революционную сознательность рабочих, которые думают, что у рабочих есть только мелкие насущные интересы. Факты показывают, что они ошибаются. Рабочие массы совсем не таковы, как эти товарищи о них думают: получают немного меньше денег — и упадет трудовая активность. Напротив, они, с одной стороны, сами выступили за уничтожение нерационального, чрезмерно высокого вознаграждения, с другой стороны, энергично развивают производство. Они хотят как можно скорее создать условия для осуществления коммунистического принципа распределения — «каждому по потребностям»».

Хотя основная причина отмены сдельной оплаты лежала не в теоретических концепциях руководителей КПК, в которые якобы не укладывался принцип материального стимулирования, и тем более не в этических нормах, борьба со сдельной заработной платой велась и с теоретических и даже с морально-этических позиций.

На страницах партийных органов КПК появились статьи, ревизовавшие все основные принципы экономической политики в области труда и заработной платы, выработанные в ходе социалистического строительства. В этих статьях сдельная оплата объявлялась не только непригодной для настоящего и будущего, но и утверждалось, что все мероприятия, принятые в этом направлении в прошлые годы, были

ошибочными. Ссылаясь на необходимость соединения всеобщей истины марксизма-ленинизма с китайской действительностью, они отрицали пригодность материальных стимулов в условиях Китая.

Распространение в КНР сдельной оплаты труда и других методов материального стимулирования они объясняли не объективными причинами, а ошибками тех, кто «спутал себе руки и ноги теориями людей, живших давно и не знавших китайской действительности».

Организаторам «большого скачка» было очень выгодно представлять дело так, что они борются со сдельной заработной платой, как с «пережитком буржуазного права», а не потому, что сдельная оплата мешала им в реализации честолюбивых замыслов. Ими поощрялись самые демагогические аргументы. Один из инициаторов похода за ниспровержение «буржуазного права», Чжан Чунь-цяо, всячески взывал к традициям гражданской войны. «Они не думали о зарплате, а тем более о какой-то там «сдельной заработной плате»», — писал он о бойцах Народно-освободительной армии.

«Обычно на бесплатное снабжение нападают под тем основным предлогом, что оно не может стимулировать производственную активность», — писал Чжан Чунь-цяо. — А теоретическим доводом является «принцип материальной заинтересованности», на который так упирают ученые-экономисты... Если говорить до конца, несколько попроще, то это как в старой поговорке: «Деньги сделают святым». Достаточно стимулировать высокой зарплатой и, подобно тому как платишь деньги и получаешь сладости, можно купить все — и социализм и коммунизм».

Китайские теоретики отказывались видеть связь между материальным стимулированием и ростом сознательности масс. Журнал «Лаодун» писал: «Самый существенный недостаток сдельной заработной платы состоит в том, что она односторонне усиливает роль материального стимулирования, подменяет материальными стимулами идеологическую работу, вызывает в мышлении рабочих экономизм и индивидуализм, отрицательно влияет на повышение сознательности рабочих».

Проблему стимулирования производственной активности предлагалось решать «с позиций политики, идеологии и морали», а не с позиций материального стимулирования. «Иначе это значит, что не политика — командная сила, а ассигнации — командная сила!» — восклицали противники материальных стимулов. «Нельзя видеть вещи и не видеть людей, видеть деньги и не видеть людей», — писали они. Система администрирования и произвола защищалась китайскими руководителями с пафосом, достойным лучшего применения.

Ликвидация материального стимулирования, по мнению теоретиков «большого скачка», приближала установление коммунистических отношений. Отмена сдельной заработной платы попадала в число «коммунистических» мероприятий, как «расшатывающее» буржуазные принципы распределения и пролагающее дорогу коммунистическим принципам.

Наряду с теоретическим обоснованием отмены сдельной заработной платы выдвигались и некоторые практические соображения. Однако все они носили совершенно случайный характер. Так, чтобы доказать экономическую нецелесообразность сдельной заработной платы, некоторые экономисты стали утверждать, что, «стремясь заработать побольше денег», рабочие не жалеют оборудования, хищнически расходуют материалы.

Утверждалось, что общественно пассивные, отстающие в учебе, не желающие повышать свою квалификацию — это прежде всего те, кто получают сдельную заработную плату. Именно эти рабочие оказывались носителями всех буржуазных предрассудков: «У них в голове только деньги».

Для того чтобы дискредитировать в глазах рабочих методы материального стимулирования, не стеснялись использовать отсталые традиции и обычаи, оставшиеся в рабочей среде еще с дореволюционных времен. Так, в соответствии с издавна установившимися порядками, которые берут свое начало еще в феодальных формах организации промышленности, младшие по возрасту всегда должны получать меньше старших. Считалось, что возраст, стаж работы на предприятии должны учитываться прежде всего, а

объем и качество выполняемой работы имеют уже второстепенное значение. Введение сдельной заработной платы нарушило эти средневековые порядки. На некоторых предприятиях молодые активные рабочие стали зарабатывать больше, чем некоторые опытные и пожилые. Это было нарушением традиций и вызывало недовольство части консервативно настроенных рабочих. Особенно большое недовольство возникло тогда, когда бывшие ученики обгоняли своих прежних учителей. Это противоречило всем представлениям, порожденным той системой иерархии, которая существовала в феодальной промышленности.

Спекулируя на феодальных пережитках, противники материальных стимулов объявили, что сдельная заработная плата порождает антагонизм среди рабочих, нарушает единство рабочего класса. Была придумана целая система противоречий, якобы вызываемых сдельной заработной платой. Журнал «Лаодун» в октябре 1958 г. писал: «Сдельная заработная плата внесла в управление производством и в отношения внутри коллектива рабочих и служащих некоторые чрезвычайно нежелательные элементы, вызвала противоречия внутри коллектива рабочих и служащих, повлияла на их единство. Конкретно это проявилось в отношениях между руководителями и подчиненными, рабочими, получающими сдельную зарплату, и рабочими, получающими повременную зарплату, учителями и учениками... Что касается противоречий между молодыми и старыми рабочими, учителями и учениками, то здесь имели место особенно резкие противоречия».

От общей аргументации очень быстро был сделан переход к практическим действиям, и в короткий срок сдельная заработная плата в промышленности КНР была ликвидирована.

Во время первых собраний на Пекинском металлургическом заводе, посвященных сдельной заработной плате, рабочие заявляли: «Можно ввести и повременную оплату, но как это отразится на производстве». На последующих собраниях таких высказываний становилось все меньше. Наконец, после серии собраний все рабочие «прониклись» сознанием

необходимости ликвидации сдельщины и снижения зарплаты, а некоторые даже, как писал журнал «Лаодун», заявили, что 70—80 юаней, которые они до сих пор получали,—это слишком много, «нерационально».

«Многие рабочие,—сообщал журнал,—вскрывая изъяны системы сдельной заработной платы, выступили с самокритикой... Многие заявляли, что если рабочие на повременной оплате получают 40 юаней и прокармливают 4 человека, то и они могут прокормить. Конечно, по сравнению с прошлым будет несколько труднее. Рабочие составили планы семейных расходов, были созваны собрания по семейному вопросу, на них намечались планы дальнейшей жизни».

Одновременно с отменой сдельной зарплаты на страницах «Женьминь жибао» началось обсуждение наилучшей системы распределения потребительских продуктов. Большинство выступлений начиналось со ссылок на систему безденежного снабжения, существовавшую во время войны, отход от которой рассматривался как ошибочная уступка буржуазному праву.

Раздавались голоса, требовавшие упразднить не только сдельную заработную плату, но и всю систему зарплаты вообще на том основании, что и в основе повременной оплаты также лежит принцип материального стимулирования. Для начала предлагали, сократив зарплату, ввести одновременно частичное натуральное снабжение. С созданием коммун к такой системе перешли в сельском хозяйстве. Бесплатное снабжение предлагалось ввести и в промышленности.

«Что же будет после того, как мы уничтожим сдельную заработную плату? — спрашивал один из авторов в журнале «Лаодун». — Некоторые товарищи считают, что нужно ввести повременную оплату. Я не считаю это таким хорошим путем. Хотя повременная оплата порождает меньше проблем, чем сдельная, тем не менее всем известно, что сдельная оплата всего лишь превращенная форма повременной оплаты. В повременной оплате в конце концов также главную роль играют принципы: «Каждому — по труду» и «материального стимулирования». Она по-прежнему ничего не дает для того, чтобы приве-

сти массы от труда ради зарплаты к бескорыстному труду.

Я полагаю, что в соответствии со сложившимися условиями следует распространить систему «наполовину зарплата — наполовину снабжение»... Мне кажется, что преимущества этой системы состоят в том, что она значительно ослабляет роль принципа «каждому — по труду» и укрепляет элементы коммунистического принципа «каждому — по потребностям», способствует повышению коммунистической сознательности народных масс, разрушает буржуазный индивидуализм, приближает переход к коммунизму — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Осуществить эту систему на государственных предприятиях со всенародной собственностью на средства производства не составляет никакой проблемы».

Призывая к сознательности и ссылаясь на бескорыстие бойцов революции, сторонники системы бесплатного снабжения на самом деле защищали уже установившуюся в китайской деревне изощренную систему изъятия всех доходов сверх установленного стандартного уровня в целях мобилизации этих средств для поддержания «большого скачка» и подготавливали почву для распространения этой системы в промышленности. Только провал «большого скачка» помешал осуществить эти планы.

Людские ресурсы — главный объект экспериментов

В июне 1958 г. газета «Женьминь жибао» писала: «Нынешний большой рост нашей промышленности не только стимулируется развитием сельского хозяйства, но и объясняется тем, что наша промышленность располагается еще ближе, чем в прошлом, к деревням, к крестьянам, и даже тем, что крестьяне принимают непосредственное участие в развитии промышленности, выделяя для нее свои средства и вкладывая в нее свой труд. Одновременное развитие промышленности центрального подчинения и промышленности местного подчинения, а также одновременное развитие как крупных, так и мелких и

средних предприятий, как это предусматривается генеральной линией социалистического строительства, в значительной степени направлено на то, чтобы мобилизовать активность крестьянских масс в развитии социалистической промышленности. Когда активность крестьян будет мобилизована, они смогут сами непосредственно, накапливая средства, материальные и людские силы, сверхвысокими темпами и самыми экономными способами создавать различные заводы и фабрики, шахты и рудники, необходимые для сельского хозяйства. С весны этого года во многих уездах нашей страны строятся заводы удобрений, угольные шахты, электростанции, заводы по производству сельскохозяйственных орудий и машин, а немало уездов начали выплавлять чугун, сталь, медь и добывать нефть. В отдельных же уездах собственными силами даже выпущены рельсы и паровозы, построены железные дороги. Наряду с этим непрерывно появляются различные фабрики и заводы легкой промышленности. Строительство промышленности идет не только в уездах, но и в волостях и кооперативах. Промышленность создается при незначительной государственной помощи или вообще без каких-либо государственных ассигнований. Нужно учесть и то, что в настоящее время неиссякаемые потенциальные силы крестьян в развитии промышленности на селе только еще начали давать о себе знать».

Расширяя мелкую местную промышленность, осуществляя капитальное строительство крупных промышленных объектов и ирригационных систем, руководители народного хозяйства КНР с каждым месяцем «большого скачка» перебрасывали все новые миллионы людей из сельскохозяйственного производства в другие области экономики. При этом меньше всего ставился вопрос: существуют ли на данном этапе в сельском хозяйстве возможности для выделения такого количества рабочей силы, готово ли народное хозяйство для такого внезапного массового перераспределения трудовых ресурсов? Возможности сельского хозяйства безграничны — такова была точка зрения китайских руководителей. Их не интересовало, какие объективные предпо-

сылки существовали для такого рода экспериментов.

Перераспределение трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность — объективный процесс, идущий параллельно индустриализации. Его интенсивность зависит от того, в какой степени рабочая сила, выбывающая из сельского хозяйства, возмещается машинами и механизмами, созданными в промышленности. Процесс механизации сельского хозяйства — обратная сторона изменения пропорций между трудовыми ресурсами города и деревни, промышленности и сельского хозяйства. Экономический опыт СССР может быть примером того, как прилив сельского населения в промышленность сопровождается поставками сельскому хозяйству тракторов, комбайнов и другой техники. Сокращение рабочей силы в сельском хозяйстве при сохранении кустарной техники и низкого уровня производительности труда неизбежно должно отразиться на состоянии сельского хозяйства и количестве производимого продовольствия. Иначе ни о каком подъеме производительных сил в сельском хозяйстве, обеспечивающем товарным продовольствием новое пополнение в промышленности и строительстве, не может идти и речи.

Авторы новой генеральной линии пренебрегли этими объективными требованиями взаимодействия промышленности и сельского хозяйства. Для того чтобы выполнить взятые обязательства, не хватало материальных средств, оборудования. Существовал единственный выход — компенсировать все это дополнительной рабочей силой. За один только год на государственных промышленных предприятиях, в строительных компаниях, на транспорте, куда не входили мелкие предприятия кооперативов и волостей, численность рабочей силы увеличилась почти в 2 раза. В 1957 г. численность государственных рабочих и служащих составляла 24 млн., а в 1958 г. она составила 45 млн. человек. Если же взять отдельно промышленность, то там рабочая сила увеличивалась еще более быстрыми темпами. В 1957 г. на государственных промышленных предприятиях работало 7 млн. человек. За несколько лет народной власти

численность рабочих и служащих в промышленности более чем удвоилась по сравнению с 3 млн. в 1949 г. Однако в 1958 г. в государственной промышленности работало уже 23 млн. человек. За один год произошло более чем трехкратное увеличение численности работающих. За тот же год в 2 раза увеличилось число рабочих и служащих в государственном капитальном строительстве. В полтора раза выросло количество работников государственного транспорта. Вслед за ростом численности рабочих и служащих вырос фонд заработной платы. Потребовалось огромное увеличение количества товарного зерна и другой потребительской продукции сельского хозяйства. Продовольственный баланс более развитых и обеспеченных стран не смог бы выдержать такого напора. Тем более это относилось к Китаю, где продовольственный баланс был очень напряженным, где существовала строгая карточная система, распространявшаяся не только на город, но и на деревню. Трудность положения усугублялась заблуждениями в отношении действительных размеров урожая.

В восстановительный период и на протяжении первой пятилетки, вплоть до 1957 г., численность рабочих и служащих увеличивалась в среднем на 1,3 млн. человек в год. Когда в 1956 г. существовавшая равномерность роста численности рабочих и служащих была нарушена и произошло увеличение сразу на 2,5 млн. человек, возникли большие диспропорции, серьезные нарушения снабжения городского населения. В 1958 г. произошло резкое увеличение рабочих и служащих, сразу более чем на 20 млн. человек, и как следствие этого возросли масштабы затруднений в обеспечении населения продовольствием. Хотя рост фонда зарплаты был меньшим, чем рост занятых, так как во многих отраслях снизился средний заработок, тем не менее он значительно превышал имеющиеся товарные ресурсы. За короткий срок, уже к концу 1958 г., полки магазинов опустели, ухудшилось питание в столовых, сократились выдачи риса и пшеницы.

Увеличение выпуска продукции за счет набора дополнительной рабочей силы означало снижение производительности труда. Производительность

труда снизилась в целом по государственной промышленности, но особенно резко она упала в районах с большим удельным весом уездной промышленности. В таких провинциях, как Шаньдун, Хубэй, Сычуань, Юньнань, Цинхай, производительность труда в 1958 г. упала более чем на 20 %, а в провинциях Аньхой, Гуанси, Хэнань, Фуцзянь, Гуйчжоу — более чем на 30 %. Особенно значительно производительность труда снизилась в последние месяцы 1958 г., когда выполнение годовых заданий находилось под угрозой и приток рабочей силы для обеспечения этого выполнения возрос особенно резко. Из 20 млн. человек прироста численности рабочих и служащих на государственных предприятиях в 1958 г. 13 млн. приходится на IV квартал. Только путем такого форсированного набора рабочей силы удалось выполнить годовой план. В IV квартале была произведена значительная часть всей годовой продукции, особенно в черной металлургии и отраслях добывающей промышленности.

Перераспределение рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность не ограничивалось набором на государственные предприятия. Огромное количество рабочей силы было брошено на создание совсем мелких предприятий, которые не входили в систему государственной промышленности. Большая часть занятых на этих предприятиях работала по системе «и рабочий, и крестьянин», в зависимости от того, что в тот или иной момент считалось более актуальным. В период отдельных кампаний из сельскохозяйственного производства в промышленное производство переключалось до 60—70 млн. человек, как это было во время массовой кампании по выплавке стали. (Напомним, что всего трудоспособных в сельском хозяйстве КНР в 1958 г. было 210 млн. человек.) Даже если не принимать во внимание такого рода массовых кампаний, то и в этом случае доля работников сельского хозяйства, направленных к концу 1958 — началу 1959 г. в промышленное производство, составит по большинству районов 20—25 % общей численности занятых в сельском хозяйстве.

Транспортные затруднения также пытались разрешить за счет деревенской рабочей силы. В Китае

издревле существуют тщательно отработанные способы использования людей в качестве тягловой силы. И если после 1949 г. перевозка тяжестей людьми стала постепенно сокращаться, то «большой скачок» возродил все самые древние способы использования людей как тягло и в самых огромных масштабах. На дорогах Китая можно было увидеть бесконечные вереницы двухколесных телег. «Коренной» в оглоблях и «пристяжные» тянут, а несколько человек толкают сзади. Нередко среди этих людей можно было видеть женщин. Так перевозились руда, уголь, лес и другие основные грузы.

Дефицит рабочей силы, возникший в сельском хозяйстве в результате неоправданно большой переброски рабочей силы из этой отрасли в промышленность и транспорт, обострялся сосредоточением рабочей силы в самом сельском хозяйстве на ирригационном строительстве и глубоком рыхлении, что не позволяло в сроки и качественно выполнять все остальные виды сельскохозяйственных работ.

Отвлечение рабочей силы из сельскохозяйственного производства в гидротехническое строительство было огромным. Если в 1956 г. доля трудовых затрат в ирригационном строительстве в общем объеме затрат труда в сельском хозяйстве составляла около 6 %, а в 1957 г., когда наблюдался подъем в сооружении различных водохозяйственных объектов, — 17 %, то в 1958 г., по оценкам китайских экономистов, она достигла 30 %.

Работы по строительству каналов и водохранилищ, развернувшиеся зимой, не прекращались и с началом сельскохозяйственного сезона. «Обычно, когда наступает страдная пора весеннего сева, — сообщала китайская пресса, — строительство ирригационных сооружений, как правило, постепенно прекращается. В 1958 г. благодаря правильной организации сельскохозяйственных работ подъем строительства ирригационных сооружений все еще продолжается. Одновременно с развертыванием во всех деревнях страны широкой подготовки и проведения весенней пахоты на ирригационных стройках все еще ежедневно работают 70—80 млн. человек».

Низкое качество ирригационного строительства

при огромных его масштабах было главной причиной того, что с началом сельскохозяйственного года оно не прекращалось и по-прежнему требовало больших затрат труда. Так как за внешне значительными цифрами увеличения площади орошаемых земель были большей частью ненадежные плотины, небольшие каналы, канавы, пруды — сооружения временного типа, на местах были вынуждены постоянно возобновлять работы, чтобы построенные объекты функционировали.

Особенно увеличились ирригационные работы после того, как был выдвинут лозунг заменить мелкие ирригационные сооружения средними.

Широкий фронт ирригационного строительства, несмотря на зафиксированные цифры «уже орошаемых» земель, постоянно требовал все увеличивающегося количества рабочих. Выполнение программы перехода от мелких ирригационных сооружений к средним, а от средних к крупным уже само по себе, помимо других начинаний, гарантировало постоянный дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве и даже рост этого дефицита.

Особенно большие усилия приходилось прикладывать для поддержания нормального состояния дамб, плотин и других сооружений, построенных ускоренными методами в сезон дождей. Во многих районах в период дождей на каждые 500 м дамб приходилось более 300 человек, которые следили за их состоянием и занимались восстановительными работами.

Глубокое рыхление было вторым основным звеном в планах преобразования сельского хозяйства. Ради глубокого рыхления затягивались сроки посева, прекращались все другие виды сельскохозяйственных работ. Глубокое рыхление проводилось в основном на полях, занятых зерновыми культурами. Поэтому каждая кампания по глубокому рыхлению была связана с особенно большим ущербом для овощеводства, животноводства и других отраслей, из которых большая часть рабочей силы направлялась на полевые работы.

Особенно большое количество рабочей силы было брошено на глубокое рыхление осенью 1958 г. Чтобы вручную перекопать огромные площади на два

штыка лопаты, требовалось колоссальное количество людей — десятки миллионов человек. Только в трех провинциях — Хэбэй, Хэнань и Шаньдун, где сосредоточены основные посевы озимой пшеницы, — глубоким рыхлением было занято 32 млн. человек. Если при этом учесть, что кампания за глубокое рыхление совпала с самым ожесточенным периодом «борьбы за сталь», то становится понятно, почему все остальные виды сельскохозяйственных работ осенью 1958 г. были запущены.

Китайская пресса с упоением писала о глубоком рыхлении. Вот, например, отрывок из информации о ходе кампании в провинции Шаньдун: «Сейчас на полях провинции Шаньдун глазам открывается величественная панорама — поля усеяны многочисленными палатками, в которых живут крестьяне, обрабатывающие поля, временными магазинами и мастерскими по ремонту сельскохозяйственного инвентаря. Повсюду группы крестьян мотыгами и лопатами перекапывают землю на глубину 0,65 м и больше. Ночью на огромной площади шаньдунских равнин светятся миллионы огоньков — это крестьяне, спеша опередить заморозки, перекапывают землю посменно круглые сутки».

Переброска рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, нерациональное распределение рабочей силы в самом сельском хозяйстве создали серьезные трудности в развитии сельскохозяйственного производства. Итоги осеннего сезона 1958 г. свидетельствовали об огромных потерях. На полях было оставлено большое количество овощей. Уже убранные овощи гнивали на обочинах дорог только потому, что не было людей для их транспортировки. Наконец, не были подготовлены помещения для хранения сельскохозяйственной продукции. На Севере Китая сооружение временных земляных хранилищ, которые запахиваются весной, — одна из самых трудоемких работ, которая начинается сразу после сбора осеннего урожая. Везде, где проводилось глубокое рыхление полей под озимые, временных земляных хранилищ сооружалось в несколько раз меньше, чем обычно. Особенно пострадали районы, специализировавшиеся не на зерновых культурах, батате или

хлопке, а на так называемых второстепенных продуктах питания, не входивших в число показателей, по которым было намечено достигнуть рекордных результатов.

С другой стороны, даже большая масса рабочей силы, брошенная в промышленность, не обеспечивала без предварительных накоплений и без роста производительности труда намеченных темпов. Если показатели 1958 г., даже при всем напряжении и жертвах, по существу, не были выполнены, то выплавить 18 млн. т стали в 1959 г. тем более оказалось невозможным.

В этих условиях в начале 1959 г. китайское правительство было вынуждено публично признать, что возникла острая нехватка рабочей силы, что программа, намеченная по одним лишь основным показателям промышленного и сельскохозяйственного производства, требует значительно больших трудовых затрат, чем это возможно. Были даны специальные указания провинциям ограничить переброску рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, а в ряде случаев сократить местное промышленное производство.

Однако принципиального пересмотра политики использования трудовых ресурсов не было. В сельском хозяйстве не хватало рабочей силы, чтобы обеспечить обычные масштабы производства, а в планах на 1959 г. намечалось собрать 525 млн. т зерна. Основным путем достижения такого урожая по-прежнему были интенсивные затраты труда на ирригации и глубоком рыхлении.

Те, кто все дальше заводил экономику КНР в тупик, не хотели признать, что для проведенного перераспределения трудовых ресурсов не было никаких предпосылок, что затраты простой, неквалифицированной рабочей силы не могут решить всех проблем народного хозяйства — необходимы повышение производительности труда, механизация сельскохозяйственного производства. Вместо этого они объявили, что нехватка рабочей силы — «хорошее дело», что, не меняя основных установок, в рамках прежнего курса, ее можно ликвидировать, стоит лишь использовать «скрытые резервы».

«Резервы», на которые предполагали опереться руководители китайской экономики, явно не соответствовали масштабам диспропорций. Имелось в виду в максимальной степени привлечь к производству женщин, занятых в домашнем хозяйстве, учащихся высших и средних учебных заведений, работников учреждений. Помимо того, что вовлечение в производство этих «резервов труда» не разрешало ни одной из возникших проблем, оно добавляло к ним еще ряд новых.

Вовлечение женщин в производство само по себе прогрессивное явление. Но оно возможно только тогда, когда для этого имеются необходимые материальные предпосылки.

Недостаточное участие китайских женщин в общественном производстве имело свои объективные причины. Дело здесь не только в том, что семьи в Китае очень многодетны, а детских садов и яслей чрезвычайно мало. В еще большей степени сказывается крайне слабое развитие самых начальных форм переработки сельскохозяйственных продуктов и совершенно недостаточное обеспечение деревенского населения городскими промышленными товарами. В китайской деревне в семье до сих пор выполняется множество видов работ, которые в высокоиндустриальных и даже в некоторых слабоиндустриальных странах выполняются промышленностью. Китайские женщины кроме того, что готовят пищу, стирают белье, смотрят за детьми, еще мелют зерно, готовят хлеб, шьют почти всю одежду и делают обувь. До сих пор в китайской деревне можно увидеть картину: женщина ходит по кругу и толкает каменный каток. Так мелется зерно. Много времени отнимает изготовление тряпичной обуви, подошва которой прошивается бечевкой, и другие работы.

Совершенно очевидно, что раскрепощение женщины в китайской деревне — это очень трудная задача. Чтобы действительно раскрепостить женщину, мало объявить, что все женщины отныне должны выходить на работу. И это не только вопрос развития сети общественного питания и детских учреждений. Это прежде всего вопрос развития ряда отраслей легкой и пищевой промышленности: мукомольной,

швейной, обувной и т. д. Для подлинного освобождения женщин необходимо создать промышленную базу, организовать переработку сельскохозяйственной продукции, наладить снабжение деревни промышленными товарами.

Осуществить все это в течение нескольких месяцев было невозможно, поэтому вовлечение китайских женщин в общественное производство в 1958—1959 гг. не могло быть полным и эффективным. Кроме того, к концу 1958—началу 1959 г., т. е. к тому моменту, когда проблема рабочей силы обострилась в максимальной степени и когда поэтому было принято решение в качестве одной из основных мер мобилизовать неработающих женщин, резервы в использовании женского труда уже были в значительной степени исчерпаны.

Еще до «большого скачка» значительная часть деревенских женщин более или менее регулярно участвовала в производстве. В разных районах от 50 до 80 % женщин выходило на полевые работы, особенно в наиболее напряженные периоды. $\frac{1}{3}$ постоянно не работавших женщин — это главным образом те, у которых маленькие дети.

С началом «большого скачка», весной 1958 г., мужская рабочая сила деревни была настолько разбросана, что на женщин уже тогда приходилась значительная часть сельскохозяйственных работ. В провинции Хэнань, например, за 80 % посевов пшеницы ухаживали женщины.

Во время ирригационной кампании, проходившей зимой и весной 1957—1958 гг., женскими бригадами было построено 880 тыс. объектов. Одну треть всех водохозяйственных работ выполнили женщины.

Мобилизация всех женщин, еще не вовлеченных в производство, не изменила нарушенного равновесия в распределении трудовых ресурсов.

Трудности с рабочей силой вызвали значительное сокращение занятий в школах, не было сколько-нибудь регулярных занятий в вузах, нарушилось нормальное функционирование государственных учреждений, исследовательских институтов. Все было брошено на то, чтобы заткнуть многочисленные бреши на различных участках производства.

Некоторые китайские экономисты совершенно серьезно занимались подсчетами, сколько трудовых единиц можно будет получить от привлечения к производству детей. Большие надежды возлагались на школьников начальных классов. В подсчетах исходили из того, что школьники начальных классов могут работать на производстве и прежде всего в сельском хозяйстве до пяти месяцев в году. В отдельных районах за счет школьников предполагалось покрыть до $\frac{1}{4}$ потребности сельского хозяйства в рабочей силе.

Значительное сокращение и даже полное прекращение занятий в школах и вузах оправдывались необходимостью овладения практическими знаниями. Тот калейдоскоп различных кампаний в школах, вузах, административных учреждениях, когда сбор полезных растений сменялся выплавкой стали, потом все окрестное население участвовало в глубоком рыхлении, затем создавало предприятия по обжигу кирпича,—эта поспешная смена самых различных занятий, самое приблизительное овладение многочисленными профессиями были выдвинуты в качестве основного принципа всей системы образования. Оказалось, что это метание из одной стороны в другую имеет глубокий смысл и является даже началом «коммунистического, всестороннего развития личности».

Учащихся и женщин дополняли миллионы работников государственных учреждений, направленных на трудовую закалку в деревню. Хотя основная масса работников учреждений и учащихся были привлечены к физическому труду во второй половине 1958 г., однако их участие выразилось в значительной цифре — 12 млн. годовых работников лишь на один 1958 г.

В течение нескольких месяцев десятки миллионов человек были переброшены из сельского хозяйства в промышленность, из деревни в город и одновременно встречным потоком миллионы людей направлялись в сельское хозяйство. Хаотическое состояние в распределении труда теоретики «большого скачка» оценивали как «мероприятия по ликвидации различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом», как «ростки коммунизма». Ничего

не говорилось о том, что эти «ростки коммунизма» выросли на ошибках экономической политики.

Помимо поисков дополнительных резервов рабочей силы другим направлением разрешения трудностей в этой области была «техническая революция». Под «технической революцией» имелось в виду совершенствование кустарных методов производства, реконструкция ручных орудий, изобретение и внедрение нового «высокопроизводительного» инвентаря. Особенно энергично пропаганда «технической революции» началась тогда, когда стало ясно, что новые контингенты рабочей силы не спасают положения, что нужно искать какой-то другой выход или возвращаться назад. Все надежды были возложены на совершенствование ручных орудий.

Сама идея «технической революции» на базе кустарных методов, результаты которой в высвобождении рабочей силы и выпуске продукции должны были в короткий срок превзойти все, что могло быть достигнуто только с помощью современной техники, была крайне утопической. «Техническая революция» явилась последним звеном в тех лихорадочных поисках средств, с помощью которых Мао Цзэ-дун и его окружение надеялись осуществить планы «генеральной линии».

Провозгласив «техническую революцию», руководители китайской экономики все еще убеждали себя и пытались убедить других, что и без современной техники все же возможно быстрое развитие промышленности и сельского хозяйства. Последовали рапорты с мест о тысячах и миллионах усовершенствованных орудий, о новых изобретениях и их высокой эффективности. В деревнях создавались специальные бригады из плотников и кузнецов. Они должны были реализовывать новые изобретения, изготавливать экономящие труд орудия и приспособления.

Китайский народ проявил в этой кампании много выдумки и изобретательности. В нормальных условиях многие из приспособлений, придуманных китайскими крестьянами, могли быть полезно использованы. Однако и они никак не могли выполнить роль того самого «спасительного средства», которая им отводилась.

В то же время в число пропагандировавшихся мероприятий «технической революции» входило много чрезвычайно сомнительных новшеств. Многие из самых простых усовершенствований увеличивали, по сообщениям китайской прессы, производительность труда в 5, 10 и даже в 20 раз, приближались по своей эффективности к машинной технике и производили «переворот» в своей области. Но в конце концов все они бесследно исчезали.

Такого рода «высокопроизводительные» ручные приспособления делались для многих целей: для различных полевых работ, транспортировки, ирригации. Много писали о приспособлении для посадки риса, созданном крестьянами провинции Гуандун, облегчающем труд и значительно повышающем его производительность. Сообщалось также, что крестьяне провинции Хэнань сконструировали ручную машину, позволяющую повысить производительность труда при уборке пшеницы в 14—19 раз. Крестьяне одной из провинций создали приспособление для транспортировки земли, заменяющее труд 30 человек, и т. д.

С большим размахом в Пекине была организована выставка усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Выставка была призвана убедить всех, что и без оснащения машинами, без значительных государственных капиталовложений сельское хозяйство в состоянии в больших масштабах увеличить производительность труда и выделить новые миллионы рабочих рук в промышленность и строительство.

На выставке была показана сеялка из дерева, которая «работает так же хорошо, как и любая новая стальная сеялка, хотя стоит она намного дешевле». Экспонировались различные водоподъемники, сконструированные «при незначительной затрате средств» на основе велосипедов, пожарных помп, старых хлопкоочистителей и старых телег. Отмечалось, что особыми преимуществами обладает подъемник, сооруженный на основе старого хлопкоочистителя, так как «человек, крутящий педали водоподъемника, может одновременно читать книги, заниматься учебой».

На выставке были также представлены многочисленные механизмы для транспортировки земли —

повозки, транспортеры, приводимые в действие вручную, дороги с бамбуковыми рельсами. Если бы надежность этих механизмов соответствовала их экзотичности, то проблему повышения производительности труда в сельском хозяйстве КНР можно было бы считать решенной.

Одним из самых популярных изобретений «технической революции» был плуг, приводимый в движение лебедкой. Все устройство состояло из ворота, соединявшегося с плугом с помощью системы тросов и блоков. Основным источником энергии была по-прежнему человеческая сила. Изобретению лебедочного плуга придавалось исключительно большое значение. В Нанкине было созвано Всекитайское совещание по внедрению лебедочных плугов. На совещании было принято решение начать по всей стране массовое движение за освоение лебедочных плугов. В течение первого же месяца было намечено выпустить до 600 тыс. таких плугов. Один из руководителей сельского хозяйства КНР, Тань Чжэнь-линь, отмечал, что изобретение новых плугов «имеет большое значение в деле ускорения социалистического строительства и постепенного перехода к коммунизму».

Предполагалось, что лебедочный плуг будет использован на глубоком рыхлении, при этом будет получена значительная экономия рабочей силы по сравнению с рыхлением лопатой. Однако, несмотря на все усилия, новый плуг, как и множество других изобретений «большого скачка», не прижился. Он оказался непрактичным устройством, громоздким и неудобным.

Важнейшим мероприятием «технической революции» было повсеместное внедрение подшипников. Их изготовлением занимались тысячи местных заводов, ремонтных мастерских, сельских кузниц. Оснащение подшипниками водяных колес, повозок, сельскохозяйственных орудий должно было сэкономить рабочую силу и прежде всего разрешить транспортную проблему в сельском хозяйстве. Однако без тракторов и автомобилей, с помощью одних лишь подшипников наладить бесперебойную работу транспорта оказалось невозможным.

Наряду с планами «технической революции» разрабатывались проекты ускоренной электрификации сельского хозяйства, которая была также призвана компенсировать сокращение численности рабочей силы. В задачи «первоначальной» электрификации деревни входило создание в кратчайшие сроки сети мельчайших гидроэлектростанций с годовым производством в 37—45 млрд. кВт-ч электроэнергии, что более чем в 2 раза превышало количество электроэнергии, произведенное в Китае в 1957 г. Это количество электроэнергии рассматривалось как эквивалентное труду 120—140 млн. человек. Даже в результате первоначальной электрификации сельского хозяйства, согласно этим проектам, могло быть высвобождено 50 % занятой в нем рабочей силы.

На самом же деле утроенный рост производства электроэнергии в стране в кратчайшие сроки, за счет только одних мельчайших гидроэлектростанций с деревянными турбинами был еще одним утопическим и нереальным планом. Однако даже его выполнение все равно не позволило бы высвободить то количество рабочей силы, о котором говорили китайские экономисты, так как кроме источников энергии необходимы машины и механизмы, которые эта энергия должна приводить в действие. А их не имелось.

Было намечено множество других мероприятий, направленных на ликвидацию дефицита рабочей силы. Однако они не дали желаемого эффекта.

«Техническая революция» и другие кампании не решили основных проблем, однако надежды, возлагавшиеся на них, оправдывали политику распыления трудовых ресурсов деревни. Тратились новые средства, обнажались новые участки строительства. Все это только усугубляло трудности.

Уже первые результаты мобилизации рабочей силы в промышленность и капитальное строительство показали, что сельское хозяйство разоряется, а продовольствия не хватает. Намеченные же «генеральной линией» цифры требовали еще большего количества труда и материальных ресурсов. Полная несостоятельность курса — с помощью одного лишь огромного населения совершить экономический скачок — стала очевидной.

3. НАРОДНЫЕ КОММУНЫ

Организация в китайской деревне народных коммун была кульминационной точкой «большого скачка». По своим масштабам, методам ведения хозяйства, экономическому положению трудящихся коммуны в корне отличались от прежних кооперативов. На территории 740 тыс. кооперативов было создано 26 тыс. коммун, которые по земельной площади и количеству рабочей силы в 20—30 раз превосходили сельскохозяйственные кооперативы.

Народные коммуны в отличие от сельскохозяйственных кооперативов стали управляться непосредственно государственной администрацией. Административные органы волости становились одновременно руководящими органами коммуны. Внутри коммуны были ликвидированы трудодни, отменены приусадебные участки. Были проведены мероприятия по обобществлению быта. Члены коммуны стали бесплатно питаться в общественных столовых. Осуществлялась военизация труда. Был взят курс на максимальное обеспечение коммуной себя всем необходимым.

Вокруг организации и распространения коммун китайские руководители создавали таинственный, почти мистический ореол. Народная коммуна представлялась ими как некое откровение, величайшее социальное открытие, всеми корнями уходящее в самые истоки китайской революции.

«В 1958 г. на широком горизонте Восточной Азии, подобно восходящему солнцу, появилась новая социальная организация — крупная народная коммуна в деревнях нашей страны, в которой увязаны друг

с другом промышленность, сельское хозяйство, торговля, просвещение и военное дело и которая слита в одно целое с органами власти. С момента своего появления народная коммуна благодаря своей мощной жизненной силе сразу же привлекла к себе широкое внимание людей... Возникновение народной коммуны не является случайным... народная коммуна представляет собой продукт экономического и политического развития нашей страны» — так говорилось в решении VI пленума ЦК КПК.

На самом деле создание коммун не несло в себе никакого положительного начала. В коммунах было зафиксировано и оформлено то разрушение сельскохозяйственных производственных кооперативов как самостоятельных экономических единиц, которое произошло в ходе «большого скачка».

Уничтожение самостоятельности кооперативов, начавшееся с «большим скачком», особенно усилилось в конце лета 1958 г., когда первые просчеты уже начали давать о себе знать: обострилась нехватка рабочей силы, временная система ирригационных сооружений, созданная накануне, оказалась ненадежной. Осуществление курса на строительство ирригационных комплексов «средних масштабов» вызвало новую серию принудительных мер в отношении сельского населения.

Среднемасштабное строительство велось целой волостью. Мобилизовывались крестьяне всех окрестных кооперативов. Интересам отдельных кооперативов не придавалось никакого значения. Новый период в ирригационном строительстве совпал также с реализацией планов создания в деревне промышленных предприятий. Вся хозяйственная власть перешла к администрации волости. Практически кооперативы перестали существовать. Их упразднили, так как остатки экономической самостоятельности кооперативов мешали созданию больших трудовых отрядов. Крестьяне не хотели покидать семьи и уходить на многие месяцы на строительство каналов, железных дорог, предприятий. От работы на стороне крестьяне получали не только значительно меньше, чем за такой же труд рабочие государственных организаций, но и меньше, чем в кооперативе. В луч-

шем случае собранные из разных мест крестьяне обеспечивались питанием, а в кооперативах, откуда они были набраны, им начислялось определенное количество трудодней. Однако чаще крестьяне, уходя на стройки, брали с собой продовольствие, орудие, тягловый скот. Естественно, что руководители кооперативов не были заинтересованы в том, чтобы обеспечивать новые объекты средствами, отсылать туда наиболее крепких мужчин и при этом еще начислять им трудодни. «Часть членов кооперативов не желали работать на стороне, а кадровые работники из-за местных побуждений не хотели выделять рабочую силу, боялись, что это отразится на росте сельскохозяйственного производства», — писали о причинах возникновения коммун авторы отчета по обследованию уезда Аньго провинции Хэбэй¹. И это ближе к истине, чем содержание многих официальных документов.

Все препятствия на пути мобилизации рабочих рук отпали, когда многотысячное население целых районов стало подчиняться руководству центральных органов коммун, далекому от текущих нужд сельскохозяйственного производства и от широких масс членов кооперативов. Происшедшая бюрократизация управления сельским хозяйством полностью соответствовала методам «линии масс». Уничтожение кооперативов открывало простор для любого произвола в сельском хозяйстве.

Итоги ряда лет кооперативного движения и длительных усилий по экономическому укреплению кооперативов в течение нескольких месяцев были сведены на нет. С созданием коммун были не только упразднены производственные кооперативы, но и система экономических связей кооперативов друг

---

¹ «Отчет об обследовании коммуны Аньго», на который будут ссылки и ниже, был составлен преподавателями и студентами Китайского народного университета и выпущен университетским издательством в начале 1959 г. В отчете наряду с прославлением коммун содержалось много фактических данных. Подобные обследования проводились по инициативе тех кругов в партийных верхах, которые были встревожены создавшимся положением и стремились получить объективную информацию.

с другом и с государством. Ликвидировались снабженческо-сбытовые, кредитные и кустарно-промысловые кооперативы.

Созданные на их месте коммуны уже не имели экономической самостоятельности. Они не пользовались даже теми правами, которыми пользовались государственные хозрасчетные предприятия. Людскими, материальными и денежными ресурсами коммун-волостей целиком распоряжались уездные власти. Объем средств, выделявшихся коммунами на все экономические мероприятия, проводившиеся в масштабах уездов, не регламентировался. Чтобы как-то оправдать такие порядки, было объявлено, что все коммуны одного уезда составляют федерацию коммун, а в некоторых местах весь уезд — одна коммуна. Образование федераций коммун и коммун-уездов особенно наглядно свидетельствовало о том, что основная цель организации коммун — в создании эффективной системы для быстрой мобилизации всех видов ресурсов в сельском хозяйстве и замене для этого системы управления, основанной на экономических принципах, управлением исключительно с помощью приказов и распоряжений.

Вместе с тем окончательное упразднение границ между кооперативами столкнулось с большим недовольством низовых звеньев партийных и государственных работников. Характер питания в столовых коммун в большой степени зависел от достатка кооперативов, вошедших в эти коммуны. В связи с этим основные разногласия между руководящими работниками провинций и уездов и партийными и хозяйственными руководителями кооперативов возникали по поводу объединения кооперативов с различным уровнем потребления и доходов. Такие разногласия наблюдались повсюду и были везде осуждены как «местничество» и «проявление пережитков капитализма».

Вот, например, что писала газета «Аньхой жибао» о создании коммуны «Цзянхуай» вблизи города Хэ-фэя: «Когда пришло предложение создать народные коммуны, массы громко и горячо его приветствовали. Из всех кооперативов поступали «книги просьб» и «книги решений». Однако, когда дело дошло до того,

как создавать коммуны, возникли противоречия. С одной стороны, большинство членов кооперативов и кадровых работников выражали надежду, что в связи с обстановкой в ирригационном строительстве и потребностями развития производства будут объединены семь сельскохозяйственных кооперативов, которые и создадут народную коммуну. С другой стороны, небольшое число рядовых членов и кадровых работников кооперативов со сравнительно большими общественными накоплениями — Чжугуан, Ингуан, Гуанмин, Цзянхуай и других — проявили местнические настроения. Они не хотели объединяться с кооперативами Дацзин и Цзяотун, в которых общественные накопления сравнительно небольшие».

«Аньхой жибао» сообщала далее, что для разрешения возникших противоречий вскоре была проведена кампания по «коммунистическому воспитанию», после которой произошло успешное объединение всех кооперативов. «Коммунистическое воспитание» предшествовало организации коммун в большинстве районов страны.

Отмена приусадебных участков, обобществление скота, находившегося в личном пользовании инвентаря проходили под лозунгом «ликвидации частнособственнических хвостов». Однако было очевидно, что ликвидация приусадебных участков происходит совсем не ради абстрактных принципов. Ликвидация приусадебного хозяйства целиком соответствовала логике всех других мероприятий, проводившихся при создании коммун. Если организация коммун преследовала цель разорвать связи крестьян с кооперативным хозяйством, создать обстановку, когда они, невзирая на ущерб для сельскохозяйственного производства, в любой момент могут быть переброшены на любой участок, где начиналась очередная массовая кампания, то тем более было нежелательным занятие приусадебным хозяйством.

Приусадебные участки в условиях китайского малоземелья были крайне невелики — меньше одной сотой гектара. Однако использовались они очень интенсивно. В некоторых кооперативах часть земли, выделенной в личное пользование, обрабатывалась сообща членами одной и той же бригады. Суще-

ствовали своеобразные кооперативы внутри кооперативов.

С отменой приусадебного хозяйства жизненным условиям сельского населения был нанесен большой ущерб. Поступления от личного хозяйства, по данным обследования отдельных районов провинции Хэбэй, составляли величину, равную половине доходов от кооперативного хозяйства, а в некоторых случаях приближались к этим доходам.

Обобществление свиноводства — основной отрасли продуктивного животноводства в Китае — нанесло огромный ущерб сельскому хозяйству. Как показывали все обследования коммун, в первые же месяцы после обобществления в большинстве коммун наблюдался огромный падеж свиней. В ряде мест пала треть поголовья и более. Сократилось количество удобрений.

В собственность коммун поступали не только средства производства, но и дома, строения, запасы продовольствия. После создания коммун овощи с личных огородов уже не принадлежали их прежним владельцам, а поступали в общественную столовую.

Обобществление домов выражалось в том, что после переписи и оценки часть построек выделялась для нужд коммун, производилось уплотнение и т. д.

В наиболее зажиточных кооперативах при объединении имущества крестьян были сделаны попытки выплатить им деньги в качестве компенсации. Эти попытки пресекались в корне. В тех коммунах, где были обнаружены подобные явления, руководители, допустившие ошибки, подвергались публичному осуждению на массовых собраниях. Они обвинялись в эгоизме, местничестве, разбазаривании общественных фондов. В печати появилось много статей, в которых осуждались подобные тенденции отдельных руководителей кооперативов и партийных работников.

Ликвидация приусадебного хозяйства и обобществление запасов, скота, инвентаря явились дополнительным источником средств для ирригационного строительства и развития мелкой промышленности. Наряду с этим прекратились выплаты членам кооперативов за внесенные в кооперативы средства произ-

водства сверх установленного паевого взноса, которые производились согласно Уставу кооператива высшего типа. Наконец, не были произведены выплаты по начисленным в 1958 г. трудодням. Было объявлено, что доходы, полученные в результате урожая 1958 г., распределяться не будут. Эти доходы, объясняли крестьянам, им просто не нужны, так как у них теперь есть бесплатная столовая, а также будут производиться ежемесячные денежные выдачи, хотя очень небольшие, но достаточные для мелких нужд. Последнее известие было воспринято крестьянами тяжелее, чем все остальное, связанное с коммунами. Даже отмена приусадебных участков не вызывала у них таких нареканий, как лишение результатов их собственного труда.

Судьба доходов 1958 г. стала темой многочисленных собраний, на которых крестьянам объясняли, что в настоящее время необходимо увеличить накопления, нужно подождать, наступит черед и роста личных доходов. Ведь членам коммуны гарантировано питание. Что же им еще надо?..

Так как эти объяснения плохо воспринимались большинством крестьян, вопрос о доходах 1958 г. был включен в программу кампании по «коммунистическому воспитанию», проводившейся одновременно с организацией коммун.

Между тем из коммун поступали сообщения, что капиталовложения возросли по сравнению с 1957 г. «в несколько раз», «более чем в десять раз» и т. п. Нераспределенные доходы крестьян были основным финансовым источником этих капиталовложений.

Бесплатные столовые, с одной стороны, позволили направить в производство всю сумму нераспределенных доходов, с другой — существенно ограничили объем текущего потребления. На питание по единому стандартному уровню затрачивалось значительно меньше средств, чем на дифференцированную оплату в соответствии с заработанными трудоднями.

Только очень многолюдные семьи, состоявшие в основном из детей и нетрудоспособных, устраивало общее питание в столовой. Не случайно большая часть одобрительных отзывов о системе бесплатного

питания исходила от малотрудоспособных, больных, вдов и т. д. Несомненно, проблема этой группы сельского населения должна была решиться, и пути ее решения наметились в рамках кооперативов высшего типа: различного рода коллективные фонды, фонды помощи престарелым и т. д.

В общей оценке итогов коммунизации некоторое временное улучшение жизни беднейших слоев населения никак не оправдывает повсеместного ухудшения жизненных условий основной массы крестьян и сведение их к уровню самых бедных слоев. Последующие события привели к общему снижению жизненного уровня для всех слоев сельского населения.

Идеологи коммун подчеркивали, что система бесплатного питания, установленная в деревне в 1958 г., принципиально отличается от бесплатного питания на опорных базах периода антияпонской войны. Они утверждали, что прежде бесплатное снабжение осуществлялось при нехватке продовольствия, а теперь — при его изобилии. Однако в действительности такого принципиального различия не существовало. Даже снабжение качественными хлебопродуктами в пределах общей нормы, отпускавшейся на душу населения, было ограниченным. Мясо, растительное масло, сахар выдавались в крайне незначительных количествах.

Свою хлебную норму крестьяне получали в столовых по талонам. Взрослые ежедневно — 500 г., дети — 250 г. В деревнях провинции Хэбэй из 32 цзиней хлеба, приходящихся ежемесячно на работающего члена коммуны, 8 цзиней падало на рис, 8 цзиней — на пшеницу и 16 цзиней — на кукурузу.

В первое время в некоторых коммунах выдача хлеба превышала государственные нормы. Больше, чем того позволяли ресурсы, стали выдачи качественного продовольствия — риса и пшеницы. Эти явления, наряду с другими, отрицательно повлияли на продовольственный баланс страны. Однако в коммунах очень быстро почувствовали ограниченность резервов.

Наряду с бесплатным питанием крестьянам были обещаны незначительные денежные выдачи, которые

именовались «зарплатой». За их счет крестьяне должны были удовлетворять все другие нужды, помимо питания: в одежде, предметах гигиены, этими же деньгами должно было оплачиваться лечение и т. д. «Зарплата» устанавливалась дифференцированно, в зависимости от нескольких факторов. Приводим их в том порядке, в каком они приводились в соответствующих инструкциях: политическая сознательность, отношение к труду, квалификация, физические данные. Указывалось, что желательным соотношением в расходах на бесплатное питание и «зарплату» является 50 : 50. Однако в коммунах денежные выдачи были определены в размерах значительно меньших, чем расходы на питание. Более того, во многих коммунах вообще не было денег для личных нужд рядовых членов и денежные выдачи затягивались на неопределенное время.

Создавая бесплатные столовые, руководители экономики КНР не только сразу получали в руки большие средства для дальнейшего расширения «большого скачка», но и надеялись улучшить баланс трудовых ресурсов с помощью «высвобожденного из домашнего хозяйства» женского труда.

Пытаясь возместить участием женщин в производстве отлив рабочей силы из сельского хозяйства, организаторы коммун пошли даже на то, что выступили с нападками на семью. Высказывались заявления, что семья как общественная единица устарела и буквально в течение месяцев должна быть заменена «коллективным бытом».

В первые же дни организации коммун один из видных работников агитпропа ЦК КПК, Ху Шэн, в статье «Коллективизация, социализация домашнего труда» приводил следующие аргументы в пользу разрушения семьи: «Если мы хотим разрушить традиционные семьи, то необходимо понять, что такое разрушение коренным образом отличается от разрушения семей капитализмом».

Одновременно с коллективизацией быта проводились мероприятия по военизации жизни в коммуне. Созданное вместе с коммунами «народное ополчение» было объявлено военной организацией, трудовой организацией, организацией в области просвещения и

даже спортивной организацией. Как писал журнал «Хунци», военизация означает, что крестьяне должны «действовать быстрее, дисциплинированнее и эффективнее, с тем чтобы свободно, в широких масштабах управлять рабочей силой, подобно тому как это делают рабочие на заводах и солдаты в воинских частях».

Народное ополчение должно было по замыслу составить костяк всей трудовой организации. В него входили наиболее здоровые мужчины и молодые девушки. Ополчение разбивалось на взводы, роты, батальоны и т. д. Некоторым даже выдавали оружие, проводились военные занятия. На работу выходили строем, действовали по команде. На ополчение должно было равняться все население.

Военизация труда на производстве способствовала утверждению методов администрирования, принуждения, очковтирательства. Даже в такой коммуне, как Аньго, которая находилась под наблюдением центральных властей, после введения военных порядков кадровые работники не давали провинившимся еды, надевали на них и не разрешали снимать белые колпаки, а женщинам даже надевали повязки с надписью: «Ленивая баба».

Вот как описывается стиль работы кадровых работников коммуны в материалах обследования уезда Аньго провинции Хэбэй:

«Среди кадровых работников очень распространены методы очковтирательства. Особенно серьезными были преувеличения объема производства в ложных сведениях относительно урожая 1958 г. В прошлом году, чтобы коммуна победила в соревновании и получила красное знамя, урожай чрезвычайно преувеличивался, преувеличивался даже в несколько раз. Например, в октябре сбор с одного му был объявлен в 4035 цзиней, в ноябре эту цифру снизили до 3600 цзиней, в декабре снова снизили до 1850 цзиней. В действительности же было еще меньше.

Методы очковтирательства проявляются не только в подаче ложных сведений и огромном преувеличении объема урожая, но и в других сторонах работы. Очень часто, встречая приезжающее для проверки

руководство, кадровые работники создают показную обстановку, стремятся преувеличить успехи. Например, когда руководство требовало, чтобы в столовых работали только женщины, кадровые работники во время проверочного посещения руководителей посылали женщин временно заменить мужчин-поваров. Или, например, руководство требовало, чтобы в 1958 г. более чем у 90% членов коммуны доходы превысили уровень 1957 г.¹ Тогда кадровые работники намеренно занизили размеры доходов крестьян в 1957 г. от приусадебного хозяйства и подсобных промыслов. Обманывали и во многих других вещах. Например, в каждой деревне везде повесили вывески: «Дом для престарелых», «Партийная школа», «Медицинская консультация» и т. д. Однако за этими вывесками ничего нет. Самая серьезная проблема заключается в том, что этот показной стиль стал нормой для кадровых работников. Не только нет людей, которые бы его критиковали. Наоборот, он используется как нормальный метод работы. Вплоть до того, что кадровые работники открыто критикуют членов коммуны, которые говорят правду. Например, при проверке столовой в деревне Хачжуан проверявший спросил у одного из членов коммуны, что они едят. Тот ответил: «Капустный суп». В итоге не получили красного знамени. Кадровые работники были очень недовольны. Перед общим собранием деревни секретарь партийной организации Чжао Гэнь-хо критиковал этого человека за отсутствие гибкости. При этом он сказал: «Хотя неправду говорить нехорошо, однако в некоторых случаях стоит говорить неправду».

После создания коммун кадровые работники не участвуют в производстве... Одна из причин этого в том, что их работа стала более трудной, однако главное состоит в том, что после коммунизации отменены трудодни. Кадровые работники не участвуют в физическом труде, однако получают всю зарплату. Это не отражается на их доходах.

---

¹ В 1958 г. после сообщения о небывалом урожае было также официально объявлено, что более 90% крестьян повысили свои доходы.

Кадровые работники недостаточно заботятся о жизни масс... Например, очень долго не могли решить вопрос с обеденным залом для столовой. Было указано разукрупнить большие столовые, чтобы всем было недалеко ходить. Для каждой столовой было установлено число питающихся в 100 человек. Однако в столовой деревни Наньлю до сих пор обедает 300. Крестьянам это очень неудобно, особенно старикам и детям. Питание однообразно, за исключением улучшений в тех случаях, когда приезжает начальство, все время один капустный суп».

И коллективизация быта, и военизация производства оказались неэффективными. Первая же крупная сельскохозяйственная кампания в коммунах — посев озимой пшеницы была проведена значительно хуже, чем во все предшествующие годы. Сроки посева были нарушены. «Глубокое рыхление» затягивалось. Обстановка становилась все более нервной и лихорадочной. Рыхление велось ударными методами. Такие методы применялись на больших земельных массивах. Несколько бригад выстраивались в длинную цепочку и одновременно начинали копать землю — какая бригада быстрее. Каждый отстающий был виден — цепочка прогибалась, и ему приходилось из последних сил догонять остальных. Впереди бегали бригадиры и торопили: «Быстрее, быстрее, нас обгоняют!» Далеко не всем было под силу участвовать в подобном необычном способе возделывания земли под озимые.

Но рабочей силы не хватало, нормы были высокими, даже при описанных «боевых действиях» дневные задания не выполнялись. Тогда те же самые люди работали ночью, а утром, не выспавшись, снова выходили на работу.

Сев был закончен поздно, проведен поспешно, с множеством огрехов. Однако было объявлено, что в 1959 г. снова следует ожидать небывалого урожая. Повсюду на местах цифры соответствовали общегосударственным планам увеличения производства зерновых в 1959 г. до 525 млн. т.

Чтобы показать отношение крестьян к этим планам, приведем высказывание крестьянина деревни Сигу уезда Аньго Ху Сяо-ли, которое содержится в

материалах обследования уезда Аньго: «Кадровые работники говорят, что в будущем году мы получим урожай в 5 тыс. цзиней с му (в среднем в этом районе урожай прежде составлял 150—250 цзиней с му.— Ю. Я.). Этого не может быть, даже в лучшем случае урожай не превысит 200 цзиней. Раньше зеленыя — каждое растение в 8 листиков, рукой не выдернешь. Зимой можно было выпускать скот. Сейчас — по два листика. Если выпустить скотину, все будет повыдергано». Другой крестьянин, Цюе Ло-мин, объяснял это тем, что при глубоком рыхлении испортили землю, изъяли из личных хозяйств свиней и не стало удобрений.

Крестьяне хорошо понимали, что несоответствие между планами и реальной действительностью идет от того очковтирательства, которое имело место в отношении урожая 1958 г.: «Хлеба собрано мало, однако объявлено, что много. В этом году собрано по 150 цзиней с му, однако объявлено, что по 450, теперь задание на будущее увеличивается».

Огромные размеры коммун препятствовали эффективному ведению хозяйства. Руководящие органы коммун не могли одновременно управлять всеми участками производства. Часто их указания шли вразрез с местными условиями. Упомянутый выше крестьянин Цюе Ло-мин из деревни Сигу говорил по этому поводу: «Сейчас все устанавливается сверху, ничего нельзя посеять из того, что нужно. Руководство не разбирается в наших условиях. У нас земля всегда была очень неважной, однако теперь на этой земле велят сеять и хлопок, и бобы, и коноплю. Бобы и конопля не удались, хлопок тоже дал плохой урожай».

Хотя конкретное руководство в коммунах было на чрезвычайно низком уровне, зато не было недостатка во всевозможных общих указаниях и призывах. Вот, например, перечень основных пунктов соревнования между отдельными подразделениями, утвержденный руководством одной из коммун: «Кто более передовой, у кого больше выходов на работу, у кого выше энтузиазм, кто работает эффективнее, чья работа больше отвечает принятым нормам, кто лучше экономит труд, кто лучше экономит деньги,

у кого крепче единство, у кого больше изобретательности, кто больше любит Родину, кто больше любит коммуны, кто больше учится, кто лучше следует указаниям начальства». Такого рода насыщенных, однако далеко не конкретных программ было совсем недостаточно, чтобы ввести производство в коммунах в организованное русло.

Хозяйство коммун подрывало во многом то, что крестьяне потеряли заинтересованность в производстве. Несмотря на все разговоры об энтузиазме, общее питание в столовых, не зависящее от того, кто сколько и как работает, плохо действовало на настроение. «После организации коммуны неважно, хорошо ли ты работаешь, плохо ли ты работаешь, все равно у тебя есть еда. Раньше каждый заботился о производстве, теперь этого нет» — так говорил один из жителей деревни Наньмо уезда Аньго, Хо Гоу-дань.

Неблагоприятно отражалась на хозяйстве коммун навязанная им система «самоснабжения». Руководители экономики КНР решили использовать коммуны для дальнейшего ограничения государственных поставок сельскому хозяйству. В соответствии с идеей самоснабжения создававшиеся в коммунах мелкие промышленные предприятия должны были заменить своей продукцией товары, выпускавшиеся прежде для сельского хозяйства государственными предприятиями.

Очевидно, что кустарные мастерские коммун могли взять на себя лишь незначительную часть тех функций, которые выполняет в отношении сельского хозяйства промышленность. Развитие сельского хозяйства при увеличении доли самоснабжения и сокращении доли промышленных поставок — утопия, противоречащая всему имеющемуся историческому опыту.

Расширение самоснабжения существенно сократило торговлю и денежное обращение в сельской местности. Как свидетельствуют данные по отдельным коммунам провинции Хэнань, 40—50% продуктов, поступавших прежде в порядке товарооборота, стали производиться внутри самих коммун.

Сокращение товарооборота и денежного обращения произошло также в результате уничтожения

внутридеревенского рынка (рынки в городах были закрыты еще раньше). На этом рынке прежде продавали некоторые продукты приусадебных хозяйств: фрукты, овощи, яйца, семена, а также скот и инвентарь. С отменой приусадебных участков и вовлечением в коммуны всех мелких торговцев и единоличных кустарей деревенский рынок в основном исчез. Там же, где он еще оставался, цены на овощи, фрукты, яйца резко подскочили.

Очень сильно сказалось на торговле решение государства о невыдаче крестьянам доходов, причитавшихся им по трудодням. На руках у крестьян не было денег. Нерегулярные денежные выплаты в коммуне были очень небольшими.

Товарооборот между коммунами и государством в основном разворачивался в том направлении, чтобы обеспечить капитальное строительство в коммунах теми материалами и оборудованием, которые не могли быть получены в порядке самоснабжения.

В соответствии с идеей самоснабжения распределение ресурсов зерна после создания коммун оказалось сильно децентрализованным. Это противоречило прежней практике. Если раньше снабжение государственных служащих в сельской местности и государственныхстроек, государственного транспорта (корм рабочего скота) и др. происходило за счет государственных централизованных фондов, то теперь эти нужды удовлетворялись непосредственно коммунами.

Все продукты пищевой промышленности, на производство которых расходовалось зерно, стали выпускаться только в коммунах. Была поставлена задача полностью исключить зерно из торгового оборота. Однако на новых, поспешно созданных предприятиях не хватало оборудования и складских помещений. Неоткуда было взять квалифицированных специалистов. Переработка зерна на этих предприятиях была сопряжена с большими потерями.

Ориентация на местные ресурсы, сильно преувеличенные в официальных сообщениях, вызвала в некоторых районах кратковременное увеличение норм выдачи зерна, о чем говорилось выше. Как ни кратковременны были такие увеличения, они несомненно

нанесли большой ущерб продовольственным резервам страны. Так, в провинции Хэнань в 1957 г. было произведено 13 млн. т зерновых, а в 1958 г. было объявлено, что урожай составил 35—40 млн. т. В среднем на душу населения в 1958 г. в провинции Хэнань, согласно сводкам, было произведено 750 кг зерна. В этих условиях нормы выдачи на человека в год были определены в размере 250 кг, тогда как в 1957 г. 250 кг были лишь показателем среднего производства на душу по провинции.

Создание народных коммун вызвало серьезный упадок традиционных китайских ремесел. Ремесленное производство в Китае охватывает огромный круг различных товаров как хозяйственного назначения, так и бытового обихода. Особенно большую роль ремесло играет в производстве корзин, веревок, бамбуковых шляп, металлической утвари, мелкого инвентаря. Крупной отраслью является производство угольных шариков для топлива.

До создания коммун многие из ремесленников были рассредоточены по отдельным сельскохозяйственным бригадам, прежде всего плотники и кузнецы. Другие объединялись в небольшие специализированные кооперативы.

С организацией коммун капитальное строительство, производство стали, добыча руды и угля, производство сельскохозяйственных машин типа рисо-рассадочной машины поглотили всех, кто владел каким-нибудь ремеслом. В деревне стало некому выполнять обычные кузнечные работы, мелкий ремонт. Очень резко сократилось производство всех традиционных продуктов кустарного промысла.

Даже после завершения «большого скачка» лишь часть (по некоторым обследованиям 35—40%) ремесленников вернулась к своему делу. Часть ремесел в прежних масштабах и прежнем ассортименте так и не возродилась.

Мао Цзэ-дун и его окружение пытались представить организацию коммун как создание первых общественных коммунистических форм в стране, как начало перехода к коммунизму, который, как они предсказывали, произойдет в Китае значительно раньше, чем это до сих пор предполагалось.

В решениях ЦК КПК о создании в деревне народных коммун говорилось: «Судя по всему, осуществление коммунизма в нашей стране не является каким-то далеким делом, мы должны активно использовать организационную форму народной коммуны, чтобы нащупывать конкретные пути перехода к коммунизму».

«Народная коммуна,— писала «Женьминь жибао»,— это такая организационная форма, которая в наибольшей степени соответствует ускорению социалистического строительства в нашей стране и переходу к коммунизму, она, в соответствии с тем как предсказывали социалисты-утописты, а также Маркс, Энгельс и Ленин, превратится в основную ячейку будущего коммунистического общества».

Очень настойчиво пропагандировалась идея о «коммунистических тенденциях китайских крестьян». «Женьминь жибао» писала: «Быстрое распространение среди крестьянских масс народных коммун объясняется не только экономическими причинами. Энтузиазм, проявленный массами крестьян по отношению к народным коммунам, прежде всего говорит об огромном повышении социалистической и коммунистической сознательности широких крестьянских масс».

Все стороны организации и ведения хозяйства в народных коммунах, каждое нововведение находили себе соответствующее теоретическое обоснование.

Объединение всех кооперативов и предприятий волости под руководством волостных органов нашло теоретическое оформление в виде тезиса о слиянии двух видов социалистической собственности в единую общенародную собственность. «Разрушение границы между двумя видами социалистической собственности» служило одним из главных доказательств появления в китайском обществе «ростков коммунизма». Кроме того, объединение административных органов волости с руководящими органами коммуны рассматривалось как одно из проявлений коммунистического отмирания государства.

Разнообразная хозяйственная и другая деятельность коммуны также относилась к числу коммунистических явлений. «Соединение промышленности,

сельского хозяйства, торговли, просвещения, военного ополчения не только ускорило ведущееся сейчас социалистическое строительство, но и является выдающимся элементом коммунизма», — писала газета «Женьминь жибао».

Военизированная организация, «боевые действия» и коллективизация быта были представлены как создание коммунистических условий производства и быта. В число основных признаков, определявших «коммунистические условия жизни», вошли столовые, «дома счастья» для престарелых, детсады. Особенно подчеркивалось большое значение «освобождения от узких рамок семейной жизни».

Переброску миллионов крестьян на строительство промышленных объектов теоретики коммун пытались представить как процесс уничтожения различий между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, так же как отправку интеллигенции в деревню пытались представить как начало стирания граней между умственным и физическим трудом.

В качестве одного из важнейших проявлений коммунистических отношений рассматривалась система бесплатного снабжения в народных коммунах. «Женьминь жибао» писала: «Система бесплатного снабжения, конечно, еще не достигла в своем осуществлении принципа «каждому по потребностям», однако она полностью разорвала границы правового принципа «каждому по труду»... Она уже относится к сфере коммунистических отношений, является ростком коммунизма». Так как теоретически бесплатное снабжение должно было сочетаться с денежными выплатами, то дальнейшее расширение сферы действия принципа «каждому по потребностям» видели в увеличении роли бесплатного снабжения и снижении доли денежных поступлений. Однако практически в коммунах не было денег для личных нужд ее членов. Денежные выдачи в большинстве коммун задерживались на неопределенное время. Действительность даже внешне не совпадала с теоретическими схемами.

Предположения о конкретных сроках перехода к коммунизму были различными. Но все сходились в

одном: это должно произойти в течение ближайших нескольких лет. Однако многие местные руководители не хотели откладывать «переход к коммунизму» на какой бы то ни было даже самый короткий срок. Коммуны и уезды составляли «индивидуальные» планы перехода к коммунизму. На местах недавно организованные народные коммуны начали преобразовываться в «коммунистические народные коммуны».

Вот, например, как было сформулировано решение об этом дальнейшем шаге в преобразовании деревни в указаниях партийного комитета уезда Цзуньхуа провинции Хэбэй «О превращении всего уезда в коммунистическую коммуну»: «Необходимо все народные коммуны уезда, в которых до сих пор осуществлялся принцип «от каждого по способностям, каждому по труду», превратить в коммуну, где будет осуществляться принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям». При этом необходимо провести полное обобществление всех средств производства, обрубить все частнособственнические хвосты — уничтожить частное для утверждения общественного. Изменение в системе распределения и в собственности на средства производства означает изменение сущности народной коммуны, и поэтому мы называем ее коммунистической коммуной».

Организаторов коммунистической коммуны не очень смущало отсутствие некоторых условий, необходимых для перехода к коммунизму. «Выдвинутый нами принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям», — говорилось в указаниях партийного комитета уезда Цзуньхуа, — подразумевает потребности, ограниченные определенными пределами, которые соответствуют сегодняшнему производственному уровню и ряду других условий. Нельзя требовать всего, чего захочется». Таким образом решалась проблема создания материальных предпосылок коммунизма, карточная система превращалась в элемент коммунистических отношений.

Еще более просто решался вопрос о коммунистической сознательности. В тех же указаниях сообщалось, что каждый, кто трижды нарушит трудовую

дисциплину, будет препровожден в исправительную колонию.

Распространение представлений о том, что с народными коммунами наступил коммунизм, в огромной степени дискредитировало идеи социалистического и коммунистического строительства в глазах миллионов крестьян. В упоминавшемся обследовании уезда Аньго приводится следующее высказывание крестьян: «Раньше думали: придет коммунизм — будут многоэтажные дома, электрический свет, телефон, будешь есть пшеничный хлеб и пить молоко. Сейчас — большая коммуна, пришел коммунизм, а каждый день едим капустный суп. Какой же это коммунизм!».

Идеи «местного коммунизма» не были изобретением низовых партийных работников или искажением идей теоретического руководства. Хотя впоследствии партийные верхи обвинили рядовых работников в неправильных, слишком упрощенных представлениях о коммунизме, совершенно очевидно, что основные авторы необоснованных проектов находились именно там.

Кампания организации народных коммун, охватившая все сельское хозяйство, по существу, не затронула город. Это и понятно: создание городских коммун ничего не могло добавить к усилению темпов «большого скачка». Однако создавшееся положение, когда китайский рабочий класс не принимал никакого участия в «самом передовом движении современности», затрудняло пропаганду народных коммун, лишний раз обнаруживало непоследовательность теоретических построений авторов новой генеральной линии. Возникший разрыв между городом и деревней в создании коммун лишний раз демонстрировал всему миру, что это движение не носило характера глубокого социального преобразования, а было целиком подчинено нуждам «большого скачка».

Но отсутствие коммун в городах внешне делало все движение неполноценным. В сентябре 1958 г. Дэн Сяо-пин, отмечая успехи коммун в деревне, указывал, что «городам не полагается оставаться позади». Далее он заявил, что, «поскольку нет опыта

создания коммун в городе, следует проводить разнообразные эксперименты».

В конце 1958 г. были начаты эксперименты в отдельных городах. В городе Лицюань провинции Шаньси был проведен один из первых опытов по созданию городских коммун. В этом городе жилые кварталы были распределены между отдельными заводами, шахтами, мастерскими, учреждениями. Рабочие и служащие со своими семьями переселились из прежних мест жительства на новые места. Здесь же разместились партийные, профсоюзные и другие организации предприятий и учреждений. Все жители стали питаться в общественных столовых.

Подобные эксперименты показали, что создание городских коммун является громоздким и дорогостоящим делом. Чтобы организовать коммуны как единые производственные и территориальные единицы и объединить на отдельной территории всех рабочих каждого предприятия, требовалось провести массовое переселение жителей городов. От организации городских коммун в 1958—1959 гг. руководители КПК были вынуждены отказаться.

Во время проводившихся опытов в городах распространились слухи о скорой организации коммун. Эти слухи вызвали настоящую панику. Жители продавали мебель, изымали из сберкасс деньги. Эта паника была настолько большой, что городские власти были вынуждены принять специальные меры. Городские жители боялись коммуны. И это отражало действительные настроения всего населения Китая.

4. ИТОГИ «БОЛЬШОГО СКАЧКА»

Одна за другой массовые кампании «большого скачка» оказывались несостоятельными. Провалом окончились эксперименты в черной металлургии. Выполнение программы развития промышленности и строительства не соответствовало имевшимся сырьевым ресурсам и лишало сельское хозяйство большого количества рабочей силы. Организация коммун не облегчила, а еще более усложнила обстановку.

Одновременно с возникшими диспропорциями из месяца в месяц происходило снижение жизненного уровня населения. Увеличение потребности в товарном продовольствии, нерациональное расходование его в коммунах, уничтожение приусадебных участков привели к повсеместной нехватке основных продуктов питания. По приблизительным расчетам, только на увеличение норм высева на глубоко взрыхленных землях было израсходовано 2 млн. т пшеницы. Особенно не хватало высококачественного зерна — риса и пшеницы. Еще хуже, чем с зерном, после создания коммун стало с овощами, мясом, рыбой, яйцами.

Хотя в 1958 г. было объявлено, что более 90% крестьян повысили свои доходы, на самом деле и в этом году и в последующие годы происходило неуклонное снижение жизненного уровня крестьян.

Не лучше дело обстояло и в городах. В 1958 г. средняя заработная плата снизилась на 15%. Особенно пострадали рабочие, получавшие прежде сдельную заработную плату. Однако падение уровня заработной платы не отражало полностью действительного снижения доходов, так как основные продукты

выдавались по карточкам, а карточное снабжение ухудшилось, увеличилось число нормируемых продуктов.

К 1959 г. накопилось уже вполне достаточное количество фактов, чтобы продемонстрировать ошибочность курса массовых движений, мелких предприятий истроек, ставки на многомиллионное население в обход технической реконструкции народного хозяйства. Однако Мао Цзэ-дун и его последователи с поразительным упорством отстаивали принятый курс. Они пытались улучшить его, внося частичные коррективы, но в корне пресекали какие бы то ни было посягательства на основные принципы новой генеральной линии.

Уже в начале 1959 г. руководители экономики были вынуждены пойти на смягчение некоторых крайних проявлений «большого скачка». Так, если раньше всемерно поощрялась любая местная инициатива, независимо от того как она координировалась с усилиями на остальных участках хозяйства, то теперь был выдвинут лозунг: «Вся страна — единая шахматная доска». Сущность этого лозунга состояла в том, что наряду с инициативой мест необходимо и централизованное руководство. Однако идея единого плана утверждалась крайне нерешительно, с многочисленными оговорками.

Несколько по-иному, чем раньше, стали истолковывать курс «идти на двух ногах», т. е. развивать и крупную, и мелкую промышленность. Очень сдержанно признавалось, что не все мелкие предприятия оправдали себя, что нельзя забывать и про современные технологические способы. Наконец, было отмечено, что «нельзя под предлогом отказа от слепой веры отрицать научную истину».

Авторы новой генеральной линии хотели быстро отмежеваться от всего абсурдного, противоречащего элементарному здравому смыслу, что принес с собой «большой скачок». Однако главное — фантастические производственные задания, замена всего многообразия экономической жизни несколькими, все подчинившими себе кампаниями — не было осуждено ими, словно это не имело отношения ко всем более частным моментам. Огромные цифры плановых

заданий на 1959 г. свидетельствовали о том, что, по существу, от политики «большого скачка» не сделано ни шагу назад.

Даже в тех случаях, когда руководители китайской экономики были вынуждены признать неоправданность отказа от некоторых экономических рычагов ведения хозяйства, все равно, оставляя в силе нововведения «большого скачка», они не могли обеспечить сколько-нибудь значительного расширения сферы действия этих рычагов. Так, например, уже в начале 1959 г. стало ясно, что без помощи материального стимулирования в сельском хозяйстве обойтись нельзя. Было признано, что нужно повысить роль оплаты по труду. Однако сделать что-либо реальное в этом направлении, сохраняя коммуны в их первоначальном виде — с бесплатным питанием и отсутствием прав у отдельных хозяйств, вошедших в коммуну, — было невозможно.

В решениях декабрьского (1958 г.) пленума ЦК КПК, специально посвященного коммунам, осуждались различные утопические представления о немедленном переходе к коммунизму. Но корень зла — политика, направленная на ликвидацию экономических рычагов и установление административных методов руководства в сельском хозяйстве, не была осуждена.

В решениях снова подтверждалась отмена приусадебных участков и подчеркивалось значение коммун в привлечении ресурсов деревни для индустриализации. Напоминалось, что народные коммуны должны быть тем, чем они задуманы были быть с самого начала, — системой мобилизации местных средств и трудовых ресурсов, а не объектом дорогостоящих экспериментов чрезмерно увлекшихся местных руководителей. Существо политики народных коммун после решений декабрьского пленума не изменилось.

Между тем нереальность планов «большого скачка» становилась все более очевидной.

Во второй половине 1959 г. было объявлено, что «из-за отсутствия опыта в деле предварительного подсчета такого богатого урожая сельскохозяйственных культур статистические органы в большинстве

случаев переоценили его». После того как цифра урожая на 1958 г. была определена не в 375 млн. т, а в 250 млн. т, были также пересмотрены планы урожая в 1959 г. В апреле 1959 г. на сессии Всекитайского собрания народных представителей еще называлось плановое задание в 525 млн. т. В августе на VIII пленуме ЦК КПК уже было объявлено, что будет собрано лишь 270 млн. т.

Не лучше обстояло дело и со вторым центральным показателем «большого скачка» — производством стали. Если еще в декабре 1958 г. речь шла о том, что в 1959 г. Китай должен перегнать по выплавке стали Западную Германию, произвести 25 млн. т или даже около 30 млн. т стали, и при этом дискутировался вопрос, считать Западную Германию с Саарской областью или без нее, то после подведения итогов выплавки стали в мелких печах вопрос о соревновании с Западной Германией был оставлен. Была выдвинута цифра в 18 млн. т, а в августе 1959 г. она была снижена до 12 млн. т.

Несмотря на то что надежды на сказочно быстрое расширение экономического потенциала рушились, по-прежнему делалась ставка на несколько кампаний, якобы решавших судьбу экономики: производство стали, глубокое рыхление, местную ирригацию. При использовании всех имевшихся возможностей форсировались темпы выплавки стали. В 1958 г. на современных предприятиях было произведено 8 млн. т стали, в 1959 г. — 13 млн. т, в 1960 г. — 18 млн. т. Конечно, эти цифры были далеки от тех, на которые рассчитывали, провозглашая новую генеральную линию, но ежегодное увеличение выплавки стали в полтора и даже более раз не соответствовало ресурсам страны. Выплавка стали увеличивалась в ущерб другим областям экономики. Используя созданные в лихорадочном напряжении в 1958 и 1959 гг. мощности по выплавке чугуна и стали и продолжая широкое капитальное строительство, активные сторонники генеральной линии старались поддерживать темпы, достойные «большого скачка». В 1958—1960 гг., главным образом за счет отраслей, связанных с черной металлургией, среднегодовые темпы роста промышленного производства, по сведениям

китайской статистики, составили более 40%. Делалось все, чтобы доказать, что «большой скачок» продолжается.

Однако чем упорнее вдохновители нового экономического курса не хотели взглянуть правде в лицо и отказывались предпринять какие-либо изменения, тем все более необратимыми становились диспропорции во всех областях экономики, грозя вылиться в тяжелый хозяйственный кризис. Увеличение производства стали происходило на неустойчивой сырьевой базе, в значительной доле состоявшей из множества мелких предприятий в угольной, железорудной промышленности и производстве чугуна. Высокие темпы роста промышленного производства поддерживались за счет огромного увеличения численности промышленных рабочих, обеспечение которых продовольствием было недостаточным и все более ухудшалось в связи с трудностями, вызванными политикой «большого скачка» и народных коммун.

В августе 1959 г. на Лушаньском пленуме ЦК КПК группа видных деятелей партии во главе с членом Политбюро и заместителем премьера Государственного совета Пын Дэ-хуаем выступила против разорительной политики «большого скачка» и народных коммун. Мао Цзэ-дуну удалось подавить оппозицию. Осенью 1959 г. по всей стране велось преследование противников принятого экономического курса — «правых консерваторов». Уже тогда многие работники партии не принимали и осуждали деятельность Мао Цзэ-дуна.

Общий спад в производстве начался с сельского хозяйства. В 1960 г. производство продовольственных культур (по некоторым оценкам, так как официальные данные уже не публиковались) резко снизилось — до 150—160 млн. т. Это был уровень, который мог прокормить население, существовавшее несколько лет назад, но не население 1960 г.

В Китае резкое сокращение сельскохозяйственного производства объясняли плохими погодными условиями. Действительно, в этот период погодные условия на территории Китая не благоприятствовали урожаю. Однако плохая погода была и в других

странах Юго-Восточной Азии, но нигде это не имело таких разрушительных последствий. По свидетельству некоторых зарубежных наблюдателей, потери в Китае были в 3 раза выше, чем в странах с аналогичными климатическими условиями. Спад в сельском хозяйстве КНР слишком затянулся, чтобы иметь причиной одну лишь плохую погоду. Если урожай 1960 г. оценивался в 150—160 млн. т, то в 1961 г. он был также меньше уровня, предшествовавшего «большому скачку» — 165—170 млн. т.

Как писала китайская пресса, в 1962 г. положение было «несколько лучше», чем в 1961, а в 1963 лучше, чем в 1962, однако никаких более конкретных сведений о сборе зерновых не сообщалось.

Причина резкого снижения сельскохозяйственного производства в КНР лежит не только в засухе и наводнениях, но и в той дезорганизации сельского хозяйства, которую вызвали коммуны, в утрате заинтересованности в производстве рядовыми членами коммун, наконец, в тех кампаниях и экспериментах, с помощью которых пытались быстро увеличить сельскохозяйственное производство.

Большой вред нанесли сельскому хозяйству бесплановая ирригация и массовое глубокое рыхление. Они во многом усугубили разрушительное воздействие стихийных бедствий.

Ирригационное строительство, проводившееся накануне стихийных бедствий 1960—1961 гг., отнюдь не способствовало подготовке к борьбе с наводнениями и засухой. Грандиозные показатели выполненного водохозяйственного строительства вызывали благодушие. Сплошь и рядом строительство неустойчивой системы мелких сооружений рассматривалось как «решение» и даже как «окончательное решение» проблемы стихийных бедствий. Не было единого плана строительства, не были ясны последствия принятых работ для водного хозяйства страны в целом. Даже в указаниях ЦК КПК и Госсовета, сделанных еще в июне 1958 г., признавалось: «Какое влияние окажут эти сооружения, какие изменения в них произойдут, можно будет выяснить только после проведения наблюдений в течение 2—3 паводков и в результате сбора научных сведений».

Поспешность и чрезвычайно низкий уровень проектирования, а практически отсутствие каких-либо проектов в ирригационном строительстве были одной из причин тех разрушений, которые вызвали наводнения в 1960—1961 гг. Так как в период летних дождей уровень вод в китайских реках очень неустойчив, то обычно, опасаясь наводнений, крестьяне старались избавиться от летних паводковых вод: задерживать эти воды с помощью ненадежных средств было связано с большим риском. Однако начиная с 1958 г. в связи со строительством мелких ирригационных сооружений был принят курс на всемерное задержание и сохранение воды. Были затрачены большие усилия в пропаганде среди крестьян правильности и безопасности этого курса. Всемерное задержание паводковых вод было бы вполне оправданным, если бы сооружавшиеся каналы, дамбы и плотины были высокого качества, обосновывались квалифицированными расчетами и обеспечивали возможность принятия предупредительных мер. Однако ничего этого не было, и в период сильных паводков 1960—1961 гг. это в полной мере дало о себе знать.

Поспешное строительство мелких ирригационных систем привело и к другим отрицательным явлениям. В некоторых районах оно явилось причиной заболачивания почвы, в других — привело к ее засолению.

В результате глубокого рыхления произошло снижение плодородия почвы. На поверхность извлекались нижние, неплодородные слои почвы, а верхние, плодородные попали вниз. «При глубоком рыхлении, когда землю укладывают слоями,— сообщало агентство Синьхуа,— крестьяне тщательно следят за тем, чтобы верхний слой органической почвы остался наверху, так как в противном случае такое рыхление может привести и к снижению урожаев». Однако в действительности ударные темпы, работа ночью, нехватка рабочей силы — все это не позволяло тщательно выполнять работу.

Рыхление почвы на большую глубину требовало значительного количества удобрений. На первых этапах «большого скачка» специально созданные

бригады удобряли землю илом и другими «земляными» удобрениями. Впоследствии, когда поддерживать напряжение «большого скачка» оказалось невозможным, удобрений стали вносить меньше, урожайность земель, подвергшихся глубокому рыхлению, снизилась.

Наконец, глубоко взрыхленные рисовые поля пострадали больше других от засухи, так как глубокое рыхление вызвало ускоренную утечку воды, нарушило уровень грунтовых вод рисовых полей и для орошения потребовалось значительно больше воды, чем раньше. Об этом предупреждали активных сторонников новой практики многие специалисты. Однако все предупреждения были отброшены. В результате в районах, подвергшихся засухе, глубоко взрыхленные поля дали самые низкие урожаи.

Неурожай создал крайне трудную обстановку в стране. В пищу начали употреблять дикие травы, листья деревьев. Спасаясь от голода, сотни тысяч людей бежали за пределы Китая. Сянган (Гонконг) был переполнен беженцами из КНР.

Сокращение сельскохозяйственного производства вызвало целую цепь нарушений во всей экономике. Из-за нехватки сельскохозяйственного сырья сократился выпуск продукции легкой и пищевой промышленности. Закрылось множество мелких и средних предприятий, так как государство не могло снабжать рабочих этих предприятий продовольствием. Миллионы людей отправились обратно в деревню добывать себе пропитание. Закрывание мелких предприятий, в том числе шахт и рудников, еще больше обострило сырьевую проблему. Нехватка продовольствия, сырья, финансовых средств вынуждала закрывать даже крупные предприятия или же перейти на неполное использование имевшихся на них мощностей. Это коснулось всех промышленных центров, даже таких, как Шанхай, Аньшань, Ухань. Правительство было вынуждено перейти к массовой консервациистроек. Прекратилось строительство железных дорог. За короткий период производство упало значительно ниже того уровня, который предшествовал «большому скачку». Таким образом, конвульсивно расширившиеся сырьевые отрасли с их массовым

применением неквалифицированного труда, извлекаемого из сельского хозяйства, и большими потребностями в продовольственных ресурсах явились тем каналом, по которому экономический спад распространился из сельского хозяйства в другие сферы производства КНР, и прежде всего в промышленность.

Изменения хозяйственной обстановки в стране, происходившие уже помимо воли экономического руководства КНР, получили в начале 1961 г. отражение в официальных решениях как сознательно принятый курс на урегулирование, закрепление достижений «большого скачка». В этих решениях высказывалась надежда, что в течение ближайших лет в производстве удастся сохранить уровень 1960 г. Однако эти надежды не оправдались. В 1961 г. уровень промышленного производства, по некоторым оценкам, снизился на $\frac{1}{3}$ по сравнению с уровнем 1960 г., а в 1962 г. произошло дальнейшее сокращение выпуска промышленной продукции. Изменения экономической политики отражали также усиление оппозиции курсу Мао Цзэ-дуна со стороны большой группы китайского руководства. Эта оппозиция включала многих из тех, кто если не по существу, то на словах поддерживал кампанию «большого скачка».

Лишь после сокрушительной катастрофы в экономической стратегии КНР получили право гражданства относительно умеренные и реалистические суждения. Отмечалось, что развитие тяжелой промышленности, высокие темпы не должны быть самоцелью, что тяжелая промышленность должна обеспечивать техническую реконструкцию всего народного хозяйства. Указывалось, что, заботясь о количестве продукции, нужно заботиться и о качестве и т. д. В промышленности была в известной мере восстановлена система материального стимулирования. В сельском хозяйстве крестьянам были возвращены приусадебные участки, предоставлена некоторая экономическая самостоятельность производственным бригадам (коммуны остались лишь как административно-территориальные единицы), разрешена торговля излишками сельскохозяйственной продукции.

Все это сопровождалось отходом от руководства экономикой некомпетентных активистов «большого скачка».

Однако возможности возвращения Китая к нормальной экономической жизни были лимитированы. Для того чтобы стимулировать производство, нужны были резервы потребительских товаров, достаточное количество продовольствия. А именно здесь существовали наибольшие трудности. В условиях консервации почти всех строек и недоиспользования мощностей на действующих предприятиях китайская промышленность могла ставить перед собой только крайне ограниченные цели. Огромное количество ресурсов поглощала все расширявшаяся военная программа. Остальные средства были брошены на ликвидацию продовольственного кризиса.

Несмотря на все принятые меры, спад в экономике КНР прекратился лишь в 1963 г. В этом году наблюдался рост производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Тем не менее объем промышленного производства составил в этом году немногим более 60% от уровня 1960 г., а в производстве продовольствия не был восстановлен уровень 1957 г. В 1965 г. объем сельскохозяйственного производства КНР приблизился к уровню 1957 г. — исходного года «большого скачка», а объем промышленного производства приблизительно на 30% превысил этот уровень.

Несмотря на преодоление производственного спада, экономика КНР функционирует в настоящее время далеко не в нормальных условиях. Главной проблемой экономики КНР по-прежнему остается проблема продовольствия. Хотя его и производится сейчас почти столько же, сколько производилось в 1957 г., однако население Китая выросло с тех пор на несколько десятков миллионов человек. Мао Цзэдун и его окружение, только недавно выдвигавшие большое население в качестве первостепенного фактора экономического роста, теперь уже оказались не прочь объявить многомиллионное население Китая одной из главных причин переживаемых Китаем трудностей. Экономический кризис Китая сопровождался откровенно экспансионистскими заявлениями,

подкрепляемыми демагогическими рассуждениями о территории и населении. Однако совершенно очевидно, что если бы в Китае в последние годы не были нарушены и продолжали действовать те же тенденции, которые были характерны для периода первой пятилетки, то прирост населения неизменно бы сопровождался повышением его жизненного уровня и никому не потребовалось бы воскрешать теории «нехватки жизненного пространства».

Одним из серьезных последствий «большого скачка», характерных для современного состояния экономики Китая, является то, что, несмотря на наблюдающийся рост производства, его структура остается крайне деформированной. Если сравнивать современную структуру производства в Китае с тем, что имело место до «большого скачка», то бросается в глаза возникновение огромного разрыва между производством средств производства и производством предметов потребления. Такой разрыв объясняется не только прямым унаследованием современной экономикой Китая хозяйственных пропорций того недавнего периода, когда все средства направлялись в тяжелую промышленность, но и рядом уже вторичных изменений в структуре производства, последовавших за «большим скачком». Острый дефицит продовольствия заставляет концентрировать все усилия в сельском хозяйстве на производстве зерна и батата. Для производства же технических культур, сырья для легкой промышленности в условиях продовольственного кризиса средств не хватает.

Продовольственная проблема является тем барьером, который нужно преодолеть, чтобы до конца восстановить и развивать дальше сырьевые отрасли сельского хозяйства и отрасли легкой промышленности. При сложившемся положении промышленность будет лишена возможности внести тот вклад в повышение народного благосостояния, который при других обстоятельствах она могла бы сделать. Если объем продукции тяжелой промышленности КНР в 1965 г. превысил уровень 1958 г., то производство хлопка, выпуск хлопчатобумажных тканей все еще находились ниже того уровня, который предшествовал «большому скачку».

Укажем еще на одну особенность современной структуры экономики Китая, которая имеет важное значение с точки зрения оценки сегодняшнего состояния хозяйства и перспектив его развития. При опережающем росте тяжелой промышленности доля накопления в национальном доходе КНР, т. е. доля средств производства, используемых в целях дальнейшего расширения хозяйства, снижается. Сужение воспроизводственной базы китайской экономики в условиях преимущественных темпов роста тяжелой промышленности происходит вследствие того, что все большая часть средств производства находит себе применение в производстве вооружений и покидает экономическую сферу в виде военной продукции.

Росту промышленного производства КНР начиная с 1963 г. способствовали та инерция и те заделы, которые были накоплены в течение сравнительно длительного периода, предшествовавшего спаду. Однако заделы в капитальном строительстве постепенно исчерпываются, источниками дополнительного выпуска продукции во все большей мере становятся мощности, создание которых началось непосредственно в 60-е годы. В то же время после 1960 г. в результате политики «большого скачка» начался период всемерного ограничения капитального строительства и даже полного его прекращения.

Чрезвычайно неблагоприятное влияние на развитие экономики Китая оказывает свертывание в угоду националистической доктрине Мао Цзэ-дуна экономических связей с социалистическими странами и переориентация в этой области на Запад. Экономическая помощь социалистических стран, и прежде всего Советского Союза, сыграла исключительно важную роль в индустриализации Китая. С помощью Советского Союза в Китае построено 200 крупнейших промышленных предприятий, явившихся остовом для дальнейшего развития целостной промышленной системы. Решающее значение имела помощь Советского Союза в создании таких отраслей, как автомобилестроение, самолетостроение, тракторостроение, современная химическая промышленность, электротехническая промышленность, промышленность

тяжелого машиностроения. Включение Китая в общую систему разделения труда стран социализма способствовало бы значительному ускорению его промышленного развития. Китаю не потребовалось бы налаживать у себя производство многих видов продукции ограниченного спроса, массовый выпуск которых налажен уже в братских странах. Советский Союз с его высокоразвитой промышленной системой вступает в кооперацию со странами СЭВ и другими социалистическими странами. Польза от такого разделения труда для Китая была бы тем более ощутимой. Кроме того, Китай ухудшил для себя условия экономического обмена. Для торговли с капиталистическими странами ему необходимо постоянное накопление запасов твердой валюты. Это в свою очередь предъявляет особые требования к качественному составу и структуре китайского экспорта. В результате возникает дополнительная нагрузка на промышленность и сельское хозяйство.

Большая опасность для перспектив экономического развития Китая состоит в том, что Мао Цзэ-дун и его группа не отказались от своих планов наладить военно-административную систему управления производством, исключая использование последовательно экономических методов. В первые годы после крушения политики «большого скачка» его инициаторы были вынуждены отойти в сторону и уступить в управлении экономикой место людям, представления которых о методах управления хозяйством, а также квалификация которых больше соответствовали задачам переживаемого момента. Однако начиная с 1963 г. по мере нормализации хозяйственной обстановки Мао Цзэ-дун и его приверженцы снова подняли головы. С каждым днем все громче становилась пропаганда армии и армейских порядков в качестве всеобщего образца. Стали распространяться призывы учиться у таких людей, как Лэй Фын, «вечный нержавеющий винтик председателя Мао». Полное самоотречение, отказ от всяких материальных благ, сознательный отказ от всякого самостоятельного мышления — таков гражданский идеал, сконструированный маоцзэдуновской пропагандой. Хотя все пропагандистские кампании имели

ограниченное влияние на экономику, те политические и моральные критерии, которые с помощью этих кампаний утверждались, были несовместимы с наметившимися тенденциями к нормализации экономической жизни страны. Вскоре со стороны приверженцев Мао Цзэ-дуна началось уже прямое вмешательство в хозяйственную жизнь. Развернулась усиленная пропаганда опыта нефтепромыслов Дацина. Особенно пропагандировались их стремление развивать производство без государственных капиталовложений, курс на самообеспечение (налаживание сельскохозяйственного производства), отказ от материального стимулирования. Таким образом, снова начали превозноситься те же экономические добродетели и насаждаться те же порядки, которые составляли основное содержание политики «большого скачка». Наконец, раздались прямые призывы повторить «большой скачок», которые усилились с развертыванием так называемой «культурной революции».

Возвращение к внеэкономическим, полувоенным методам «большого скачка» является одним из программных положений «культурной революции». «Культурная революция» сопровождается борьбой с так называемым «экономизмом». Учреждается военный контроль над производством. Оказался сорванным переход к выполнению нового пятилетнего плана на 1966—1970 гг.

Беспорядки, вызываемые «культурной революцией», быстро вытравляют из хозяйственной жизни те достижения, которые имелись до «большого скачка» и «культурной революции». Хороший урожай в 1967 г. в определенной мере смягчил отрицательный экономический эффект от раскола, происходящего в стране. Однако некоторое улучшение конъюнктуры, вызванное урожайным годом, со временем проходит, а разрушающее влияние «культурной революции» продолжается. Имеется много признаков появления в китайской экономике новых диспропорций. Как и несколько лет назад, исходный пункт их возникновения — сырьевые отрасли. За нарушениями производства в сырьевых отраслях, и прежде всего в угольной промышленности, как показывают

факты, следуют перебои на транспорте и за ними — в обрабатывающих отраслях промышленности. Очевидно, что стабильность дальнейшего экономического развития КНР будет тесно связана с тем, как сложится последующий ход «культурной революции».

Победа тех сил, которые противостоят политике Мао Цзэ-дуна и его сторонников, могла бы стать началом возвращения Китая к нормальной экономической жизни, к использованию всех возможностей, заложенных в социализме, а также началом разрешения всех тех хозяйственных проблем, которые накопились в Китае за последнее десятилетие.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. «ГЕНЕРАЛЬНАЯ ЛИНИЯ»	9
Курс на форсирование темпов	—
600-миллионное население	25
«Линия масс»	30
2. «БОЛЬШОЙ СКАЧОК»	40
Методы «большого скачка»	—
«Большой скачок» в сельском хозяйстве	52
«Большой скачок» в промышленности	64
Изменения в оплате труда	85
Людские ресурсы — главный объект экспериментов	91
3. НАРОДНЫЕ КОММУНЫ	107
4. ИТОГИ «БОЛЬШОГО СКАЧКА»	128

Яременко Юрий Васильевич
«БОЛЬШОЙ СКАЧОК»
И НАРОДНЫЕ КОММУНЫ В КИТАЕ

Редактор М. А. Рабинович

Художественный редактор С. Н. Голубев

Технический редактор Ю. А. Мухин

Сдано в набор 29 марта 1968 г. Подписано в печать 14 июня 1968 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 7,56. Учетно-изд. л. 6,85. Тираж 50 тыс. экз. А 05870. Заказ № 1287. Цена 21 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

21 коп.

